

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

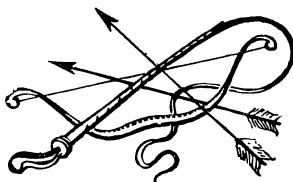

ГОРАЦИЙ
ПЕРСИЙ
СЕНЕКА
ПЕТРОНИЙ
ЮВЕНАЛ
СУЛЬПИЦИЯ
АНОНИМ

РИМСКАЯ САТИРА

ПЕРЕВОДЫ С ЛАТИНСКОГО

•
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Составление и комментарии

Ф. А. ПЕТРОВСКОГО

*

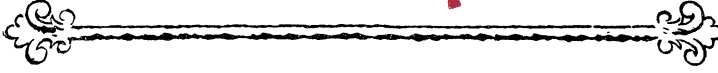
Оформление художника

ЕВГ. КОГАН

ГОРАЦИЙ

САТИРЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

САТИРА ПЕРВАЯ

то за причина тому, Меценат, что какую бы долю
Нам ни послала судьба и какую б ни выбрали сами,
Редкий доволен, и всякий завидует доле другого?
«Счастливы купец!» — говорит отягчаемый летами воин,
Чувствуя, как у него все тело усталое ноет.

Если же буря бросает корабль, мореходец взывает:

«Лучше быть воином: что́ им! лишь кинутся в битву с врагами,

Час не пройдет — иль скорая смерть, или радость победы!»

Опытный в праве законник, услыша чем свет, что стучится

10 В двери к нему доверитель, — хвалит удел земледельца!

Житель же сельский, для тяжбы оставить село принужденный,

Вызванный в город, считает одних горожан за счастливых!

Этих примеров так много, что их перечесть не успел бы

Даже и Фабий-болтун! Итак, чтоб тебе не наскучить,

Слушай, к чему я веду. Пусть бы кто из богов вдруг сказал им:

«Вот я! исполню сейчас все, чего вы желали! Ты, воин,

Будешь купцом; ты, ученый делец, земледельцем! Ступайте,

Роли свои променяв, ты туда, ты сюда! Что ж вы стали?»

Нет, не хотят! А ведь счастье желанное он им дозволил!

20 После же этого как не надуть и Юпитеру губы!

Как же во гневе ему не сказать, что вперед он не будет

Столь благосклонен? Но полно! я шутку оставляю; не с тем я

Начал, чтоб мне, как забавнику, только смешить! — Не мешает

Правду сказать и шутя, как приветливый школьный учитель

Лакомства детям дает, чтобы азбуке лучше учились;

Но — мы в сторону шутку; поищем чего поважнее.

Тот, кто ворочает землю тяжелой сохою, и этот

Лживый шинкарь, и солдат, и моряк, проплывающий смело

Бездны сердитых морей, — все труды без роптания сносят

30 С тем, чтоб, запас накопив, под старость пожить на покое.

«Так, — для примера они говорят, — муравей работающий,

Даром что мал, а что сможет, ухватит и к куче прибавит.

Думает тоже о будущем он и нужду предвидит».

Да! но лишь год, наступающий вновь, Водолей опечалит,

Он из норы ни на шаг, наслаждаясь разумно запасом,

Собранным прежде; а ты? А тебя ведь ни знойное лето,

Ни зима, ни огонь, ни моря, ни железо не могут

От твоих барышей оторвать: никаких нет препятствий!

Только и в мыслях одно, чтобы не был другой кто богаче!

40 Что же в том пользы тебе, что украдкой от всех зарываешь

В землю ты кучи серебра или злата тяжелые груды?..

«Стоит почать, — говоришь ты, — дойдешь до последнего асса».

Ну, а ежели их не почать, что за польза от кучи?

Пусть у тебя на гумне хоть сто тысяч мешков намолотят;

Твой желудок не больше вместит моего: ведь если б

Ты, меж рабами, сеть с хлебами нес на плечах — ты, однако,

Больше другого, который не нес, ничего не получишь!

Что же за нѣжда тому, кто живет в пределах природы,

Сто ли вспахал десятин он, иль тысячу? — «Так! да приятней

50 Брать из кучи большой!» — Поверь, все равно, что из малой,
Лишь бы я мог и из малой взять столько же, сколько мне нужно!

Что ж ты огромные житницы хвалишь свои? Чем их хуже

Хлебные наши мешки?.. Ну, так если б тебе довелася

Нужда в кувшине воды иль в стакане одном, ты сказал бы:

«Лучше в большой я реке зачерпну, чем в источнике этом!»

Вот от того и бывает с людьми ненасытными, если

Лишних богатств захотят, что Ауфид разъяренный волною

С берегом вместе и их оторвет и потопит в пучине!

Кто же доволен лишь тем немногим, что нужно, ни в тине

60 Мутной воды не черпнет, ни жизни в волнах не погубит!

Многие люди, однакож, влекомые жадностью ложной,

Скажут: «Богатство не лишнее; нас по богатству ведь ценят!»

С этими что толковать! Пусть их алчность презренная мучит!

Так, говорят, афинянин один, и скупой и богатый,

Речи людские привык презирать, говоря о гражданах:

«Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши

Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой люблюсь!»

Тантал сидел же по горло в воде; а вода утекала

Дальше и дальше от уст!.. Но чему ты смеешься?.. Лишь имя

70 Стоит тебе изменить, — не твоя ли история это?..

Спишь на мешках ты своих, наваленных всюду, несчастный,

Их осужденный беречь как святыню; любишься ими,

Точно картиной какой! А знаешь ли деньгам ты цену?

Знаешь ли, деньги на что? Чтоб купить овощей, или хлеба,

Или бутылку вина, без чего обойтись невозможно.

Или приятно тебе, полумертвому в страхе, беречь их
Денно и ночью, боясь и воров, и пожара, и даже
Собственных в доме рабов, чтоб они, обокрав, не бежали!
Нет! Я желал бы, чтоб благ таковых у меня было меньше!

80 Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле
Или другою болезнью ты будешь к постели прикован,
Кто за тобою-то станет ходить и готовить лекарства?..
Кто — врача умолять, чтобы спас от болезни и снова
Детям, родным возвратил? Ни супруга, ни сын не желают;
Ну, а соседи твои и знакомые, слуги, служанки —
Все ненавидят тебя! Ты дивишься? Чему же? Ты деньги
В мире всему предпочел, попечений любви ты не стоишь!
Если ты хочешь родных, без труда твоего и заботы
Данных природой тебе, и друзей удержать за собою,
90 Тщетно, несчастный, теряешь свой труд: как осла не приучишь
Быть послушным узде и скакать по Марсову полю!
Полно копить! Ты довольно богат; не страшна уже бедность!
Время тебе отдохнуть от забот; что желал, ты имеешь!
Вспомни Умидия горький пример; то недлинная повесть.
Так он богат был, что деньги считал уже хлебною мерой;
Гак он был скуп, что с рабами носил одинакое платье,
И — до последнего дня — разоренья и смерти голодной
Все он боялся! Но вот, отпущённая им же на волю,
Та, что храбрее всех Тиндарид, не задумавшись, разом
100 В руки топор ухватив, пополам богача разрубила!
«Что ж ты советуешь мне? Неужели, чтоб жил я, как Невий
Или какой Номентан?» — Ошибаешься! Что за сравненье
Крайностей, вовсе не сходных ни в чем! Запрещая быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтоб безумный ты был расточитель!
Меж Танаиса и тестя Визельева есть середина!
Мера должна быть во всем, и всему, наконец, есть пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!

Я возвращаюсь к тому же, чем начал; подобно скупому,
Редкий доволен судьбою, считая счастливым другого!
110 Если коза у соседа с паствы придет с отягченным
Выем густым молоком, и от этого с зависти сохнут!

А ведь никто не сравнит тебя с бедняком: все — с богатым!
Но ведь как ни гонись за богатым, все встретишь богаче!
Так на бегу колесницу несут быстроногие кони,
Следом возница другой погоняет своих им вдогонку,
Силится их обогнать, презирая далеко отставших.
Вот оттого-то мы редко найдем, кто сказал бы, что прожил
Счастливо век свой, и, кончив свой путь, выходил бы из жизни,
Точно как гость благодарный, насытись, выходит из пира.

120

Но уж довольно: пора замолчать, чтобы ты не подумал,
Будто таблички украл у подслепого я, у Криспина!

САТИРА ВТОРАЯ

лейтшицы, нищие, мимы, шуты, лекаря площадные,
Весь подобный им люд огорчен и в великом смущенье:
Умер Тигеллий певец: он для них был и щедр
и приветлив!

А ведь иной, опасаясь прослыть расточителем, даже
Бедному другу не хочет подать и ничтожную помощь,
Чтобы укрылся от холода он, утолил бы свой голод!
Спросишь другого: зачем он именье блестящее дедов
Или именье отца на прозорливость тратит? Зачем он,
Тратя заемные деньги, припасы к столу покупает?..

¹⁰ Скажет: не хочет он мелкой душонкой прослыть или скрягой!
Хвалит, конечно, иной и его; а другой осуждает.

Ну, а богатый землями и в рост отдающий Фуфидий,
Славы развратного, имени мота боясь, не стыдится
Брать с должников пять процентов на месяц; и даже чем больше
Кто нуждою стеснен, тех более он притесняет!
Больше он ловит в добычу людей молодых, у которых
Строги отцы, и надевших недавно вирильную тогу.
Как не воскликнуть, услышавши это: «Великий Юпитер!»
Скажут: «Конечно, зато по доходам его и расходы?»

²⁰ Нет! не поверишь никак! он сам себе недруг! Не меньше,
Чем у Теренция сына изгнавший отец был страдальцем,
Так же и он — сам терзает себя! Но если кто хочет
Знать, к чему эту речь я веду, то к тому, что безумный,
Бросив один недостаток, всегда попадает в противный!
Так у Малтина туника отвсюду висит и тащится;
Ну, а другой поднимает ее до пупа. От Руфилла
Пахнет духами; Гаргоний же козлищем грязным воняет.

Нет середины. Одни только тех хотят женщин касаться,
Столы которых обшнты оборкой, до пят доходящей;
30 Тот же, напротив, — лишь тех, что стоят под сводом вонючим.
Мужа известного раз из-под свода идущим увидя,
Молвил божественно мудрый Катон: «Твоей доблести — слава!
Ибо, надует когда затаенная похоть им жилы,
Юношам лучше сюда спускаться, оставив в покое
Женщин замужних». — «Такой я хвалы ни за что не хотел бы», —
Молвит под белой лишь столой ценящий красу Купиэнний.
Выслушать стоит вам — тем, что успеха в делах не желают
Бабникам, — сколько страдать приходится им повсеместно:
Как наслаждение им — отравлено горем обильным —
40 Редко дается, ценой сплошь и рядом опасностей тяжких.
С крыши тот сбросился вниз головою, другого кнутами
Насмерть засекли; а тот, убегая, разбойников шайке
В руки попал; а другой поплатился деньгами за похоть;
Слугами этот облит. Был раз и такой даже случай,
Что, волокиту схватив, совершенно его оскопили
Острым ножом. «Поделом!» — говорили все, Гальба же спорил.
В классе втором сей товар безопасней, конечно, гораздо —
Вольноотпущенниц я разумею, которых Салюстий
Любит безумно, не меньше, чем истый блудник. Но ведь он же,
50 Если бы в меру желал быть добрым и щедрым, насколько
Средства и разум велят и насколько ему то пристойно
Быть тороватым, давал бы он вдоволь, себе разоренья
Сам не чиня и позора. Но тешит себя он одним лишь,
Любит и хвалит одно: «Ни одной не касаюсь матроны».
Так же недавно Марсей, любовник Оригины славной:
Отчую землю и дом актерке он отдал в подарок,
Хвастая: «Я не имел с чужими ведь женами дела».
Но и с актерками жил и с блудницами он, а ведь этим
Больше, чем средствам, ущерб причиняется чести. Неужто
60 Надо отдельных особ избегать, не заботясь избегнуть
Зла, приносящего вред? Утратить ли доброе имя,
Иль состояние отца промотать — одинаково дурно.
Разница есть ли, когда ты с матроной грешишь иль с блудницей?

- Виллий (по Фавсте он стал зятем Суллы) несчастный, прельстившись
Именем только, понес наказаний довольно и даже
Больше того: был избит кулаками он, ранен железом,
Выгнан за дверь был, когда Лонгарен находился в покоях.
Если бы, эту печаль его видя, к нему обратился
Дух его с речью такой: «Чего тебе? Разве когда ты
70 Пылом объят, то тебе непременно любовницу надо,
В столу одетую, дать от великого консула родом?»
Что он ответил бы? «Дочь ведь отца она знатной породы!»
Сколько же нас лучшему учит природа, вот с этим воюя,
Средств изобилием сильна, если только ты хочешь с расчетом
Жизнь устроить, различая, чего домогаться ты должен
Или чего избегать. Все равно тебе, что ли, страдаешь
Ты по своей ли вине, или случайно? Поэтому, чтобы
После не каяться, брось за матронами гнаться: ведь так лишь
Горе скорее испытать, чем сорвать удовольствие можно.
80 Право, у женщины той, что блестит в жемчугах и смарагдах
(Как ни любуйся, Керинф!), не бывают ведь бедра нежнее,
Ноги стройней; у блудниц они часто бывают красивей;
Кроме того, свой товар без прикрас они носят, открыто,
Что на продажу идет, выставляют: совсем не кичатся
Тем, что красиво у них, и плохого они не скрывают.
Есть у богатых обычай коней покупать лишь прикрытых,
Чтобы, зевая на круп, как нередко бывает, красивый, —
Пусть и на жидких ногах, — покупатель в обман не попался:
Зад, мол, хорош, голова коротка у ней, шея крутая.
90 Правы они — вот и ты не гляди на красивое в теле
Глазом Линкея; равно не слепее известной Гипсеи
Ты на уродства зри: «О ручки, о ножки!..» Но с задом
Тошным, носастая, с тальей короткой, с большою ступнею...
Кроме лица, ничего у матроны никак не увидишь:
Если не Катия — все ниспадающим платьем закрыто.
Если к запретному ты, к окруженному валом стремишься
(Это тебя ведь ярит), повстречаешь препятствий ты много:
Стража, носильщики вокруг, раздувальщик огня, приживалки;
Спущена стола до пят, и покрыто все мантией сверху —

- 100 Многие ясно предстать пред тобою мешает предмету.
Все на виду у другой: можешь видеть сквозь косские ткани
Словно нагую; не тоще ль бедро, не уродливы ль ноги;
Глазом измеришь весь стан. Или ты предпочтешь, чтоб засады
Строили против тебя или плату вперед вырывали
Раньше, чем видел товар ты? Охотник поет, как за зайцем
Вслед по глубокому снегу он мчится, а если лежачий —
Трогать не хочет; припев же: «Любовь моя так же несется
Мимо того, что лежит предо мной, а бегущее ловит».
Этою песенкой ты надеешься, что ли, из сердца
- 110 Страсти волненья, печаль и заботы тяжелые вырвать?
Иль не полезней узнать, какие преграды природа
Всяческим ставит страстям? в чем легко, в чем, страдая, лишенья
Терпит она? отличать от того, что существенно, призрак?
Разве, коль жажда тебе жжет глотку, ты лишь к золотому
Кубку стремишься? Голодный, всего, кроме ромба, павлина,
Будешь гнушаться? Когда же ты весь разгорелся и если
Есть под рукою рабыня иль отрок, на коих тотчас же
Можешь напасть, предпочтешь ты ужели от похоти лопнуть?
Я не таков: я люблю, что недорого лишь и доступно.
- 120 Ту, что «поздней» говорит, «маловато», «коль муж уберется», —
К евнухам шлет Филодем, для себя же он лучше желает
Ту, что по зову идет за малую плату, не медля;
Лишь бы цветуща, стройна, изящна была, не стараясь
Выше казаться, белей, чем природа ее одарила.
Если прижмется ко мне и крепко обнимет руками, —
Илия то для меня иль Эгерия: имя любое
Дам, не боясь, как бы муж из деревни в ночь не вернулся,
Дверь не взломали б, чтоб пес не залаял и, шумом встревожен,
Вдруг не наполнился б криком весь дом; поблуднев, не вскочила б
- 130 С ложа жена, не кричала б участница: «Горе мне, бедной!» —
За ноги эта страшась, за приданое — та, за себя — я.
Без подпояски бежать и босыми ногами придется,
Чтоб не платиться деньгами, спиной, наконец же и честью.
Горе — попасться: я то докажу, хоть бы Фабий судьей был.

САТИРА ТРЕТЬЯ

бший порок у певцов, что в приятельской доброй
беседе,
Сколько ни просят их петь, ни за что не поют; а не
просят —

Пению нет и конца! Таков был сардинец Тигеллий.

Цезарь, который бы мог и принудить, если бы даже
Стал и просить, заклиная и дружбой отца и своею, —
Все ни во что бы! А сам распоеется — с яиц и до яблок
Только и слышишь: «О Вакх!» то высоким напевом, то низким,
Басом густым, подобным четвертой струне тетрахорда.
Не был он ровен ни в чем. Иногда он так скоро, бывало,
10 Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает
Важно, как будто несет он священную утварь Юноны.
То вдруг двести рабов у него; то не больше десятка.
То о царях говорит и тетрархах высокие речи;
То вдруг скажет: «Довольно с меня, был бы стол, хоть треногий,
Соли простая солонка, от холода грубая тога!»
Дай ты ему миллион, как будто довольному малым,
И в пять дней в кошельке ничего! Ночь гуляет до утра;
Целый день прохрапит! Не согласен ни в чем сам с собою!

Может быть, кто мне заметит: «А сам ты? ужель без пороков?»
20 Нет! есть они и во мне, и не меньше, только другие.
Мений однажды заочно над Новием дерзко смеялся.
Кто-то сказал: «А тебя мы не знаем? Иль нам не известно,
Сам ты каков?» А Мений в ответ: «О! себе я прощаю!»
Это пристрастие к себе самому и постыдно и глупо.
Если свои недостатки ты видишь в тумане, зачем же
Видишь их зорко в других, как орел или змей эпидаврский?
Верь мне: за то и они все твои недостатки припомнят!

«Этот строптив, говорят, ни малейшей не вытерпит шутки».

Да! хоть над грубою тогой, висящей до пят, над короткой
30 Стрижкой волос, над широкой обувью можно смеяться —
Но он и честен и добр, и нет лучше его человека!
Но неизменный он друг; но под этой наружностью грубой
Гений высокий сокрыт и прекрасные качества духа!
Ты испытал бы себя: не посеяла ль мать природа
Или дурная привычка в тебе недостатка какого
Или порока? Дурную траву выжигают; но знаешь,
Где вырастает она? На запущенном пахарем поле!

Страстью любви ослепленный не видит ничуть недостатков
В милой подруге; ведь даже ему и ее безобразье
40 Нравится: так любовался Бальбин и наростом у Агны!
Если б мы так заблуждались и в дружбе, сама добродетель,
Верно, почтила б тогда заблужденье подобное в друге.
В друге его недостатки должны мы сносить терпеливо,
Так же как в сыне отец снисходительно многое терпит.

Если сын кос, говорит: «У него разбегаются глазки!»
Если он мал, как уродец Сизиф, называет цыпленком.
Ежели сын кривоног, он бормочет сквозь зубы, что пятки
Малость толсты, затем он на них так и держится слабо.

Так ты суди и о друге, и, ежели скупо живет он, —
50 Ты говори, что твой друг бережлив; а хвастлив он, насмешлив, —
Ты утверждай, что друзьям он понравиться шутками хочет;
Если он груб и себе позволяет он вольностей много, —
Выставь его за прямого, правдивого ты человека.
Если он бешен, — скажи, что немножко горяч. — Вот как дружбы
Узы хранятся, и вот как согласие людей съединяет!

Мы же, напротив, готовы чернить добродетель; наводим
Грязь на чистейший сосуд; а честного, скромного мужа
Мы назовем простаком; а кто медлит — тупым и тяжелым.
Ежели кто осторожно людской западни избегает,
60 Если, живя меж людей и завистных, и злобных, и хитрых,
Злому не выдаст себя безоружной своей стороною,
Мы говорим: он лукав, а не скажем, что он осторожен.
Если кто прост в обращение, — как я, Меценат, пред тобою

Часто бывал, — чуть приходом своим иль своим разговором
В чтение он нас развлечет, в размышлении нам помешает, —
Тотчас готовы сказать, что в нем вовсе нет здравого смысла.
Ах, сколь безумно даем на себя же мы эти законы!

Кто без пороков родится? Тот лучше других, в ком их меньше.
Но снисходительный друг, как и должно, — мои недостатки
70 Добрыми свойствами, верно, пополнит; и если их больше,
Склонится к добрым, когда он желает и сам быть любимым.
С этим условием и сам он на тех же весах оценится.
Если ты хочешь, чтоб друг твой горбов у тебя не заметил,
Сам не смотри на его бородавки. Кто снисхожденья
Хочет к себе самому, тот умеи снисходить и к другому!

Ежели гнев и порывы безумья, которые сродны
Слабости нашей природы, нельзя истребить совершенно,
Что же рассудок с своими и мерой и весом? Зачем же
Он не положит за все соразмерного злу наказания?..
80 Если б кто распял раба, со стола относившего блюда,
Лишь за проступок пустой, что кусок обглоданной рыбы
Или простывшей подливки он, бедный, дорогой отведал, —
Ты бы сказал, что безумнее он Лабеопа. А сам ты
Сколько безумнее, сколько виновнее! Друг пред тобою
В самой безделке пустой провинился, а ты не прощаешь.
Верь: все за это жестоким тебя назовут. Ненавидя,
Ты убегаешь его, как должник убегает Рузона.
Словно бедняк, с наступленьем календ, не имея готовых
Ни процентов, ни суммы, рад провалиться, несчастный,
90 Только б пред ним не стоять, как пленному, вытянув шею,
Только б не слушать его нестерпимых и скучных историй!
Друг мой столовое ложе мое замарал; иль Эвандра
Старую чашу с стола уронил; или с блюда дыпыленка
Взял, несмотря, что он был предо мной; и за это на друга
Я осержусь? Да что ж я бы сделал, когда б обокрал он,
Тайне моей изменил или мне не сдержал обещанья?..

Тем, для которых вины все равны, — нет самим оправданья!
Против них все вопиет: и рассудок, и нравы, и польза —
Мать справедливости, мать правоты — их всех осуждает!

100 Люди вначале, когда, как стада бессловесных животных,
Все пресмыкались они по земле, — то за темные норы,
То за горсть желудей кулаками, ногтями дрались;
Бились палками, после оружием; выдумав слово,
Стали потом называть именами и вещи и чувства.
Тут уклонились они от войны; города укрепили;
Против воров, злободеев, разбойников дали законы:
Ибо и прежде Елены многие жены постыдной
Были причиной войны; но все эти, как дикие звери,
Жен похищавшие чуждых, от сильной руки погибали
110 Смертью безгласной — как бык погибает, убитый сильнейшим.

Если раскроет кто летопись мира, веков и народов,
Должен признать, что закон произошел — от боязни неправды!
Правды с неправдой натура никак различить не умеет
Так, как она различает приятное с тем, что противно!
Просто рассудком нельзя доказать, что и тот, кто капусту
На огороде чужом поломал, и тот, кто похитил
Утварь из храма богов, — преступление оба свершили!
Нужно, чтоб правило было и им полагалось возмездье
В меру вины, чтоб бичом не наказан был легкий проступок.
120 Впрочем, чтоб розгою ты наказал заслужившего больше,
Этого я не боюсь! Ты всегда говоришь, что различья
Нет меж большой и меж малой виной, меж разбоем и кражей;
Будто ты все бы одной косою скосил без разбора,
Если б почтили тебя сограждане властью высокой.
Если ж мудрец — по твоим же словам — и богач, и сапожник,
И красавец, и царь: так чего же желать, все имея?..
«Ты ведь не понял меня, — говоришь ты, — Хрисипп, наш

наставник,

Так говорит, что мудрец хоть не шьет ни сапог, ни сандалий,
Но сапожник и он». — Почему? — «Потому что и молча
130 Гермоген — все отличный певец, а Алфен — все сапожник
Ловкий, как был, хоть и бросил снаряд свой и лавочку запер!
Так и мудрец. Он искусен во всем; он всем обладает,
Следственно он над всеми и царь». — Хорошо! отчего же
Ты не властен мальчишек прогнать, как они всей толпою

Бороду рвут у тебя и как ты надрываешься с крику?..

Ты и мудрец, ты и царь, а лаешь на них попустому!

Кончим! Пока за квадрант ты, властитель, отправишься в баню

С свитой покуда незнатной, с одним полоумным Криспином,

Я остаюсь с друзьями, которые — в чем по незнанию

¹⁴⁰ Я погрешу — мне охотно простят; я тоже охотно

Их недостатки сношу. И хоть я гражданин неизвестный,

Но убежден, что счастливей тебя проживу я на свете!

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

ристофан и Кратин, Евполид и другие поэты,
Мужи, которые древней комедии славою были,
Если кто стоял представленным быть на позорище
людям, —

Вор ли, убийца ль, супружных ли прав оскорбитель
бесчестный, —

Смело, свободно его на позор выставляли народу.

В этом последовал им и Луцилий, во всем им подобный,

Кроме того, что в стихе изменил и стопу он и меру.

Весел, тонок, остер; но в составе стиха был он жесток:

Вот в чем его был порок. Он считал за великое дело

10 Двести стихов произнести, на одной ноге простоявши.

Мутным потоком он тек; а найти в нем хорошее можно.

Но — многословен, ленив, не любил он трудиться над слогом,

Много ль писал — умолчу! Но вот уж я вижу Криспина;

Вот... подзывает мизинцем меня: «Возьми-ка таблички,

Ежели хочешь; назначим свидетелей, время и место,

Да и посмотрим, кто больше напишет!» — О нет! превосходно

Сделали боги, что дали мне ум и скудный и робкий!

Редко и мало ведь я говорю; но тебе не мешаю,

Если угодно тебе, подражать раздувальному меху

20 И напрягаться, пока от огня размягчится железо.

Фанний счастливый! Он все сочиненья свои и свой облик

Выставил сам, хоть никто не просил. Но моих сочинений

Не читает никто; а публично читать опасаясь

Я, потому что немало людей, порицанья достойных:

Им не нравится род мой! Возьми из толпы наудачу —

Этот терзается скупостью; тот честолюбьем несчастным;

Этому нравятся женщины; этому мальчики милы;
Этого блеск серебра восхищает, а Альбия — бронза.

Этот меняет товары от стран восходящего солнца

30 Вплоть до земель, где оно заходящими греет лучами:
Все умножая богатства, убытков страшась, он несется,
Он сквозь опасности мчится, как прах, воздвигаемый вихрем.
Все, кто боится стихов, ненавидят за них и поэта.
«Сено, — кричат, — на рогах у него!» — «Берегись! Он пощады
Даже и другу не даст; приневолит себя, чтоб смеяться!
Только б ему написать, а уж там всем мальчишкам,

старухам,

Из пекарни ль, с пруда ли идут, всем уж будет известно!»

Пусть! Но примите, прошу, два слова в мое оправданье!

Первое: я не считаю себя в тех, которым бы дал я

40 Имя поэта: ведь стих заключить в известную меру —
Этого мало! Ты сам согласишься, что кто, нам подобно,
Пишет, как говорят, тот не может быть признан поэтом.
Этого имени честь прилична лишь гению, духу
Божеской силы, устам — великое миру гласящим.
Вот отчего и комедия многих вводила в сомненье,
И поэма ль она, или нет, подвергалось вопросу,
Ибо ни силы в ней духа, ни речи высокой: отлична
Только известною мерой стиха от речей разговорных.

«Так! но и в ней — не гремит ли отец, пламенеющий гневом,

50 Ежели сын, без ума от развратницы, брак отвергает
И от невесты с приданым бежит, и при свечках, пьяный,
Засветло бродит туда и сюда!» — Но разве Помпоний,
Если бы жив был отец, не те же бы слышал угрозы?
Следственно, гладких стихов для комедии мало, хотя бы,
Меру отняв, мог и всякий отец так грозиться на сцене.
Ежели меры и такта лишить все, что ныне пишу я,
Как и что прежде Луцилий писал, и слова переставить,
Первое сделать последним, последнее первым (не так, как
В этих известных стихах: «Когда железные грани

60 И затворы войны сокрушились жестоким раздором»):

В нас невозможно б найти и разбросанных членов поэта!

Но подождем разбирать, справедливо ль считать за поэму
 То, что пишу я теперь. Вот вопрос: справедливо ль считаешь
 Ты, что опасно писать в этом роде? Пусть Сульций и Каприй,
 Оба охрипшие, в жарком и сильном усердии оба,
 Ходят с доносом в руках, негодяев к великому страху;
 Но — кто честно живет, тот доносы и их презирает.
 Если на Целия, Бирра, разбойников, сам и похож ты,
 Все я не Каприй, не Сульций: чего же меня ты боишься?

70 В книжных лавках нет вовсе моих сочинений, не видно
 И объявлений о них, прибитых к столбам; и над ними
 Не потеет ни черни рука, ни рука Гермогена!
 Я их читаю только друзьям; но и то с принуждением,
 Но и то не везде, не при всех. А многие любят
 Громко читать, что напишут, на форуме, даже и в бане,
 Ибо в затворенном месте звончей раздается их голос.
 Суетным людям приятно оно; а прилично ли время,
 Нужды им нет, безрассудным. — «Но ты, говорят мне, ты любишь
 Всех оскорблять! От природы ты склонен к злоречью!» — Откуда
 80 Это ты взял? Кто из живших со мной в том меня опорочит?
 Если заочно злословит кто друга; или, злоречье
 Слыша другого о нем, не промолвит ни слова в защиту;
 Если для славы забавника выдумать рад небылицу
 Или для смеха готов расславить приятеля тайну:
 Римлянин! вот кто опасен, кто черен! Его берегися!

Часто мы видим — три ложа столовых; на каждом четыре
 Гости; один, без разбора, на всех насмешками брызжет,
 Кроме того, чья вода; но лишь выпьет, лишь только откроет
 Либер сокрытое в сердце, тогда и тому достается.
 90 Этот, однакоже, кажется всем и любезным и кротким,
 Но откровенным; а я, лишь за то, что сказал: «От Руфилла
 Пахнет духами; Гаргоний же козлицем грязным воняет»,
 Я за это слышу у тебя и коварным и едким!

Если о краже Петиллия Капитолина кто скажет
 Вскользь при тебе, то, по-своему, как ты его защищаешь?
 «Он был мне с детства товарищ; а после мы были друзьями;
 Много ему я обязан за разные дружбы услуги;

Право, я рад, что он в Риме и цел-невредим; и, однакож...

Как он умел ускользнуть от суда, признаюсь, удивляюсь!»

100 Вот где злословия черного яд; вот где ржавчины едкость!

Этот порок никогда не войдет в мои сочиненья,

В сердце ж — тем боле. Поскольку могу обещать, — обещаю!

Если же вольно, что сказано мною, и ежели слишком

Смело, быть может, я пошутил, то вместе с прощением

Ты и дозволь: мой отец приучал меня с малолетства

Склонностей злых убегать, замечая примеры пороков.

Если советовал мне он умеренно жить, бережливо,

Быть довольным и тем, что он нажил, он говорил мне:

«Разве не видишь, как худо Альбия сыну; как Баю

110 Плохо живется? Великий пример, чтоб отцом нажитое

Детям беречь!» Отклоня меня от любви постыдной,

Он мне твердил: «Ты не будь на Счетана похож!» Отвращая

От преступных знакомств: «Хороша ли Требония слава? —

Мне намекал он. — Ты помнишь — застали его и поймали!

Но почему хорошо одного избегать, а другому

Следовать — мудрый тебе объяснит. Для меня же довольно,

Если смогу без пятна сохранить, по обычаю древних,

Жизнь и добрую славу твою, пока надзиратель

Нужен тебе. Но как скоро с годами в тебе поокрепнут

120 Члены и разум, то будешь ты плавать тогда и без пробки!»

Так он ребенка, меня, поучал; и если что делать

Он мне приказывал: «Вот образец, говорил, подражай же!»

С этим указывал мне на людей, отличившихся жизнью.

Если же что запрещал: «Не в сомненье ли ты, что бесчестно

И бесполезно оно? Ты вспомни такого-то славу!»

Как погребенье соседа пугает больного прожору,

Как страх смерти его принуждает беречься, так точно

Душу младую от зла удаляет бесславье другого.

Так был я сохранен от губительных людям пороков.

130 Меньшие есть и во мне; но, надеюсь, вы их мне простите!

Может быть, годы и собственный зрелый рассудок, быть может,

Друг откровенный меня и от тех недостатков излечат;

Ибо, ложусь ли в постель, иль гуляю под портиком, верьте,

Я размышляю всегда о себе. «Вот это бы лучше, —
Думаю я, — вот так поступая, я жил бы приятней,
Да и приятнее был бы друзьям. Вот такой-то нечестно
Так поступил; неужель, неразумный, я сделаю то же?»
Так иногда сам с собой рассуждаю я молча; когда же
Время свободное есть, я все это — тотчас на бумагу!

¹⁴⁰ Вот один из моих недостатков, который, однако,
Если ты мне не простишь, то нагрянет толпа стихотворцев,
Вступятся все за меня; а нас-таки, право, немало!
Как иудей, тебя мы затащим в нашу ватагу!

САТИРА ПЯТАЯ

После того как оставил я стены великого Рима
С ритором Гелиодором, ученейшим мужем из греков,
В бедной гостинице вскоре Ариция нас приютила;
Дальше был — Аппиев форум, весь корабельщиков
полный,

Да и плутов корчмарей. Мы свой переезд разделили
На два; но кто не ленив и спешит, те и в день проезжают.
Мы не спешили; дорогой же Аппия ехать покойней.
Здесь, от несвежей и мутной воды повздорив с желудком,
Я поджидал с беспокойством, чтоб спутники кончили ужин.
10 Ночь между тем расстилала уж тень, появлялись звезды.
Слуги с гребцами, гребцы со слугами стали браниться:
«Эй! причаливай здесь!» — «У тебя человек уже триста!
Будет! Полно!» Но пока разочлись и мула привязали,
Час уже целый прошел. Комары мне тут и лягушки
Не дали спать. Да лодочник пьяный с каким-то проезжим
Взапуски петь принялись про своих отдаленных любезных.
Этот заснул, наконец; а тот, зацепив за высокий
Камень свою бечеву, пустил мула попасться,
Сам же на спину лег и спокойно всхрапнул растянувшись.
20 Начинало светать; мы лишь тут догадались, что лодка
С места нейдет. Тут, выскочив, кто-то как бешеный начал
Бить то мула, то хозяина ивовой палкой. Досталось
Их головам и бокам! Наконец, мы насилу-насилу
На берег вышли в четыре часа. Здесь лицо мы и руки
Чистой, Ферония, влагой твоею омыв и поевши,
Вновь протащились три мили и въехали в Анксур, который
Издали виден, красиво на белых утесах построен.

Здесь Мецената с Кокцеем мы поджидали приезда.
Оба отправлены были они с поручением важным;
30 Оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы.
Зрением слаб, здесь я черным коллирием очи помазал.
Прибыл меж тем Меценат; с ним Кокцей с Капитоном Фонтеем,
Мужем во всем совершенным; он был Антонию другом,
Как никто не бывал. Мы охотно оставили Фунды,
Где нас, как претор, встречал Ауфидий Косой. Насмеялись
Вдоволь мы все и претексте его с пурпурной прошивкой
И курильнице, пуще всего, сумасшедшего скриба!

После, усталые, в городе мы отдохнули Мамурров;
Здесь нам Мурена свой дом предложил, Капитон — угощение.
40 Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе,
Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и Варий,
Чистые души, которым подобных земля не носила
И к которым сильнее меня никто не привязан!
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Нет! Покуда я в здравом уме, ничего не сравню я с другом!

Близ Кампанийского моста потом приютила нас вилла,
Поставщики же нам соль и дрова прислали, как должно.
В Капуе наши мулы сложили поранее ношу:
Стал забавляться игрой Меценат, а я и Вергилий
50 Сну предались, потому что в бросанье мяча упражняться
Вредно и слабому зрению, вредно и слабым желудкам.

А миновавши таверны Кавдия, несколько выше
Мы поднялись, и нас принял Кокцей в прекраснейшей вилле.
Муза! поведай нам кратко теперь, как в битву вступили
Мессий Цицирр и Сармент; открой и о роде обоих!
Мессий свой род знаменитый от осков ведет; а Сармента
Госпожа — и доньне жива; вот они подвизались!
Начал Сармент: «Ты похож, мне сдается, на дикую лошадь».
Мы засмеялись. А Мессий в ответ: «Соглашаюсь!» И тут же
60 Он головою встряхнул. Тот вскричал: «О, если бы рог твой
Вырезан не был, чего б ты не сделал, когда и увечный
Так ты грозись!» И подлинно, лоб у него волосатый
С левой лица стороны ужасный рубец безобразит.

Тут, наконец, подтрунив над его кампанийской болезнью,
Начал просить он его проплясать перед нами Циклопа,
Говоря, что не нужно ему ни котурнов, ни маски.
Много на это Цицирр; и спросил, наконец, посвятил ли
Ларам он цепи свои, потому что хотя он и служит
Скрибом, но право над ним госпожи не уменьшилось этим!

70 Дальше, зачем он сбежал, когда он так мал и щеделушен,
Что довольно и фунта муки для его пропитанья!
Так мы продлили свой ужин и весело кончили вечер.

Прямо оттуда поехали мы в Беневент, где хозяин,
Жаря нам чахлах дроздов, чуть и сам не сгорел от усердия,
Ибо, разлившись по кухне, огонь касался уж крыши.
Все мы, голодные гости и слуги все наши, в испуге
Бросились блюда снимать и тушить принялися. — Отсюда
Видны уж горы Апулии, мне столь знакомые горы!
Сушит горячий их ветер. Никак бы на них мы не влезли,
80 Если бы отдых не взяли на ближней к Тривику вилле;
Но и то не без слез от дыма камина, в котором
Сучья сырые с зелеными листьями вместе горели.
Здесь я обманщицу-девочку прождал, глупец, до полночи;
И, наконец, как лежал на спине, в таком положении
Я неприметно заснул и во сне наслаждался любовью.

Двадцать четыре потом мы проехали мили — в повозке,
Чтобы прибыть в городок, которого даже и имя
В стих не вместишь; но узнают его по приметам:
Здесь продается простая вода, но хлеб превосходный,
90 Так что заботливый путник в запас нагружает им плечи;
Хлеб ведь в Канусии смешан с песком, а источника урна
Там небогата водой. Городок же этот основан
Был Диомедом самим. — Здесь мы с Варием грустно расстались.

Вот мы приехали в Рубы, устав от пути чрезвычайно, —
Длинной дорога была и испорчена сильно дождями.
День был наутро лучше; но в Барий, рыбой обильный,
Хуже дорога пошла. За ним нас потешила вдоволь
Гнатия (город сей был раздраженными нимфами создан).
Здесь нас хотели уверить, что будто на праге священном

¹⁰⁰ Ладан без пламени тает у них! Одному лишь Апелле
Иудею поверить тому, а не мне: я учился
Верить, что боги беспечно живут, и если природа
Чудное что производит, — не с неба они посылают!
Так в Брундисий окончился путь, и конец описанью.

САТИРА ШЕСТАЯ

Нет, Меценат, хоть никто из лидийцев не равен с тобою
Знатностью рода — из всех, на пределах Этрурии
живших, —
Ибо предки твои, по отцу и по матери, были

Многие в древнее время вожди легионов великих,
Нет! ты орлиный свой нос задирать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что нет нужды тебе, от кого кто родился,
Лишь бы был сам благороден; что многие даже и прежде
Туллия, так же, как он, происшедши из низкого рода,
¹⁰ Жили, храня добродетель, и были без знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левин, потомок Валерия, коим
Гордый Тарквиний был свергнут с царского трона и изгнан,
Римским народом всегда не более асса ценился,
Римским народом, которого суд и правдивость ты знаешь,
Этим безумным народом, который всегда недостойным
Почести рад расточать, без различия рабствуя славе,
Титлам и образам предков всегда без разбора дивится.
Что тут нам делать, далеким от низких его предрассудков!

Пусть же Левину бы он, а не Децию, новому родом,
²⁰ Важные должности начал вверять; пусть я, как рожденный
Несвободным отцом, через цензора Аппия был бы
Выгнан: и мне поделом, — чужую я кожу напялил!
Но ведь слава стремится за блестящей своей колесницей
Низкого рода людей, как и знатных. Что прибыли, Тиллий,
Что, сняв пурпур, опять ты надел и стал снова трибуном?
Только что нажил завистников ты, а ты их и не знал бы,
Если б остался простым гражданином, затем, что как скоро

Ноги обует у нас кто в сапожки, грудь в пурпур оденет,
Тотчас вопросы: «Кто он? от какого отца он родился?»

30 Точно как Барр, тот, который престранной болезнью болен,
Именно страстью красавцем прослыть, — куда ни пошел бы,
Как-то всегда он девицам умеет внушить любопытство
Все рассмотреть в нем: и стан, и стройную ногу, и зубы,
Даже и волосы; так между нами и тот, кто спасенье
Гражданам, Риму, империи, целой Италии, храмам
Наших богов обещал, — возбуждает заботу проводить,
Кто был отец у него и кто мать, не из низкого ль рода?..

— Как же ты смеешь, сын Сира, раба, Дионисия, Дамы,
Граждан с Тарпейской скалы низвергать или Кадму для казни
40 Их предавать? — «Но ведь Новий, товарищ мой, степенью целой
Ниже меня!» — Ну что он? — «Что был мой отец, он такой же!»
— Что же, иль думаешь ты, что сам ты Мессала иль Павел?
Этот ведь Новий зато, как ему попадутся навстречу
В форуме двести телег да хоть три погребенья, так крикнет,
Что и голос трубы заглушит: вот он и в почете.

Но обращусь на себя я! За что на меня нападают?
Нынче за то, что, быв сыном раба, получившего вольность,
Близок к тебе, Меченат; а прежде — за то, что трибуном
Был войсковым я и римский имел легион под началом.
50 В этом есть разница! Можно завидовать праву начальства,
Но не дружбе твоей, избирающих только достойных.
Я не скажу, чтоб случайному счастью я тем был обязан,
Нет! не случайность меня указала тебе, а Вергилий,
Муж превосходный, и Варий тебе обо мне рассказали.
В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,
Что поля объезжаю свои на коне сатурейском;
Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова,
60 Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил;
Снова призвал и дружбой своей удостоил. Горжуся
Дружбою мужа, который достойных людей отличает
И не смотрит на род, а на жизнь и на чистое сердце.

- Впрочем, природа дала мне с прямою душою иные
Тоже, как всем, недостатки; правда, немного, подобно
Пятнам на теле прекрасном. Но если ушел от упрека
В скупости, в подлости или же в низком, постыдном разврате,
Если я чист и невинен душой и друзьям драгоценен
(Можно за правду себя похвалить), я отцу тем обязан.
- 70 Беден он был и владел не обширным, но прибыльным полем,
К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
В школу, куда сыновья благородные центурионов,
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
Шли обучаться проценты по идам считать и просрочку;
Но решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
Тем же учился наукам, которым у римлян и всадник
И сенатор своих обучают детей. Посмотревши
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,
Что расход на меня мне в наследство оставили предки.
- 80 Нет, сам отец мой всегда был при мне неподкупнейшим стражем;
Сам, при учителях, тут же сидел. — Что скажу я? Во мне он
Спас непорочность души, красоту добродетелей наших,
Спас от поступков меня и спас от мыслей бесчестных.
Он не боялся упрека, что некогда буду я то же,
Что он и сам был: публичный глашатай иль сборщик; что буду
Малую плату за труд получать. Я и тут не роптал бы.
Ныне ж за это ему воздаю похвалу я тем боле,
И тем боле ему благодарностью вечной обязан.
Нет! Покуда я смысл сохраняю, сожалеть я не буду,
- 90 Что такого имел я отца, не скажу, как другие,
Что не я виноват, что от предков рожден несвободных.
Нет! ни в мыслях моих, ни в словах я не сходствую с ним!
Если б природа нам прежние годы, прожитые нами,
Вновь возвращала и новых родителей мы избирали,
Всякий бы выбрал других, честолюбия гордого в меру,
Я же никак не хотел бы родителей, коих отличие —
Ликторов связки и кресла курульные. Может быть, черни
Я б показался безумцем; но ты бы признал мой рассудок
В том, что не взял на себя я заемного бремена тягость.

- 100 Ибо тогда бы мне должно свое умножать состоянье,
В многих искать и звать того и другого в деревню,
Множество слуг и коней содержать и иметь колесницу.
Нынче могу я в Тарент на кургузом муле отправляться,
У которого спину натер чемодан мой, а всадник
Вытер бока. И никто мне не скажет за это упрека
В скупости так, как тебя упрекают все, Тиллий, когда ты
Едешь, как претор, Тибурской дорогой и пятеро следом
Юных рабов, кто с лоханью, кто с коробом вин. Оттого мне,
Право, спокойнее жить, чем тебе, знаменитый сенатор!
- 110 Да спокойней и многих других. Я, куда пожелаю,
Отправляюсь один, сам справляюсь о ценности хлеба,
Сам о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком;
Под вечер часто на форум — гадателей слушать; оттуда
Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
Вместе с киафом стоят, простая солонка, и чаша,
И рукомойник — посуда простой, кампанийской работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
Рано вставать и — на площадь, где Марсий кривляется бедный
- 120 В знак, что он младшего Новия даже и видеть не может.
Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
Иль пишу втихомолку я то, что меня занимает;
После я маслом натрусь, не таким, как запачканный Натта,
Краденным им из ночных фонарей. Тут, ежели солнце
Жаром меня утомит и напомнит о бане прохладной,
Я от жара укроюсь туда. Насыщаюсь не жадно:
Ем, чтоб быть сыту и легким весь день сохранить мой желудок.
Дома потом отдохну. Жизнь подобную только проводят
Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких.
- 130 Я утешаюсь тем, что приятней живу, чем когда бы
Квестором был мой отец, или дедушка, или же дядя.

САТИРА СЕДЬМАЯ

Всякий цирюльник и всякий подслепый, я думаю, знает,
Как полуримлянин Персий, с проскриптом Рупилием
в ссоре
(Прозванным Царь), отплатил за его ядовитость
и гнусность.

Персий богач был, имел он большие дела в Клазоменах;
С этим Рупилем-Царем имел он тяжелую тяжбу.
Жесткий он был человек, ненавистник; в том и Царя он
Мог превзойти. И надменен и горд, оскорбительной речью
Он на белых конях обгонял и Сизенну и Барра.
Я возвращаюсь к Рупилию снова. Никак невозможно
10 Было их согласить, затем что сутяги имеют
То же право стоять за себя, как и храбрые в битве!
Как между Гектором, сыном Приама, и храбрым Ахиллом
Гнев был настолько велик, что лишь смерть развела ратоборцев;
Ну, а причиной одно: в них высокое мужество было!
Если ж вражда между слабых идет иль война меж неравных,
Так, как случилось между Диомедом и Главком-ликийцем,
То трусливый назад — и подарки еще предлагает!

Персий с Рупилием в битву вступили пред претором Брутом:
Азией правил богатою он. Сам Биф и сам Бакхий
20 Менее были б равны, чем они, на побоище этом.
Оба выходят на суд, друг на друга горящие гневом;
Оба великое зрелище взорам собрания готовят.

Персий свой иск изложил и был всеми согласно осмеян.
Претора Брута сперва расхвалил он, потом и когорты;
Солнцем всей Азии Брута назвав, он к звездам благотворным
Свиту его приобщил; одного лишь Рупилия назвал

Псом — созвездием злым, ненавистным для всех земледельцев.

Персий стремился, как зимний поток нерубленным лесом.

Начал пренестец потом; отплатил он ему, и с избытком.

³⁰ Так виноградарь, когда закукует прохожий кукушкой,
Бранью его провожает, пока он из глаз не исчезнет.

Вот грек Персий, Италии уксусом вдоволь налившись,

Вдруг закричал: «Умоляю богами, о Брут благородный!

Ты, который с царями справляться привык! Для чего ты

Этого терпишь? Оно бы твое настоящее дело!»

САТИРА ВОСЬМАЯ

Некогда был я чурбан, смоковницы пень бесполезный;
Долго думал художник, чем быть мне, скамьей иль
Приапом.
«Сделаю бога!» — сказал. Вот и бог я! С тех пор я
пугаю

Птиц и воров. Я правой рукой воров отгоняю,

.....

А тростник на моей голове птиц прожорливых гонит,
Их не пуская садиться в саду молодом на деревья.

Прежде здесь трупы рабов погребались, которые раб же
В бедном гробу привозил за наемную скудную плату.

¹⁰ Общее было здесь всякого нищего люда кладбище:
Пантолаба ль шута, Номентана ль, известного мота.
С надписью столб назначал по дороге им тысячу пядей,
По полю триста, чтоб кто не вступился в наследие мертвых.
Холм Эсквилинский теперь заселен; тут воздух здоровый.
Нынче по насыпи можно гулять, где еще столь недавно
Белые кости везде попадались печальному взору.

Но ни воры, ни звери, которые роют тут землю,
Столько забот и хлопот мне не стоят, как эти колдуньи,
Ядом и злым волхвованьем мутящие ум человеческий.

²⁰ Я не могу их никак отучить, чтоб они не ходили
Вредные травы и кости собирать, как только покажет
Лик свой прекрасный луна, проходя по лазурному небу.

Видел Канидию сам я, одетую в черную паллу,
Как босиком, растрепав волосы, с Саганою старшей
Здесь завывали они; и от бледности та и другая
Были ужасны на вид. Сначала обе ногтями

- Стали рыть землю; потом теребили и рвали зубами
Черную ярку и кровью наполнили яму, чтоб тени
Вызвать умерших — на страшные их отвечать заклинанья.
- 30 Вынули образ какой-то из шерсти, другой же из воску.
Первый был больше, как будто грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб, ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась; Тизифону
Кликать — другая. Вокруг, казалось, ползли и бродили
Змеи и адские псы. А луна, от стыда покрасневши,
Скрылась, чтоб дел их срамных не видать, за высокой гробницей.
Если я лгу в чем, пускай белым калом обгадят главу мне
Вороны; явятся пусть, чтоб меня обмочить и обгадить,
Юлий, как щепка сухой, Педиатия с вором Вораном.
- 40 Но зачем мне рассказывать все! Рассказать ли, как тени
Попеременно с Саганой пронзительным голосом выли,
Как украдкою бороду волчью с зубом ехидны
В землю зарыли они, как сильный огонь восковое
Изображение сжег, как, от ужаса я содрогнувшись,
Был отомщен, свидетель и слов и деяний двух фурий!
- Сделан из дерева, сзади я вдруг раскололся и треснул,
Точно как лопнул пузырь. Тут колдуньи как пустятся в город!
То-то вам было б смешно посмотреть, как попадали в бегстве
Зубы Канидии тут и парик с головы у Саганы,
- 50 Травы и даже запястья волшебные с рук у обеих!

САТИРА ДЕВЯТАЯ

Шел я случайно Священной дорогою — в мыслях
о чем-то,

Так, по привычке моей, о безделке задумавшись.

Некто

Вдруг повстречался со мной, мне по имени только
известный.

За руку взяв, он сказал мне: «Ну, как поживаешь, любезный?»

«Так, потихоньку, как видишь. За добрый привет — исполненья
Всех желаний тебе!» Но, видя, что шел он за мною,

Я с вопросом к нему: не имеет ли нужды во мне он?

«Мы ведь известны тебе, — он сказал, — мы ученые люди!»

«Знаю, — ему я в ответ, — и тем больше тебя уважаю!»

10 Сам торопясь, нельзя ли уйти, я пошел поскорее,

Только что изредка на ухо будто шепчась со слугою.

Пот между тем с нетерпенья дождем так с меня и катился

От головы до подошв. «О Болан, да как же ты счастлив,

Что с такой ты рожден головой!» — я подумал. А спутник

Улицы, город хвалить принялся. Но, не слыша ни слова,

«Верно, ты хочешь, сказал, ускользнуть от меня: я уж вижу!

Только тебе не уйти: не пушу и пойду за тобою!

А куда ты идешь?» — «Далеко! Мой знакомый — за Тибром;

Там, у садов; он с тобой незнаком. Что кружить попустому!»

20 «Я не ленив — провожу!» Опустил я с отчаянья уши,

Точно упрямый осленок, навьюченный лишнею ношей.

А сопутник опять: «Если знаю себя я, конечно,

Дружбу оценишь мою ты не меньше, чем дружбу другого,

Виска, сказать например, или Вария. Кто сочиняет

Столько стихов и так скоро, как я? Кто в пляске так ловок?

- В пенье же сам Гермоген мой завистник!» — «А что, — тут спросил я, Чтобы прервать разговор, — есть и мать у тебя и родные?»
«Всех схоронил! Никого!» — Вот прямо счастливы! — подумал
Я про себя, — а вот я... еще жив на мученье! Недаром,
30 Жребий в урне встряхнув, предрекла старуха сабинка:
«Этот ребенок, — сказала она, — не умрет ни от яда,
Ни от стали врага, ни от боли в боку, ни от кашля,
Ни подагра его не возьмет... Но как в возраст придет он,
Надо беречься ему болтунов!» — Вот дошли мы до храма
Весты, а дня уж четвертая часть миновала! Мой спутник
Поручился явиться в суде, а неявкою — дело
Было б проиграно. «Если ты любишь меня, — он сказал мне, —
Помоги мне: побудь там немножко со мною!» — «Я, право,
Долго стоять не могу; да я и законов не знаю!»
40 «Что же мне делать? — он молвил в раздумье. — Тебя ли оставить,
Или уж тяжбу?» — «Конечно, меня! Тут чего сомневаться!»
«Нет, не оставляю!» — сказал, и снова пошел он со мною!
С сильным бороться нельзя: я — за ним. «Что? как ныне с тобою
И хорош ли к тебе Меценат? Он ведь друг не со всяким!
Он здравомыслящ, умен и с Фортуною ладить умеет.
Если б один человек... мог втереться к нему! Помоги-ка:
Был бы помощник твой в ролях вторых! Всех отбил бы! Клянуся!»
«Полно! — ему я сказал, — мы не любим этих проделок!
Дом Мецената таков, что никто там другим не помехой.
50 Будь кто богаче меня или ученее — каждому место!»
«Чудно и трудно поверить!» — «Однакоже так!» — «Тем сильнее
Ты охоту во мне возбудил к Меценату быть ближе!»
«Стоит тебе захотеть! Меценат лишь сначала неласков;
Впрочем, доступен он всем!» — «Ничего, как-нибудь постараюсь!
Хоть рабов у него подкуплю, а уж я не отстану!
Выгонят нынче — в другой раз приду; где-нибудь перекрестком
Встречу его и пойду провожать. Что же делать! Нам, смертным,
Жизнь ничего не дает без труда: уж такая нам доля!»
Так он болтал без умолку! Вот, встретясь с Аристием Фуском
60 (Знал он его хорошо), я помедлил идти; обменялись
Мы вопросами с ним: «Ты откуда? Куда?» Я за тогу

Фуска к себе потянул и за обе руки; и тихо,
Сделавши знак головой, сам глазами мигнул, чтоб избавил
Как-нибудь он от мученья меня. А лукавец смеется
И не желает понять. Тут вся желчь во мне закипела!
«Ты, Аристий, хотел мне что-то сказать по секрету?»
«Помню, — сказал он, — но лучше в другое, удобное время.
У иудеев тридцатая ныне суббота и праздник;
Что за дела в подобные дни, и на что оскорблять их!»
70 «Строг же ты в совести, — я возразил, — а я, признаюсь,
Я не таков!» — «Что же делать! — в ответ он. — Я многим слабее:
Я человек ведь простой, с предрассудками; лучше отложим!»
Черный же день на меня! Он ушел, и остался я снова
Под злодейским ножом. Но, по счастью, истец нам навстречу.
«Где ты, бесчестный?» — вскричал он. Потом он ко мне обратился
С просьбой: свидетелем быть. Я скорей протянул уже ухо!
Повели молодца! Вслед за ними и справа и слева
С криком народ повалил! Так избавлен я был Аполлоном!

САТИРА ДЕСЯТАЯ

а! Я, конечно, сказал, что стихи у Луцилия грубы,
Что без порядка бегут они. Кто же, бессмысленный,
будет
Столько привержен к нему, что и сам не признается
в этом?

Но того же Луцилия я и хвалил — за насмешки,
Полные соли, противу Рима. Однакож, воздавши
Эту ему похвалу, не могу я хвалить все другое!
Если бы так, то пришлось бы мне всем восхищаться и даже
Мимам Лаберия вслух, как прекрасным поэмам, дивиться.
Хорошо и уметь рассмешить, но еще не довольно.

- ¹⁰ Краткость нужна, чтоб не путалась мысль, а стремилась свободно.
Нужно, чтоб слог был то важен, то кстати игрыв, чтобы слышны
Были в нем ритор, поэт, но и тонкости светской краснота.
Надобно силу уметь и беречь и, где нужно, умерить.
Шуткой нередко решается трудность и легче и лучше,
Нежели резкостью слов! То старинные комики знали!
Нам бы не худо последовать им, а их не читают
Ни прекрасный собой Гермоген, ни та обезьяна,
Чье все искусство в одном: подпевать Катуллу да Кальву!

«Так, но ведь этот Луцилий сделал великое дело

- ²⁰ Тем, что он много ввел греческих слов, примешавши к латинским». О запоздалые люди! Вам кажется важным и трудным
То, что бывало давно у Пифолеонта Родосца.
«Правда, но это смещение в стихах так для слуха приятно,
Как и хиосское вместе с фалернским приятно для вкуса!»
Ну, а позволь мне спросить: хорошо ли было бы, если б
Трудное дело Петиллия ты защищал, и Корвин бы,

Педий Попликола тут со своею латынью потели,
 Ты же, забыв и отца и отечество, стал возражать им
 Речью своей и чужой, как в Канусии двуязычным?
 30 Я ведь и сам хоть рожден по сю сторону моря, однако
 Тоже, случалось, писал по-гречески прежде стишонки.
 Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
 Вдруг мне явился Квирин и с угрозой сказал мне: «Безумец!
 В Греции много поэтов. Толпу их умножить собою —
 То же, что в рощу дров наносить, ничуть не умнее!»

Между тем как надутый Альпин вторично Мемнона
 Режет в стихах и главу уродует грязную Рейна,
 Я для забавы безделки пишу, которые в храме
 Бога поэтов (где Тарпа судьей) состязаться не будут,
 40 Да и не будут по несколько раз появляться на сцене.
 Ты лишь один из живущих поэтов, Фунданий, столь мило
 Можешь прелестниц заставить болтать, столь искусно

представить

Дава, который морочит несчастного старца Хремета!
 Но Поллион воспеваает царей, но пламенный Варий
 Равных не знает себе в эпоне, а сельские музы
 Нежное, тонкое чувство Вергилию в дар ниспослали.
 Я же, что пробовал тщетно Варрон Атацин и другие,
 Лучше пишу я сатиры, хотя и другой избрал их.

Славы великой венца я с его головы не срываю!
 50 Я ведь сказал: что он льется, как мутный источник, что часто
 Больше отбросов несет, чем того, что пригодно. Скажи-ка,
 Разве нет недостатков в самом великом Гомере?
 Разве скромный Луцилий не делал поправок — и в ком же?
 В трагике Акции! Разве над Энием он не смеется?
 Разве, других порицая, себя он не выше их ставит?
 Что же мешает и нам, читая Луцилия, тоже
 Вслух разбирать: ему ли натура его отказала
 В мягкости, или предметы, которые он выбирает,
 Жестки; но только стихи у Луцилия жестки — как будто
 60 Так он писал, чтобы только шесть стоп в стихе уместились,
 Да чтобы двести стихов натошак, да столько же после

Ужина! Что ж, говорят, ведь писал же так Кассий Этрурец.
Как река он стихами кипел и по смерти сожжен был
С кипой стихов: их одних на костер погребальный достало!
Я повторяю: Луцилий, конечно, и легче и глаже,
Чем наш поэт, изобретший стихи, неизвестные грекам;
Легче и глаже он был всей толпы стародавних поэтов.
Но ведь когда бы, по воле судьбы, он в наше жил время,
Много бы выключил он: все, что ниже нашел совершенства,
70 Ногти бы до крови грыз он, чтоб сделать свой стих совершенным.

Если ты хочешь достойное что написать, чтоб читатель
Несколько раз прочитал, — ты стиль оборачивай чаще
И не желай удивленья толпы, а пиши для немногих.
Или ты пишешь для школьников? Нет, я другого желаю!
Нет, я желаю, чтоб всадник меня похвалил благородный!
Так вот плясунья Арбускула раз, как ее освистали,
Очень умно говорила, что, зрителей всех презирая,
Рукоплесканий она от одних благородных желала!

Пусть же Пантилий меня беспокоит, как клоп, пусть заочно
80 Будет царапать меня и Деметрий, пусть и безумец
Фанний поносит при всех, за столом у Тигеллия сидя!
Только бы Плотий и Варий, и мой Меценат, и Вергилий,
Муж благородный Октавий, и Валгий и Фуск одобряли!
Если бы оба и Виски хвалили — я был бы доволен!
Но, оставивши лесть, я могу справедливо причислить
К ним и тебя, Поллион, и Мессалу с достойнейшим братом,
Бибула, Сервия к ним и тебя, благороднейший Фурний.
Многих друзей просвещенных мне скромность назвать запрещает.
Их бы желал я хвалы; признаюсь, что мне было бы грустно,
90 Если б надежда меня в одобрении их обманула.
С вас же, Деметрий с Тигеллием, будет вниманья и школьник!
Мальчик! Поди переписывать эту тетрадку с другими!

КНИГА ВТОРАЯ

САТИРА ПЕРВАЯ

Гораций

ногие думают, будто излишне я в сатуре резок
Или что я выхожу из пределов; другим же, напротив,
Что ни пишу я, все кажется слабым. Такими стихами
Можно писать, говорят, стихов по тысяче в сутки!
Что же мне делать, Требатий, скажи!

Требатий

Оставаться в покое.

Гораций

То есть мне вовсе стихов не писать?

Требатий

.Не писать!

Гораций

Пусть погибну,

Ежели это не лучшее! Но... без того мне не спится!

Требатий

Если кто хочет покрепче уснуть, то, вытертый маслом,
Трижды имеет чрез Тибр переплыть и на ночь желудок
Цельным вином всполоскать. Но если писать ты охотник,
Лучше отважся ты подвиги Цезаря славить стихами.
Верно, ты будешь за труд награжден.

Гораций

И желал бы, отец мой,
Но я не чувствую силы к тому. Не всякий же может
Живо полки описать с их стеною железною копий,
Галлов со смертью в борьбе на обломках оружий иль парфов,
Сбитых с коней...

Требатий

Но ты мог бы представить его справедливость
И величье души, как Луцилий воспел Сципиона.

Гораций

Да, непременно: как скоро представится случай! Некстати
Цезаря слуху стихами Флакк докучать не захочет:
20 Если неловко погладить его, он, как конь, забрыкает.

Требатий

Это честнее бы, чем Пантолаба шута или мота
Номентана бранить. За себя опасается всякий.
Ты кого и не трогал, и те уж тебя ненавидят.

Гораций

Что же мне делать? Милоний плясать начинает, как скоро
Винный пар в голову вступит ему и свеча задвоится;
Кастор любит коней; из того же яйца рожденный
Поллукс — борьбу. Что голов, то различных пристрастий на свете!
Мне наслажденье — слова заключать в стихотворную меру:
Как Луцилию было, хотя он... обоих нас лучше.
30 Всякие тайны свои, как друзьям, поверял он листочкам.
Горесть ли, радость ли — к ним, к ним одним всегда прибегал он!
Все приключенья, всю жизнь, как на верных обетных дощечках,
Старец в своих начертал сочиненьях. Его-то примеру
Следую я, кто бы ни был, луканец ли, иль апулиец.
Ибо житель Венусии пашет в обоих пределах,
Присланный некогда, если преданию старому верить,

- Снова тот край заселить, по изгнание тут живших самнитов,
 С тем, чтоб на случай войны, апулийцев ли, или луканцев,
 Не был врагу путь до Рима открыт через земли пустые.
- 40 Впрочем, мой стиль ни души вперед не обидит, но будет
 Мне лишь в защиту, как меч, хранимый в ножнах. И к чему же
 Мне вынимать бы его, без нападок от явных злодеев?..
 О Юпитер, о царь и отец! Пусть оружие это
 Гибнет от ржавчины, брошено мною, покуда не вздумал
 Сам кто вредить мне, поклоннику мира! Но первый, кто тронет, —
 Предупреждаю я: лучше не трогай! — заплачет и будет
 В целом Риме, себе на беду, ославлен стихами!
 Цервий во гневе законом и урной грозит, и зловредным
 Зельем Кандия, Турий судья — решением дела:
- 50 Стало быть, всякий себе избирает оружие по силам.
 Так повелела натура; ты в том согласишься со мною!
 Зубы — для волка, рога — для вола. Доверьте вы моту
 Сцеве его престарелую мать в попеченье: рукою
 Он не прикончит ее, разумеется. Что ж вы дивитесь?
 Волк не бодает рогами, а вол не кусает зубами:
 Так и его от старушки избавит с медом цукута!
 Но я короче скажу: суждена ли мне долгая старость,
 Или на черных крылах смерть летает уже надо мною,
 Нищ ли, богат ли я, в Риме ли я, иль изгнанником стану,
- 60 Жизнь во всех ее красках всегда я описывать буду!

Требатий

Сын мой, боюсь я — тебе не дожить до седин, а холодность
 Сильных друзей испытаешь и ты!

Гораций

Почему же Луцилий,
 Первый начавший писать в этом роде, отважился, смело
 С гнусных душ совлекая блестящую кожу притворства,
 Их выставять в наготу? Ты скажи: оскорблялся ли Лелий,
 Или герой, получивший прозвание от стен Карфагена,
 Да и казалось ли дерзостью им, что Луцилий Метелла

Смел порицать или Лупа в стихах предавать поношению?..
Он нападал без разбора на всех, на народ и незнатных,
70 Только щадил добродетель, щадил ее лишь любимцев!
Даже, когда Сципион или Лелий, мудрец безмятежный,
И от народной толпы и от дел на покой удалились,
Часто любили они с ним шутить и беседовать просто,
Между тем как готовили им овощей на трапезу.
Я хоть и ниже Луцилия даром моим и породой,
С знатными жил же и я — то признает и самая зависть.
Ежели тронет она и меня сокрушающим зубом,
Жестко покажется ей! — Но, быть может, ученый Требатий,
Ты не согласен?

Т р е б а т и й

Нет, в этом и я не поспорю. Однако
80 Все мой совет: берегись! Ты законов священных не знаешь!
Бойся попасть в неприятную тяжбу! Если писатель
Дурно напишет о ком, он повинен суду и ответу!

Г о р а ц и й

Да! кто дурно напишет, а кто — хорошо, то, наверно,
Первый сам Цезарь похвалит! И ежели, сам без порока,
Смехом позорит людей он, достойных позора...

Т р е б а т и й

То смехом

Дело твое порешат, а ты возвратишься оправдан!

САТИРА ВТОРАЯ

Как хорошо, как полезно, друзья, быть довольну
немногим!
(Это не я говорю; так учил нас Офелл поселянин,
Школ не выдавший мудрец, одаренный природным
рассудком.)

Слушайте речь мудреца не за пышной и сытной трапезой
И не тогда, как бессмысленный блеск ослепляет вам очи
Иль как обманутый разум полезное все отвергает,
Нет, натошак побеседуем! — «Как натошак? Для чего же?»
— Я объясню вам! Затем, что судья подкупленный судит
Несправедливо! Когда ты устанешь, гоняясь за зайцем,
¹⁰ Или скача на упрямом коне, иль мячом забавляясь
(Ибо, изнеженным греками, римлян военные игры
Нам тяжелы, а с забавами мы забываем усталость),
Или когда утомлен, упражняясь в метании диска,
Тут ты, почувствовав жажду и позыв пустого желудка,
Брезгаешь пищей простой? Перетерпишь ли жажду затем
лишь,
Что фалернского нет, подслащенного медом гиметтским,
Что нет ключника дома, что море, взволновано бурей,
Рыб защищает в своей глубине от сетей рыболовов?
Нет! как живот заворчит, то ему и хлеб с солью приятны,
²⁰ Ибо не в запахе яств, а в тебе самом наслажденье!
Потом усталости — вот чем отыскивай вкусные блюда!
Лени обрюзглой что ни подай, ей все не по вкусу:
Устрицы ль, скар ли, иль заяц морской, издалека прибывший.
Если павлин пред тобой, то, как ни проси, ты не станешь
Курицу жирную есть — тот приятнее вкус твой щекочет.

Это все суетность! Все оттого, что за редкую птицу
Золотом платят, что хвост у нее разноцветный и пышный.
Точно как будто все дело в хвосте! Но ешь ли ты перья?
Стоит их только изжарить, куда красота их девалась!

30 Мясо ж павлина нисколько не лучше куриного мяса,
Ясно, что в этом одна лишь наружность твой вкус обольщает!

Пусть! но поди-ка узнай ты по вкусу, где поймана эта
Щука с широкой, разинутой пастью: в Тибре иль в море,
Между мостов ли ее, или в устье волны качали?
Хвалишь, безумный, ты мулла за то лишь одно, что он весом
Ровно в три фунта, а должен же будешь изрезать на части!
Если прельщает огромность, то как же огромная щука
Столько противна тебе? Оттого, что не редкость! Природа
Щуку большой сотворила, а мулл большой не бывает.

40 «Что за прекраснейший вид, как он целое блюдо покрое!» —
Так восклицает обжора с глоткой, достойною гарпий.
Австр! лети, пережги их роскошные яства! А впрочем,
Если испорчен желудок, и ромб и кабан неприятны.
Горькая редька и кислый щавель тут нужнее. Конечно,
Предков оливки и яйца нами не изгнаны вовсе
С наших столов; городской недавно глашатай Галлоний
Был осуждаем за роскошь пиров его. «Как! неужели
Менее ромбов в то время питало глубокое море?»
Нет! но покуда в них вкус не открыл нам преторианец,
50 В море спокойно жил ромб, и был аист в гнезде безопасен.
Если б издал кто эдикт, что нырок зажаренный вкусен,
Юноши Рима поверят: они на дурное послушны!

Впрочем, умеренный стол и стол скряги Офелл различает,
Ибо напрасно бежать от порока к пороку другому.
Ауфидиен, справедливо прозванный Псом, ежедневно
Ест лишь оливки, которым пять лет, да ягоды терна,
А вино он берег, покуда совсем не прокиснет.
В день же рождения или на утро дня свадьбы, одетый
В белом, как следует в праздник, своим он гостям на капусту
60 Масло такое из рога по капельке льет своеручно,
Что и дыханье захватит, зато не скупится на укус!

Как же прилично жить мудрецу? И с кого брать примеры?
Там угрожает мне волк, а тут попадешься собаке!
Чисто одетым быть значит не быть в запачканном платье,
А не то чтоб наряженным быть щегольски. Кто средину
Хочет во всем сохранить, то не будь, как Албуций, который,
Раздавая приказы рабам, их заранее мучил;
Но ты не будь и беспечен, как Невий, который помог
Вместо воды подавал. Недостаток великий и это!

70 Слушай же, сколько приносит нам пользы пища простая:
Первая польза — здоровье, затем что все сложные яства
Вредны для тела. Припомни, какую ты чувствовал легкость
После простого стола! Но вареное с жареным вместе,
Устриц с дроздами как скоро смешаешь в одно, то в желудке
Сладкое в желчь обратится и внутренний в нем беспорядок
Клейкую слизь породит. Посмотри, как бывают все бледны,
Встав из-за пира, где были в смешенье различные яства.
Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает,
Пригнетая к земле часть дыхания божественной силы!

80 Но умеренный, скоро насытись и сладко заснувши,
Свежим и бодрым встает ото сна к ежедневным занятиям.
Может и он иногда позволить себе что получше,
Ежели праздничный день с годовым оборотом приходит,
Или в усталости, или тогда, наконец, как с годами
Тело слабеет и требует больших о нем попечений.
Ты же, который, когда был и молод и крепок, заране
К неге себя приучал, чем себя ты понежишь, как хворость
Или тяжелая старость потребует сил подкрепленья?

Мясо кабанье с душком хвалили древние люди
90 Не потому, что у них обонянья не было вовсе,
Но в рассуждение того, что лучше уже початое
Позднему гостю сберечь, чем хозяину свежим наесться.
О, когда б я родился во время тех старых героев!

Если желаешь ты славы, которая слуху тщеславных
Сладостней песен, то верь мне, что рыбы и блюда большие
Только послужат к стыду твоему, к разоренью! Вдобавок
Дядю рассердишь, соседи тебя взненавидят. Ты будешь

Смерти желать, но не на что будет купить и веревки!

«Это, ты скажешь, идет не ко мне: я не Травзий! Имений

100 И доходов моих для тронх царей бы достало!»

— Ежели так, то зачем ты излишек не тратишь на пользу?

Если богат ты, зачем же есть в бедности, честные люди?

И для чего же богов разрушаются древние храмы?

И для чего ты, негодный, хоть малую часть из сокровищ,

Что накопил ты себе, не приносишь отечеству в жертву?

Или, ты думаешь, счастье тебе одному не изменит?

Время придет, что и ты для врагов посмешищем станешь.

Кто в переменах судьбы понадеяться может на твердость?

Тот кто умел покорить и тела привычки и гордость

110 Или кто, малым доволен, на будущность мало надеясь,

Мог, как мудрец, быть готовым к войне в продолжение мира.

Верьте мне: мальчиком бывши еще, знал я Офелла!

Нынче бедняк, и тогда он, при целом именье, не шире

Жил, чем теперь. На своем, для других отмежеванном, поле

Он и доныне с детьми и со стадом живет, как наемщик.

«Нет, никогда, — говорил он, — по будням не ел я другого,

Кроме простых овощей и куска прокопченной свинины!

Если же изредка гость приходил иль в свободное время

Добрый сосед навещал, особливо в ненастную пору,

120 Я не столичною рыбою их угощал, но домашним

Или дыпленком, или козленком. Кисть винограда,

Крупные фиги, орехи — вот что мой стол украшало.

В мирной игре между нас проигравший пил лишнюю чарку

Или, в честь доброй Цереры, чтоб выше возрастали колосья

Наших полей, мы заботы чела вином прогоняли.

Пусть же Фортуна враждует и новые бури воздвигнет!

Что ей похитить у нас? Скажите, мои домочадцы,

Меньше ль счастливо мы жили с тех пор, как у нас

поселенец

Новый явился? Ни мне, ни ему, ни другому природа

130 Ведь не назначила вечно владеть! Он нас выгнал, его же

Если не ябеда, то расточительность тоже прогонят,

Или наследник, его переживший, владенье присвоит.

Нынче земля Умбрена, прежде земля Офелла,
Но, по правде, ничья, а давалась в имение на время
Прежде Офеллу, а после другим. Сохраняйте же бодрость!
С твердой душою встречайте судьбы враждебной удары!»

САТИРА ТРЕТЬЯ

Д а м а с и п п

Редко ты пишешь! Едва ли четырежды в год ты
пергамент
В руки возьмешь! Лишь только наткал и опять
распускаешь,
Сам недоволен собой, что вино и сонливость
мешают

Славы достойный труд совершить. Что из этого выйдет?
Что ж ты на дни сатурналий сюда убежал? Напиши же
Здесь, протрезвясь, что-нибудь, ожиданий достойное наших!
Что? Ничего? Так напрасно ж перо обвинять и напрасно
Бедные стены, созданные гневом богов и поэтов!
Мы по лицу твоему от тебя превосходного много
10 Ждали, когда ты под сельскую теплую кровлю сокрылся.
Ты для чего же привез с собою Платона с Менандром?
Что же взял в свиту свою Евполида и с ним Архилоха?
Хочешь ли зависть ты тем усмирить, что возьмешь у досто-
инств?
Нет, лишь презренье одно наживешь! Отбрось же ты лень,
Эту сирену свою, иль и то, что и лучшею жизнью
Ты приобрел, потеряешь опять!

Г о р а ц и й

Да даруют же боги
Все и богини тебе, Дамасипп, брадобрея за этот
Столь полезный совет! Но как я тебе столь известен?

Д а м а с и п п

С той поры, как попал я у среднего Януса на мель,
 20 Я, оставив свои все дела, занимаюсь чужими.
 Прежде любил я исследовать бронзу лохани, в которой
 Ноги мыл хитрый Сизиф, разбирал, где заметна в ваянье
 Слабость резца, где металл отлился неудачно и грубо,
 Знал я, что статуя стóит, в сто тысяч ее оцениая;
 Дом ли, сады покупать, — в том со мною никто не равнялся,
 Так что меня при продажах любимцем Меркурия звали.

Г о р а ц и й

Это я знаю. Дивлюсь, как от этого ты исцелился!

Д а м а с и п п

Так, как случается это всегда, что всякая новость
 Выгонит старое. Крови прилив к голове или к боку
 30 Вдруг обратится к груди. Иной летаргией был болен;
 Смотришь — врача своего на кулачный уж бой вызывает!

Г о р а ц и й

Лишь бы меня не касалось; с другими — будь что угодно!

Д а м а с и п п

Друг, понапрасну не льстись! Все глупцы, да и сам ты безумен,
 Если нам правду Стертиний твердил. От него я науку
 Превосходную принял тогда, как меня убедил он
 Мудрую эту браду себе отрастить в утешенье
 И от моста Фабриция в мире домой воротиться;
 Ибо, когда я, в упадке всех дел, с головою покрытой
 Броситься в волны хотел, он стоял уж по правую руку.

---

40 Ты берегись недостойного дела! — вскричал он. — Ты мучим
 Ложным стыдом, ты боишься безумным прослыть меж безумцев!
 Но рассмотрим, во-первых: что есть безумие? Если
 Ты лишь безумен один, я ни слова! Пусть смертью отважной

Кончишь ты жизнь. Но если кого лишь слепое незнание
Зла и добра побуждает к тому, то Хрисипп и вся школа
Прямо того почитают безумцем. Под правило это
Все и цари и народы подходят, кроме лишь мудрых.

Слушай же: я объясню, почему те, которым безумцем
Кажешься ты, все и сами не менее тоже безумны.

50 Если два путника, идучи лесом, в нем заблудятся,
Этот с дороги собьется направо, а этот налево, —
Оба блуждают они, но только по разным дорогам,
Оба безумны они, хотя над тобой и смеются.
Верь мне: с хвостом и они. Бояться, где вовсе нет страха, —
Это безумие точно такое ж, как если б кто начал
В поле открытом кричать, что река преграждает дорогу
Или огонь. А противная крайность есть тоже безумство,
Только другое — в пучину реки или в пламя бросаться,
Как ни кричали б и мать, и сестра, и отец, и супруга:
60 «Здесь глубочайшая бездна, скала, берегися, несчастный!»
Нет, он не слышит, безумный, как Фуфий, который на сцене
Пьяный на ложе заснул и проспал Илиону, и тщетно
Несколько тысяч ему голосов из театра кричали:
«Матерь! тебя я зову!» Заблуждаются все, докажу я!

Все Дамасиппа считают безумным за то, что скупает
Старые статуи он, — а кто верит ему, тот умнее ль?
Если б тебе я сказал: «На вот это, возьми без возврата!»
Взявши, ты был бы глуп? Нет, ты был бы гораздо глупее,
Если бы не взял, что даром Меркурий тебе посылает!

70 На иного хоть десять раз вексель у Нерия пишешь,
Хоть сто раз у Цикуты; опутай его хоть цепями:
Все ни во что, ускользнет он, злодей, с проворством Протея.
А потащишь к суду — он смеется, но вдруг превратится
В птицу, в кабана, в свинью и в дерево, если захочет.
Если безумный действует худо, разумный же лучше,
То Переллий безумней тебя, получая твой вексель,
По которому знает вперед, что ты не заплатишь.

Ну, подберите же ноги, чтоб слушать меня со вниманьем!
Кто с честолюбья из вас, а кто с сребролюбия бледен,

- 80 Кто неводержан и тот, кого суеверие мучит
 Или другая горячка души, — все ко мне подходите!
 Все по порядку, и я докажу вам, что все вы безумцы!
 Самый сильный прием чемерицы следует скрягам;
 Думаю даже, не худо б отдать им и всю Антикиру.
 Ведь завещал же Стаберий скупец, чтоб на камне надгробном
 Вырезал сумму наследства наследник его, а иначе
 Должен народу дать пир, как устроить придумает Аррий:
 Сто пар бойцов да пшеницы — годичную Африки жатву.
 «А справедливо ли это, иль нет, мне наследник не дядя!
 90 Так я хочу!» — Вероятно, что так рассуждал завещатель.

Д а м а с и п п

Ради чего же велел написать он на камне наследство?

С т е р т и н и й

Ради того, что он бедность считал величайшим пороком,
 Что ужасался ее, и если бы умер беднее
 Хоть квадрантом одним, то считал бы себя, без сомненья,
 Он человеком дурным. У людей подобного рода
 Слава, честь, добродетель — все пред людьми и богами
 Ниже богатства. Один лишь богатый мужествен, славен
 И справедлив.

Д а м а с и п п

Неужели и мулр?

С т е р т и н и й

И мудрец, без сомненья!

- Даже и царь, и любой, кто захочет! Он думал, что деньги
 100 И добродетель заменят ему и прославят в потомстве.

Д а м а с и п п

Как с ним несходен был грек Аристипп, рабам приказавший

Золото бросить в ливийских песках потому лишь, что тяжесть
Их замедляла в пути. А который из них был безумней?

Стертиний

Спорным примером спорный вопрос разрешить невозможно.
Если кто лиры скупает, музыки вовсе не зная,
Ежели кто собирает колодки башмачные, шила,
Сам же совсем не башмачник, кто парус и снасти
Любит в запасе хранить, отвращенье имея к торговле,
Тот — безумный, по мнению всех. А разумнее ль этот
110 Скрыга, что золото прячет свое и боится, припрятав,
Тронуть его, как будто оно какая святыня?
Если кто, с длинным в руках батоном, перед кучею жита
Протянувшись, лежит господином, его карауля,
Сам не берет ни зерна и питается горькой травой;
Если до тысячи кружек, до трехсот тысяч фалерна
Самого старого или хиосского в погребе скрыга,
Сам же кислятину пьет и, лет семьдесят девять проживши,
Спит на набитом соломой мешке, имея в запасе
Тюфяки в кладовой, тараканам и моли в добычу,
120 То он по той лишь причине в безумстве замечен немногим,
Что есть множество, кроме него, в такой же болезни.
О старик, ненавистный богам! К чему бережешь ты?
Разве затем, чтоб твой сын иль отпущенник прожил наследство?
Ты опасаясь нужды? Конечно, из этакой суммы
Много убавится, если отложишь частичку на масло,
Чтобы капусту приправить иль голову глаже примазать.
Если столь мало нужно тебе, из чего же даешь ты
Ложные клятвы? Зачем похищаешь? Зачем отнимаешь?
Как! Ты в здравом уме? Да если б в народ ты камень
130 Вздумал бросать иль в рабов, тебе же стоящих денег,
Все бы мальчишки, девчонки кричали, что ты сумасшедший;
А коль отравишь жену или мать, ты и в здравом рассудке...
Да! почему же не так? Ведь ты не мечом, не в Аргосе
Их погубил, как Орест. Иль думаешь, он помешался
После убийства и предан гонению мстительных фурий

После того, как согрел в материнской груди он железо?
 Нет! с той поры, как был признан безумным, он никакого
 Зла не свершил; не напал он с мечом на сестру и на друга;
 Фурней только Электру сестру называл, а Пиладу

140 Тоже давал имена, сообразно горячности гнева.

Бедный Олимпий, столь много серебра сохранявший и злата,
 В праздники вейское пивший вино из глиняной кружки,
 В будни довольный и кислым, однажды был спячкою болен
 И как мертвый лежал, а наследник уж в радости сердца
 Бегал с ключами вокруг сундуков, любовался мешками!
 Врач его верный придумал, однакоже, скорое средство,
 Чтобы больного от сна пробудить: он к постели больного
 Стол придвинуть велел, из мешков же высыпал деньги;
 Вызвал людей и заставил считать. Вот больной и проснулся.

150 «Если не будешь сам деньги беречь, — врач сказал, — то наследник
 Все унесет». — Как, при жизни моей? — «Да, при жизни. Не спи же,
 Ежели хочешь пожить!» — Так что же мне делать? — «А вот что:
 Твой желудок совсем опустел, а в жилах и крови
 Скоро не будет. Надобно их подкрепить поскорее.
 На вот каши из рису: поешь!» — А дорого ль стоит? —
 «Малость». — Однакоже сколько? — «Восемь лишь ассов». — Беда мне!
 Я не умру от болезни — умру разорен и ограблен!

Д а м а с и п п

Кто же в здравом рассудке?

С т е р т и н и й

Кто не безумен.

Д а м а с и п п

А скряга?

С т е р т и н и й

Он и глупец и безумный.

Д а м а с и п п

Следственно, тот бесспорно

160 В здоровом уме, кто не скряга?

С т е р т и н и й

Ничуть.

Д а м а с и п п

Отчего же? Скажи мне!

С т е р т и н и й

Слушай! Представь, что Кратер сказал о больном: «Он желудком
Вовсе здоров!» — Так, стало быть, может и встать он с постели?—

«Нет! потому что страдает от боли в боку или в почках».

Этот, положим, не клятвопреступник, не скряга: пусть ларам

В жертву за это свинью принесет! Но он честолюбец:

Пусть в Антикиру плывет! Не та ли же глупость — именье

Бросить в пучину иль вовсе не сметь к нему прикоснуться!

Сервий Оппидий, богач, родовые в Канусии земли

Двум разделил сыновьям. Но пред смертью, призвав их, сказал им

170 «Я заметил, что в детстве ты, Авл, и орехи и кости

В пазухе просто носил, и проигрывал их, и дарил их;

Ты же, Тиберий, напротив, заботливо прятал их в угол

И пересчитывал; с этой поры я всегда сокрушался,

Что в две разные глупости в зрелых летах вы впадете,

Что один Номентаном, другой же Цикутою будет.

Вот потому заклинаю пенатами вас: берегитесь

Ты — уменьшать, а ты — прибавлять к тому, что отец ваш

Почитает довольным для нужд, сообразных с природой.

Кроме того, я хочу, чтоб вы с клятвою мне обещали

180 Не соблазняться щекоткою славы; и если который

Будет эдилом иль претором, тот сам себя да объявит

Проклятым мной, неспособным владеть завещанным мною!»

Как! чтобы чваниться в цирке, чтоб ликом своим величаться,

Вылитым в бронзе, — так ты на горохе, бобах и лупине
Все состоянье отца проживешь? Не Агриппе ль захочешь,
Льву благородному, быть подражателем, хитрый лисенок?

- Что ты, Атрид, запрещаешь предать погребенью Аякса? —
«Помни: я царь!» — Я плебей! замолчу и вопрос оставляю! —
«Что повелел я, то справедливо. Однакож кто мыслит,
190 Будто я в этом не прав, говори предо мной безопасно!»
— О, да даруют же боги, властитель, тебе с кораблями,
Трою разрушив, обратно приплыть. Итак, мне вопросы
И возраженья дозволены? — «Спрашивай! я позволяю!»
— Царь! за что же Аякс, сей герой, второй по Ахилле,
Столько раз греков спасавший, под небом тлеет открытым?
Или на радость Приама и Трои лишен погребенья
Тот, кем их юноши были могил лишены в их отчизне?
«Нет, а за то, что, напав на овец, восклицал он, что режет
Менелая, Улисса, меня!» — А когда ты в Авлиде
200 Дочь, как телиду, на жертву привел к алтарю и осыпал
Солью с мукою ей голову, был ли ты в здравом рассудке?
«Я? Почему?» — Но безумный Аякс перерезал лишь стадо,
А и супругу и сына он пощадил! Он проклятьем
Зла не сделал тебе; не напал на Улисса и Тевкра. —
«Я, чтобы ветер попутный судам от враждебного берега
Боги послали, хотел примирить их той жертвенной кровью». —
Чьею?.. своею, безумный! — «Своей, но совсем не безумный!»
— Всякий безумен, кто, удаляясь от истины, ложно
Видит предметы и зла от добра отличить не умеет,
210 Гнев ли причиной тому, иль обманчивых чувств возмущенье.
Пусть был безумен Аякс, поражающий агицев невинных;
Но не безумен ли был ты и сам, когда преступленье
Мыслил свершить, честолюбьем надменный и гордостью сердца?
Если б кто вздумал носить на покойных носилках овечку,
Шить ей, как дочери, платье и дать ожерелья, служанок,
Куколкой, девочкой ласково звать и готовить для брака,
Верно бы претор ему запретил управление именем,

Верно б его и имение отдал родным под опеку.
Как? неужели в уме тот, кто вместо безгласной овечки
220 В жертву приносит родимую дочь! Что ты скажешь на это?
Где безрассудность, там и безумие; кто же преступник,
Тот и безумец! Кто хрупким стеклом обольщается славы,
Верь мне, что тот оглушен и громами кровавой Беллоны!

Но рассмотрим теперь расточительность и Номентана.
Здравый рассудок тебе легко их безумство докажет.

Этот, как скоро талантов до тысячи схватит в наследство,
Тотчас объявит всем рыболовам и всем, продающим
Овощи, птиц и душистые мази, всей сволочи этой,
Всем шутам, мясникам, чтоб на завтра же утром явились.
230 Все прибегут! — Вот рабами торгующий речь начинает:
«Все, что ни есть у меня и у них, — все твое. Прикажи лишь,
Завтра иль нынче же все непременно доставлено будет!»
Слушай же, как благородно юный богач отвечает:
«Ты, — говорит он, — проводишь все ночи в снегах луканийских
С тем, чтоб доставить на стол мне тобою добытого вепря;
Ты, невзирая на бурное море, ловишь мне рыбу.
Я не тружусь, а пользуюсь всем, недостойный! Возьми же
Десять тысяч себе, и столько же ты! А тебе я
Втрое даю за жену: хоть в полночь позову, прибегает!»
240 Сын Эзопа жемчужину, бывшую в ухе Метеллы,
В укусе крепком велел распустить, чтобы, выпивши, разом
Проглотить миллион: не умнее, чем в воду закинуть!
Квинта же Аррия дети, двое известные братья,
Два близнеца по распутству, имели привычку в обеде
Каждый день блюдо иметь из одних соловьев! Неужели
Не сумасбродство и то? Чем отметить их: мелом иль углем?

Если старик забавляется детской игрой в чет и нечет,
Или на палочке ездит верхом, или домики строит,
Или мышей запрягает в колясочку — он сумасшедший!
250 Ну, а если рассудок докажет тебе, что влюбленный
Больше ребенок, чем он? Что валяться в песке, как мальчишка,

Что в ногах у красавицы выть — не одно ли и то же?..
Можешь ли ты, например, поступить Полеону подобно?
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, подвязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышав случайно философа слово, который
В школе своей натошак проповедовал юношам мудрость!
Дай раздраженному мальчику яблоко: он не захочет.
«На, мой голубчик, возьми!» Не берет! Не давай: он попросит!
260 Так и влюбленный. Выгнанный вон, перед дверью любезной
Он рассуждает: войти или нет? А тотчас вошел бы,
Если б она не звала. «Сама, говорит, умоляет;
Лучше нейти и разом конец положить всем мученьям!
Выгнала, что же и звать! Не пойду, хоть проси с униженьем!»
Столь же разумный слуга между тем говорит господину:
«Что не подходит под правила мудрости или расчета,
То в равновесие как привести? В любви то и худо:
В ней то война, то последует мир. Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер
270 Или как случай, — это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный, и вместе по точным законам рассудка!»
Как? когда ты, гадая, зернышки яблок бросаешь
И так рад, что попал в потолок, неужель ты в рассудке?..
Как? когда ты, беззубый, лепечешь в любви уверенья,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомни и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомни Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
280 В сущности будет все то же, различие только в названье!
Вольноотпущенник некто, не евши и вымывши руки,
До свету бегал по всем перекресткам, где только есть храмы,
Громко крича: «Избавьте, о боги, меня вы от смерти!
Только меня одного! Всемогущие, это легко вам!»
Всею он здоров был, и слухом и зрением; но за рассудок,
При продаже его, господин бы не мог поручиться!
Эту всю сволочь Хрисипп в собратьи Менения числит.

«О Юпитер, от коего все: и болезнь и здоровье! —
Так молилася мать, у которой ребенок был болен: —
290 Если его исцелишь, обещаю, что завтра же утром,
Так как наутро свершаем мы пост в честь тебя, всемогущий,
В Тибр его окуну!» Что ж? если бы лекарь иль случай
И избавил его от болезни, то глупая мать
Неприменно б ему лихорадку опять возвратила!
Что тут причиной безумства? Причиной одно: суеверье!

Так Стертиний, мой друг, осьмой меж семью мудрецами,
Дал мне оружие, дабы отныне никто не остался
Безнаказан, задевши меня! Кто мне скажет: «Безумец!» —
Тотчас ему я в ответ: «Оглянись, не висит ли что сзади!»

Г о р а ц и й

300 Стоик! Да будешь ты, после банкротства, гораздо дороже
Новый товар продавать! Но коль много родов есть безумства,
То какое ж мое? А по мне... я здоров головою!

Д а м а с и п п

Но неужели Агава, голову сына воткнувши,
Вместо звериной, на тирс, почитала себя сумасшедшей?

Г о р а ц и й

Правда, пришлось уступить. Сознаюсь откровенно: глупец я!
Даже безумный подчас! Но скажи мне, однакож: какою
Я страдаю болезнью души?..

Д а м а с и п п

Во-первых, ты строишь!

То есть ты подражаешь людям высоким, а сам ты,
Ежели смерить твой рост, не выше двух пядей — и сам же
310 Ты насмехаешься Турбе, его и походке и виду
В бранном доспехе, какой совершенно ему не по росту.
Меньше ль смешон ты, когда с Меценатом равняться желаешь?

Где же тебе, столь несходному с ним, в чем-нибудь состязаться?
 Раз лягушонка теленок ногой раздавил: ускользнувши,
 В сильном испуге, другой рассказывать матери начал,
 Что товарища зверь растоптал. «А велик ли? — спросила
 Мать, надуваясь. — Будет такой?» — «Нет, тот вдвое был больше!»
 «А такой?» — мать спросила, надувшись еще. — «Нет, хоть лопни,
 Все же не будешь с него!» Не твое ли подобие это?..

320 К этому должно придать еще страсть твою к стихотворству,
 Страсть, с которой ты масла еще на огонь подливаешь!
 Если в уме сочиняют стихи, то и ты не безумный!
 Нрав твой горячий... о нем уж молчу...

Г о р а ц и й

Перестань!..

Д а м а с и п п

Об издержках

Сверх состояния...

Г о р а ц и й

Вспомни себя, Дамасипп.

Д а м а с и п п

Я ни слова

Ни про безумную страсть к девчонкам, ни к мальчикам дружбу!

Г о р а ц и й

О, пощади же ты, больший безумец, меньшего безумца!

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

Г о р а ц и й

К а т и й! Откуда? Куда?

К а т и й

Мне не время теперь! Занимаюсь
Новым учением, высшим всего, чему ни учили
Сам Пифагор, и ученый Платон, и Сократ обвиненный!

Г о р а ц и й

Я виноват, что тебе помешал так некстати и прервал
Нить размышлений твоих; извини же меня, мой добрейший!
Если и выйдет из памяти что у тебя, ты воротись!
От природы ль она, от искусства ль, но чудная память!

К а т и й

Да! Я о том и стараюсь, чтоб все удержать в ней подробно.
Это претонкие вещи! И тонко предложены были!

Г о р а ц и й

¹⁰ Кто же наставник твой был? Наш ли, римлянин, иль чужеземец?

К а т и й

Я науку тебе сообщу, но учителя скрою!
Слушай и помни, что яйца, длинные с виду, вкуснее;
Сок их питательней, нежели круглых, у них и скорлупка
Тверже; зародыш в них мужеска пола. За званым обедом

Их подавай. Капуста, растущая в поле, вкуснее,
Чем подгородная, эту излишней поливкой портят.
Если к тебе неожиданно гость вдруг явился на ужин,
То, чтобы курица мягче была и нежнее, живую
Надо ее окунуть в молодое фалернское прежде.

20 Лучший гриб — луговой; а другим доверять ненадежно.
Много здоровью способствует, если имеешь привычку
Ты шелковичные ягоды есть, пообедав, однакож
Снятые с ветвей тогда, пока солнце еще не высоко.
Мед свой мешал натошак с фалерном крепким Ауфидий.
Нет! приличней полегче питье для пустого желудка.
Жиденский мед, например, несравненно полезнее будет.
Если живот отягчен, то мелких раковин мясо
Или щавель полевой облегчат и свободно и скоро,
Только бы белое косское было притом не забыто.

30 Черепоконные полны, когда луна прибывает,
Но ведь не все же моря изобилуют лучшим их родом!
Так и улитки лукринские лучше, чем в Байском заливе
Даже багрянка сама; цирцейские устрицы в славе;
Еж водяной — из Мисена, а гребень морской — из Тарента!

Но искусством пиров не всякий гордится, покуда
В точности сам не изучишь все тонкие правила вкуса.
Мало того, чтоб скупить дорогою ценою всю рыбу,
Если не знаешь, к которой подливка идет, а которой
Жареной быть, чтоб наевшийся гость приподнялся на локоть.

40 Кто не охотник до легкого мяса, поставь погрузнее
Блюдо с умбрийским кабаном, питавшимся желудем дуба;
Но лаврентийский не годен: он ест камыши и поросты.
Где виноградник растет, там дикие козы невкусны.
Плечи чреватой зайчихи знаток особенно любит.

Рыбы и птицы по вкусу и возраст узнать, и откуда —
Прежде никто не умел, я первый открытие сделал.

Многие новый пирог изобрести почитают за важность.
Нет! не довольно в одном показать и искусство и знание:

Так вот иной о хорошем вине прилагает заботу,
50 Не беспокоясь о рыбе, каким поливается маслом.

Если массикское выставить на ночь под чистое небо,
Воздух прохладный очистит его, и последнюю мутность
Вовсе отнявши и запах, для чувств неприятный и вредный;
Если ж дедить сквозь холстину его, то весь вкус потеряет.
Если суррентским вином наливают фалернские дрожжи,
Стоит в него лишь яйцо голубиное выпустить — вскоре
Всю постороннюю мутность оттянет на дно непременно.

Позыв к питью чтобы вновь возбудить в утомившемся госте,
Жареных раков подай, предложи африканских улиток,
60 Ибо в желудке после вина латук бесполезно
Плавает сверху; тут лучше еще ветчина с колбасою,
Все, что с душком или что отзывается прямо харчевней.

Свойства, однакоже, знать нужно в точности разных

подливок.

Есть простая: она состоит из чистого масла
С чистым вином и рассолом пахучим из капера-рыбы,
Только чтоб он, разумеется, был не иной, византийский!
Если же в ней поварить, искрошивши, душистые травы
И настоять на корикском шафране, а после подбавить
Масла венафрского к ней, то вот и другая готова!

70 Тибуртинские яблоки много в приятности вкуса
Уступают пиденским, хоть с виду и кажутся лучше.
Венункульский изюм бережется в горшочках, альбанский
Лучше в дыму засушённый. Я первый однажды придумал
Яблоки с ним подавать и анчоусы в чистеньких блюдах
Ставить кругом, под белым перцем и серою солью.
Но большая ошибка — три тысячи бросив на рынок,
Втискать в тесное блюдо к простору привыкшую рыбу!

А неопрятность родит отвращение к еде: неприятно,
Если след масляных пальцев раба на бокале замечен
80 Или насохло на дне и заметно, что чаша не мыта.
Дорого ль стоит метелка, салфетка или опилки?
Просто безделица! А нерадение — бесчестье большое!
Пол разноцветный из камней, а веником грязным запачкан.
Ложе под пурпуром тирским; глядишь — а подушки нечисты.
Ты не забудь: чем меньше что стоит труда и издержек,

Тем справедливей осудят тебя; не так, как в предметах,
Только богатым приличных одним и им лишь доступных!

Гораций

Катий ученый! Прошу, заклиная богами и дружбой!
Где бы наставник твой ни был, ты дай самого мне послушать!

⁹⁰ Ибо, как память твоя ни верна, согласися, однако,
Все ведь ты передал мне ученье чужое! Прибавь же
Вид, выраженье лица; о блаженный! ты видел все это!
Это тебе невдомек, а я-то, напротив, пылаю
Сильным желаньем увидеть безвестный науки источник,
Сам почерпнуть из него учение жизни блаженной.

САТИРА ПЯТАЯ

У л и с с

Вот что еще попрошу я тебя мне поведать, Тиресий:
Как бы, каким бы мне средством поправить растрату
именья?
Что ж ты смеешься?..

Т и р е с и й

Лукавец! А разве тебе не довольно
Возвратиться в Итаку свою и отчих пенатов
Вновь увидеть?..

У л и с с

Никого ты еще не обманывал ложью!
Видишь, что наг я и нищ возвращаюсь, как ты предсказал мне.
Ни запаса в моих кладовых, ни скота. Без богатства ж
И добродетель и род дешевле сена морского!

Т и р е с и й

Прочь околичности! Если ты бедности вправду боишься,
¹⁰ Слушай, как можешь богатство нажить. Например: не придет ли
Кто-нибудь или дрозда, иль еще тебе редкость другую;
Ты с ней беги к старику, накопившему много именья.
Ранний плод сада или домашнее, что есть получше,
Пусть он, почетнейший лар, и отведаст прежде, чем лары.
Будь он хоть клятвопреступник, будь низкого рода, обрызган
Кровию братней, из беглых рабов, — но если захочет,
Чтоб ты шел в провожатых его, не смей отказаться!

Улисс

Как? чтобы с Дамой позорным бок о бок я шел? Я под Троей
Был не таков: там в первенстве я с величайшими спорил!

Тиресий

20 Ну, так будь беден!

Улисс

Все может снести великое сердце!
И не то я сносил! Но ты продолжай. Где я мог бы
Золота кучу достать, где богатство? Скажи, прорицатель!

Тиресий

Что я сказал, то скажу и опять! Лови завещанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С удочки, хитрая рыбка, приманку скусив рыболова,
Ты надежд не теряй и готовься на промысел снова.
Ежели тяжба меж двух заведется, важная ль, нет ли,
Кто из соперников силен богатством, родных не имеет,
Ты за того и в ходатаи, пусть он и нагло и дерзко
30 Честно тянет к суду. Будь ответчик хоть лучший из граждан,
Но если сын у него да жена — за него не вступайся!
«Публий почтенный!» — скажи или — Квинт! (потому что прозванья —
Знатности признак — приятны ушам!) — меня привязало
Лишь уважение к тебе; а дела и права мне знакомы.
Лучше пусть вырвут глаза мне, чем я допущу, чтоб соперник
Хоть скорлупкой ореха обидел тебя. Будь покоен!
Ты не будешь в потере; не дам над тобой надругаться!»
После проси, чтобы шел он домой и берег бы здоровье.
Сам хлопочи, хоть бы рдеющий Пес раскалывал злобно
40 Статуи вовсе безгласные или с распученным брюхом
Фурий плевал бы снегом седым на высокие Альпы!
«Ну, посмотри-ка! — тут скажет иной, толкнувши соседа. —
Вот трудолюбец, вот друг-то какой! вот прямо заботлив!»
С этим огромные рыбы и сами собою повалят

В сети твои, а из них и в садок! Но ежели хворый
В доме богатом есть сын, то, чтобы отвлечь подозренье
Холостых богачей, угождай и поползай, в надежде
Быть хоть вторым в завещанье, на случай ежели мальчик
Рано отправится к Орку. Тут редко случится дать промах!

50 Если кто просит тебя прочитав его завещанье,
Ты откажись и таблички рукой оттолкни, но сторонкой
Сам потихоньку взгляни между тем: что на первой табличке
В строчке второй, и один ли назначен наследником, или
Многие вместе; все это быстрее пробеги ты глазами.
Часто писец из ночных сторожей, завещанья писавший,
Так проведет, как ворону лиса! И Коран этот ловкий
Будет потом хохотать над ловцом завещаний, Назикой!

У л и с с

В исступленье пророческом ты или шутишь в загадках?

Т и р е с и й

О Лаэртид! что изрек я, то будет иль нет, непременно!
60 Дар прорицанья мне дан самим Аполлоном великим!

У л и с с

Ежели можно, однако, скажи мне: что это за басня?

Т и р е с и й

Некогда юный герой, страх парфян, из Энеева рода,
Славой наполнит своею и землю и море. В то время
Дочь за Корана свою выдаст замуж Назика, из страха,
Чтобы богатый Коран с него не потребовал долгу.
Вот же что сделает зять. Он тестю подаст завещанье
С просьбой его прочитав. Назика противиться будет.
Но возьмет, наконец, и прочтет про себя, и увидит,
Что ему завещают одно: о покойнике плакать!
70 Вот еще мой совет: когда стариком полоумным
Хитрая женщина иль отпущенник правит, то нужно
Быть заодно; ты хвали их ему, чтоб тебя расхвалили!

Будет полезно и то! Но верней овладеть головою:
 Может быть, сдуру стихи он пишет плохие, старик-то?
 Ты их хвали. Коль блудник он — не жди, чтоб просил: угождая
 Мощному, сам ты вручи Пенелопу ему.

У л и с с

Неужели,
 Думаешь ты, соблазнить столь стыдливую, чистую можно,
 Ту, что с прямого пути совратить женихи не сумели?

Т и р е с и й

Дива нет — шла молодежь, что скупа на большие подарки,
 80 Та, что не столько любви, сколько кухни хорошей искала.
 Вот почему и чиста Пенелопа; но если от старца
 Вкусит она барышок и разделит с тобой хоть разочек, —
 Ты не отгонишь ее, как пса от засаленной шкуры.
 Вот послушай, что в Фивах случилось. Старушка лукаво
 Там завещала, чтоб тело ее, умащенное маслом,
 Сам наследник на голых плечах отнес на кладбище.
 Ускользнуть от него и по смерти хотела затем, что
 Слишком к живой приступал он. Смотри же и ты: берегися,
 Чтоб не выпустить вовсе из рук неуместным стараньем!
 90 Кто своенравен, ворчлив, тому говорливость досадна.
 Впрочем, не все же молчать! Стой, как Дав, лицедей всем известный,
 Скромно склоняясь головой и с робким, почтительным видом.
 Но на услуги будь скор: подует ли ветер, напомни,
 Чтоб свою голову, столь драгоценную всем, поберег он
 И накрыл чем-нибудь; в тесноте предложи опереться
 И плечом подслужись, а болтлив он — внимательно слушай.
 Лесть ли он любит — хвали, пока он не скажет: довольно!
 Дуй ему в уши своей похвалой, как мех раздувательный.
 Если ж своею кончиной избавит тебя он от рабства
 100 И услышишь ты вдруг наяву: «Завещаю Улиссу
 Четверть наследства!» — воскликни тогда: «О любезный мой Дама!
 И тебя уже нет! Где такого найти человека!..»
 Сам зарыдай, и не худо, чтоб слезы в глазах показались:

Это полезно, чтоб скрыть на лице невольную радость.
Памятник сделай богатый и пышно устрой погребенье,
Так, чтобы долго дивились и долго хвалили соседи.
Если же твой сонаследник старик, и в одышке и в кашле,
Ты предложи, не угодно ли взять или дом, иль другое,
Лучшее в части твоей, за какую назначит он цену!

¹¹⁰ Но увлекает меня Прозерпина!.. Живи и будь счастлив!

САТИРА ШЕСТАЯ

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою
боле,

Кроме того, чтоб все эти дары мне они сохранили.
Если достаток мой я не умножил постыдной корыстью;
Если его не умалил небрежностью иль беспорядком;
Если я дерзкой мольбы не взношу к небесам, как другие:

«О, хоть бы этот еще уголок мне прибавить к владенью!
10 Хоть бы мне урну найти с серебром, как наемник, который,
Взыскан Алкидом, купил и себе обрабатывать начал
Поле, которое прежде он же пахал на другого»;
Если доволен, признателен я и за то, что имею, —
То молю, о сын Майи, я об одном — утучняй ты
Эти стада и храни все мое покровительством прежним,
Только ума моего не прошу утучнять, покровитель!

Скрывшись от шумного города в горы мои, как в твердыню,
Чуждый забот честолюбья, от ветров осенних укрытый,
Страшную жатву всегда приносящих тебе, Либитина,
20 Что мне здесь делать, когда не беседовать с пешею Музой?

Раннего утра отец! или (если приятней другое
Имя тебе) о бог Янус, которым все человеки
Жизни труды начинают, как боги им повели!
Будь ты началом и этих стихов! Живущего в Риме,
Рано там ты меня из дома к себе вызываешь.
«Нужно, — ты мне говоришь, — поручиться за друга; ты должен
С делом чести спешить; нежели другому уступишь?»

Северный ветер, зима, день короткий — нет нужды; иду я
Голосом ясным ручательство дать — себе в разоренье!

30 И, продираясь назад чрез толпу, я слышу: «Куда ты?
Что, как безумный, толкаешься? Ждет Меценат? Не к нему ли?»
Этот упрек, признаюсь, мне сладок, как мед! Но лишь только
До Эсквилинской дойдешь высоты, как вспомнишь, что сотня
Дел на плечах. Там Росций просил побывать у Колодца
Завтра поутру; а нынче есть общее новое дело;
Скрибы велели напомнить: «Квинт, не забудь, приходи же!»
Тут кто-нибудь подойдет: «Постарайся, чтоб к этой бумаге
Твой Меценат печать приложил». На ответ: «Постараюсь!»
Мне возражают: «Тебе не откажет! Захочешь — так можешь!»

40 Скоро вот будет осьмой уже год, как я к Меценату
Стал приближен, как в числе он своих и меня почитает.
Близость же эта вся в том, что однажды с собой в колеснице
Брал он в дорогу меня, а доверенность — в самых безделках!
Спросит: «Который час дня?» или: «Кто из борцов превосходней?»
Или заметит, что холодно утро и надо беречься;
Или другое, что можно доверить и всякому уху!
Но завистников день ото дня наживаю и боле
С часу на час. Покажусь ли я с Меценатом в театре
Или на Марсовом поле, — все в голос: «Любимец Фортуны!»
50 Чуть разнесутся в народе какие тревожные слухи,
Всякий, кого я ни встречу, ко мне приступает с вопросом:
«Ну, расскажи нам (тебе, без сомнения, все уж известно,
Ты ведь близок к богам!) — не слыхал ли чего ты о даках!»
— Я? Ничего! — «Да полно шутить!» — Клянусь, что ни слова!
«Ну, а те земли, которые воинам дать обещали,
Где их, в Сицилии или в Италии Цезарь назначил?»
Ежели я поклянусь, что не знаю, — дивятся, и всякий
Скрытым меня человеком с этой минуты считает!
Так я теряю мой день и нередко потом восклицаю:
60 — О, когда ж я увижу поля! И дозволит ли жребий
Мне то в писаниях древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться забвением жизни пустой и тревожной!
О, когда ж на столе у меня появятся снова

- Боб, Пифагору родной, и с приправою жирною зелень!
О пир, достойный богов, когда вечеряю с друзьями
Я под кровом домашним моим и трапезы остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждый гость кубок берет по себе, кто большой, кто поменьше;
Каждый, чуждаясь законов пустых, кто вдруг выпивает
70 Чашу до дна, кто пьет с расстановкою, мало-помалу.
Наш разговора предмет — не дома и не земли чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли пляшет
Лепос, но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.
Судим: богатство ли делает счастливым, иль добродетель;
Выгоды или склонности к дружбе вернее приводят;
Или в чем свойство добра и в чем высочайшее благо?
Первый меж тем, наш сосед, побасёнку расскажет нам кстати.
Если богатство Ареллия кто, например, превозносит,
Не слыхав о заботах его, он так начинает:
80 «Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору — они старинными были друзьями.
Как ни умеренна, но угощенья она не жалела,
Чем богата, тем рада; что было, ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в гостье хоть разностью яств победить отвращенье.
Гостья же, с гордостью, чуть прикасалась к кушанью зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
90 Вот, наконец, горожанка так речь начала: «Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, одиноко!
Если ты к людям и в город желаешь из дикого леса,
Можешь пуститься со мною туда! Все, что жизнью дышит,
Смерти подвластно на нашей земле: и великий и малый,
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждаясь и пользуясь жизнью,
Помня, что краток наш век». Деревенская мышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, поспешая, чтоб к ночи

¹⁰⁰ В стену пролезть. Ночь была в половине, когда две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Ложам роскошным из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в дорогой и блестящей посуде
Были остатки вчерашнего великолепного пира.
Вот горожанка свою деревенскую гостью учтиво
Пригласила прилечь на пурпурное ложе и быстро
Бросилась сразу ее угощать, как прилично хозяйке!
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая отведать притом от каждого блюда.

¹¹⁰ Та же, разлегшись спокойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! Но вдруг хлопнули дверь — и с ложа
Бросились обе в испуге бежать, и хозяйка и гостя!
Бегают в страхе кругом по затворенной зале; но пуще
Страх на полмертвых напал, как услышали громкое в зале
Лаянье псов. «Жизнь такая ничуть не по мне! — тут сказала
Деревенская мышь. — Наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глотать чечевицу!»

САТИРА СЕДЬМАЯ

Д а в

лушаю я уж давно. И хотелось бы слово промолвить:
Но я, раб твой, немножко боюсь!..

Г о р а ц и й

Кто там? .. Дав?

Д а в

Дав, вернейший

Твой господский слуга, усердный, довольно и честный,
Жизни достойный, поверь!

Г о р а ц и й

Ну что ж с тобой делать! Пожалуй,
Пользуйся волей декабрьской: так предки уставили наши.
Ну, говори!

Д а в

Есть люди, которые в зле постоянны,
Прямо к порочной их цели идут; а другие, колеблясь
Между злом и добром, то стремятся за добрым, то злое
Их пересилит. Вот Приск, например: то по три он перстня
¹⁰ Носит, бывало, то явится с голою левой рукою.
То ежечасно меняет свой пурпур, то угнездится
Он из роскошного дома в такой, что, право, стыдился б
Вольноотпущенник, если пригож, из него показаться.
То щеголяет он в Риме, то вздумает лучше в Афинах

Жить, как философ. Не в гневе ли всех он Вертумнов родился!
А Воланерий, когда у него от хирагры ослабли
Пальцы (оно и за дело), нанял, кормил человека,
В кости играя, трясти и бросать за него! Постоянство,
Право, и в этом — все лучше: он меньше презрен и несчастлив,
20 Нежели тот, кто веревку свою то натянет, то спустит.

Г о р а ц и й

Скажешь ли, висельник, мне: к чему ты ведешь речь такую?..

Д а в

Да к тебе!

Г о р а ц и й

Как ко мне, негодяй?

Д а в

Не сердися! Не ты ли

Нравы и счастье предков хвалил? А если бы это
Счастье боги тебе и послали, ведь ты бы не принял!
Все оттого, что не чувствуешь в сердце, что хвалишь устами;
Что в добре ты нетверд, что глубоко увяз ты в болоте
И что лень, как ни хочется, вытащить ноги из тины.
В Риме тебя восхищает деревня: поедешь в деревню —
Рим превозносишь до звезд. Как нет приглашенья на ужин —
30 Хвалишь и зелень и овощи; счастьем считаешь, что дома
Сам ты себе господин, как будто в гостях ты в оковах,
Будто бы рад, что нигде не приходится пить, и доволен.
Если же на вечер звать придет Мекенат: «Подавайте
Масла душистые! Эй! да слышит ли кто!» Как безумный,
Ты закричишь, зашумишь, беготню во всем доме поднимаешь,
Мульвий и все прихлебатели — прочь! Как тебя проклинают,
Я не скажу уж тебе. «Признаться, легонек желудок! —
Рассуждает иной. — Хоть бы хлеба понюхал!» Конечно,
Я и ленив и обжора! Все так! Да и сам ты таков же,
40 Если не хуже; только что речью красивой умеешь

- Все недостатки свои прикрывать! Что, если и вправду
Ты безумней меня, за которого ты же безделку,
Пять сотен драхм заплатил?.. Да стой! Не грозь, не сердися!
Руку и желчь удержи и слушай, пока расскажу я
Все, чему надоумил меня привратник Криспина!
Жены чужие тебя привлекают, а Дава — блудницы.
Кто же из нас достойней креста за свой грех? Ведь когда я
Страстной природой томлюсь, раздеваясь при яркой лампаде,
Та, что желаньям моим отвечает, как подобает,
50 Или играет со мной и, точно коня, распаляет,
Та отпускает меня, не позоря: не знаю я страха,
Как бы не отнял ее, кто меня и богаче пль краше;
Знаки отличья сложивши — и всадника перстень и тогу
Римскую, — ты, что судьей был пред тем, выступаешь, как Дама
Гнусный, для тайны главу надушенную в плащ завернувши:
Разве тогда ты не тот, кем прикинулся? Робкого вводят
В дом тебя; борется похоть со страхом, колени трясутся.
Разница в чем — ты «на смерть от огня, от плетей, от железа»
Сам, не нанявшись, идешь, или, запертый в ящик позорно,
60 Спущен служанкой туда, сообщницей грязного дела,
Скорчась сидишь, до колен головою касаясь? Законом
Мужу матроны грешащей дана над обоими воля.
Да и над тем, кто прельстил, справедливее. Ибо она ведь
Платье, жилище свое не меняла, грешит только с виду,
Так как боится тебя и любви твоей вовсе не верит.
Ты ж, сознавая, пойдешь и под вилы и ярости мужа
Весь свой достаток отдашь, свою жизнь, вместе с телом и славу!
Цел ты ушел; научен, полагаю, ты станешь беречься:
Нет, где бы снова дрожать, где бы вновь мог погибнуть, ты ищешь.
70 О, какой же ты раб! Какое ж чудовище станет,
Цепи порвавши, бежав, возвращаться обратно к ним слугу?
Ты, говоришь, не развратен! А я — я не вор! Ежедневно
Мимо серебряных ваз прохожу, а не трону! Но сбрось ты
Страха узду, и сейчас природа тебя обуяет.
Ты господин мой, а раб и вещей и раб человеков
Больше, чем я, потому что с тебя и сам претор ударом

Четырехкратным жезла добровольной неволи не снимет!
К этому вот что прибавь, что не меньше внимания стоит:
Раб, подвластный рабу, за него исправляющий должность, —
80 Равный ему или нет? Так и я пред тобой! Ты мне тоже
Ведь приказанья даешь; сам же служишь другим, как наемник
Или как кукла, которой другие за ниточку движут!
Кто же свободен? Мудрец, который владеет собою;
Тот лишь, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы;
Тот, кто, противясь страстям, и почесть и власть презирает;
Кто совмещен сам себе; кто как шар, и круглый и гладкий,
Внешних не знает препон; перед кем бессильна Фортуна!
С этим подобьем ты сходен ли? Нет! Попросит красотка
Пять талантов с тебя, да и двери с насмешкой затворит,
90 Да и холодной окатит водою; а после приманит!
Вырвись, попробуй, из этих оков на свободу! Так что же
Ты говоришь: «Я свободен!» Какая же это свобода!
Нет! над тобой есть такой господин, что, лишь чуть обленишься,
Колет тебя острием; а отстанешь, так он подгоняет!

Смотришь картины ты Павсия, к месту как будто прикован
Что ж, ты умнее меня, на Рутубу коль я засмотрелся
С Фульвием в схватке, углем и красной намазанных краской,
Или на Пладидеяна гляжу, что коленом уперся?
Будто живые они: то удар нанесут, то отскочат!
100 Дав засмотрелся на них — ротозей он; а ты заглядишься —
Дело другое: ты тонкий ценитель художества древних!
Я на горячий наброшусь пирог — негодяй! — Добродетель,
Разум высокий тебя от жирных пиров удаляют!
Мне и вреднее оно: я всегда поплачусь спиною!
Но и тебе не проходит ведь даром! Твой пир бесконечный
В желчь превратится всегда и в расстройство желудка, а ноги
Всякий раз отрекутся служить ослабевшему телу!
Раб твой, безделку стянув, променяет на кисть винограда —
Он виноват; а кто земли свои продает в угожденье
110 Жадному брюху, тот раб или нет? Да прибавь, что ты дома
Часу не можешь пробыть сам с собой, а свободное время
Тратишь всегда в пустяках! Ты себя убегаешь и хочешь

Скуку в вине потопить или сном от забот позабыться,
Точно невольник какой или с барщины раб убежавший!
Только напрасно! Они за тобой и повсюду нагонят!

Г о р а ц и й

Хоть бы камень какой мне попался!

Д а в

На что?

Г о р а ц и й

Хоть бы стрелы!

Д а в

Что это с ним? Помешался он, что ль, иль стихи сочиняет?..

Г о р а ц и й

Вон! А не то угодишь у меня ты девятым в Сабину!

САТИРА ВОСЬМАЯ

Г о р а ц и й

то? Хорош ли был ужин счастливец Насидиена?
Я вчера посылал звать тебя; но сказали, что с полдня
Там ты пируешь!

Ф у н д а н и й

Ужин чудесный был! В жизнь мою, право,
Лучше не видывал я!

Г о р а ц и й

Расскажи мне, ежели можно,
Что же прежде всего успокоило ваши желудки?

Ф у н д а н и й

Вепрь луканийский при южном, но легком, пойманный ветре —
Так нам хозяин сказал. Вокруг же на блюде лежали
Репа, редис и латук, все, что позыв к еде возбуждает:
Сахарный корень и сельди с подливкой из винных подонков.
¹⁰ Только что снят был кабан, высоко подпоясанный малый
Стол из кленового дерева лоскутом пурпурным вытер,
А другой подобрал все ненужное, все, что могло бы
Быть неприятно гостям. Потом, как афинская дева
Со святыней Цереры, вступил меднолицый гидаспед
С ношей цекубского; следом за ним грек явился с хиосским,
Непричастным морей. Тут хозяин сказал Меценату:
«Есть и фалернское, есть и альбанское, если ты любишь».

Г о р а ц и й

Жалкое чванство богатства! Однакож скажи мне, Фунданий,
Прежде всего: кто были с тобою тут прочие гости?

Ф у н д а н и й

- 20 Верхним был я, Виск подле меня, а с нами же, ниже,
Помнится, Варий, Сервилий, потом Балатрон и Вибидий,
Оба как тени: обоих привез Меценат их с собою!
Меж Номентана и Порция был сам хозяин, а Порций
Очень нас тем забавлял, что глотал пироги, не жевавши.
Номентан был нарочно затем, чтоб указывать пальцем,
Что проглядят; а толпа — то есть мы, все прочие гости, —
Рыбу, и устриц, и птиц не совсем различала по вкусу.
Вкус их совсем был не тот, какой мы всегда в них находим,
Что и открылось, когда он попотчевал нас потрохами
- 30 Ромба и камбалы; я таких не отвеживал прежде!
Далее он объяснил нам, что яблоки, снятые с ветвей
В пору последней луны, бывают красны. А причину
Сам спроси у него. Тут Вибидий сказал Балатрону:
«Коль не напьемся мы насмерть, мы, право, умрем без отмщенья!»
И спросили бокалов больших. Побледнел наш хозяин.
Ничего не боялся он так, как гостей опьянелых:
Или затем, что в речах допускают излишнюю вольность,
Или что крепкие вина у лакомок вкус притупляют.
Вот Балатрон и Вибидий, за ними и мы, с их примера,
- 40 Чаши наливши вином, вверх дном в алифанские кружки!
Только на нижнем конце пощадили хозяина гости.
Вот принесли нам мурену, длиною в огромное блюдо:
В соусе плавали раки вокруг. Хозяин сказал нам:
«Не метала еще! как помечет, становится хуже!»
Тут и подливка еще, из венафрского сделана масла
Первой выжимки; взвар же из сока рыб иберийских
С пятилетним вином, не заморским однако. А впрочем,
Если подбавить в готовый отвар, то хиосское лучше.
Тут же прибавлено белого перцу и уксус, который

50 Выжат из гроздий Метимны одних и, чистый, заквашен.
 Зелень дикой горчицы варить — я выдумал первый;
 Но морского ежа кипятить не промытым — Куртилий
 Первый открыл: так вкусней, чем в рассоле из черепокожных».

Только что кончил он речь, как вдруг балдахин над гостями
 С облаком пыли, как будто воздвигнутой северным ветром,
 С треском на блюда упал. Мы, избавясь опасности, страха,
 Справились вновь; но хозяин, потупивши голову, в горе,
 Плакал, как будто над сыном единственным, в детстве умершим!
 Как знать, когда бы он кончил, когда б мудрецом Номентаном
 60 Не был утешен он так: «О Фортуна! кто из бессмертных
 К смертным жесточе тебя! Ты рада играть человеком!»
 Варий от смеха чуть мог удержаться, закрывшись салфеткой.
 А Балатрон, всегдашний насмешник, воскликнул: «Таков уж
 Жребий всех человеков; такая судьба их, что слава
 Никогда их трудов не оплатит достойной наградой!
 Сколько ты мучился, сколько забот перенес, беспокойства,
 Чтобы меня угостить!хлопотал, чтоб был хлеб без подгару,
 Чтобы подливки приправлены были и в меру и вкусно,
 Чтобы слуги прилично и чисто все были одеты;
 70 Случай — и все ни во что! Вдруг, как насмех, обрушится

сверху

Твой балдахин или конюх споткнется — и вдребезги блюдо!
 Но угоститель, равно как иной полководец великий,
 В счастье был не замечен, а в бедствии вдруг познается!»
 «О, да исполнят же боги тебе все желания сердца,
 Муж добродетельный! Добрый товарищ!» — Так с чувством

воскликнул

Насидиен и, надевши сандалии, тотчас же вышел.
 Гости меж тем улыбались и между собою шептали
 На ухо; только на ложах и слышен был тайный их шепот.

Г о р а ц и й

Впрямь никакого бы зрелища так не хотелось мне видеть!
 80 Ну, а чему же потом вы еще посмеялись?

Фунданий

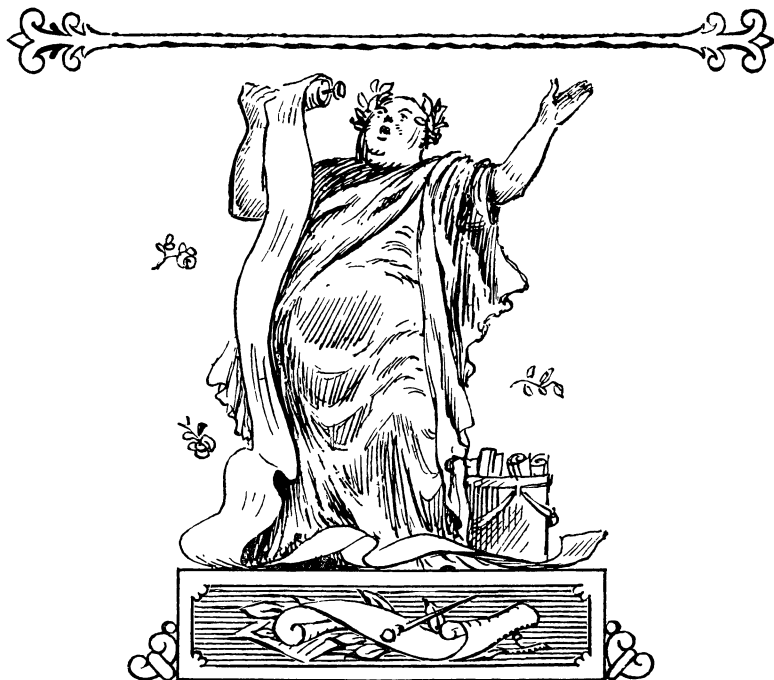
Вибидий

Грустно служителям сделал вопрос: «Не разбиты ль кувшины,
Потому что бокалы гостей... стоят не налиты?»

Между тем как смеялись мы все заодно с Балатроном,
Снова вступает Насидиен, но с лицом уж веселым,
Точно как будто искусством готов победить он Фортуну.
Следом за ним принесли журавля: на блюде глубоком
Рознят он был на куски и посыпан мукою и солью.
Подали потрохи белого гуся с начинкой из свежих
Фиг и плечики зайца; они превосходнее спинки.

⁹⁰ Вскоре увидели мы и дроздов, подгорелых немножко,
И голубей без задков. Претонкие лакомства вкуса,
Если бы пира хозяин о каждом кушанье порознь
Нам не рассказывал все: и натуру и дело искусства,
Так что их и не ели, как будто,дохнувши на блюда,
Ведьма Канидия их заразила змеиным дыханьем!

ПЕРСИЙ

САТИРЫ

ПРОЛОГ

Ни губ не полоскал я в роднике конском,
Ни на Парнасе двухвершинном мне грезить
Не приходилось, чтоб поэтом вдруг стал я.
Я геликонских дев с Пиреною бледной
Предоставляю тем, чьи лики плющ цепкий
Обычно лижет; сам же, как полунеуч,
Во храм певцов я приношу стихи эти.
Из попугая кто извлек его «здравствуй»,
Сорок заставил выкликать слова наши?

Искусств учитель, на таланты все щедрый,
Желудок, мастер голосов искать чуждых:
Блеснет надежда на коварные деньги —
Сорока поэтессой, как поэт — ворон
Пегасовым напевом запоют, верь мне!

САТИРА ПЕРВАЯ

Озаботы людей! О, сколько на свете пустого!
«Кто это станет читать?» Вот это? Никто! «Ты
уверен?»
Двое иль вовсе никто. «Это скверно и жалко!» Да так ли?

Полидамант и троянки, боюсь я что ль, Лабеона
Мне предпочтут? Пустяки! Зачем тебе следовать вкусам
Смутного Рима? Зачем стараться выравнивать стрелку
Ложных весов? Вне себя самого судьи не ищи ты.
Есть ли кто в Риме, чтоб он... Ах, коль можно сказать бы!..

Но можно,

Если на наши взглянуть седины, на жалкую нашу
10 Жизнь и на то, что теперь мы делаем, бросив орехи;
Корчим когда из себя мы дядюшек... Нет уж, простите!
Что же мне делать? Ведь я хохотун с селезенкою дерзкой!

Пишем мы все взаперти — кто стихами, кто вольною речью, —
Выспренне так, что любой запыхался б и самый здоровый.
Это народу ведь всё — причесанный, в новенькой тоге,
Точно в рожденье свое, с сардониксом на пальце, весь в белом,
Сидя высоко, читать ты будешь, проворное горло
Снадобьем жидким смочив, похотливо глядя и ломаясь.
Как непристойно дрожат при этом дюжие Титы
20 С голосом сильным, смотри, когда проникают им в чресла
Вирши и все их нутро стихом своим зыбким щекочут!
Снедь, старикашка, не ты ль для чужих ушей собираешь,
Хоть и готов закричать, из кожи вылезши: «Ну вас!»,
«Что же учиться, коль нет побужденья, коль, грудь разрывая,
К славе врожденная страсть найти исхода не сможет?»
Вот ты и бледен и дряхл. О нравы! Иль совершенно

- Знание твое ни к чему, коль не знает другой, что ты знаешь?
«Но ведь приятно, коль пальцем покажут и шепчут все: «Вот он!» —
Иль что диктуют тебя целой сотне кудрявых мальчишек,
30 Вздором считаешь?» А вот за вином любопытствуют внуки
Ромула сытые, что расскажешь ты в дивной поэме.
Тут кто-нибудь, у кого на плечах лиловая хлена,
Косноязычно и в нос объявив о чем-нибудь затхлом,
Всяких Филлид, Гипсипил и поэтов слезливые басни
Цедит сквозь зубы, слова коверкая лепетом нежным.
Мужи довольны. Теперь не блажен ли такого поэта
Прах? и не легче ль плита его кости могильная давит?
Гости в восторге. Теперь из тени его замогильной
И на холме у него, из его счастливого пепла,
40 Не разрастутся ль цветы? «Издеваешься ты, — говорит он, —
И задираешь ты нос. Да кто ж не захочет народной
Славы себе и, сказав достойное кедра, оставить
Стихотворенья, каким ни макрель, ни ладан не страшны?»
- Кто бы ты ни был, кого своим я противником вывел,
Честно тебе признаюсь, что когда я пишу и выходит
Что-то удачно, хотя у меня это редкая птица,
Все ж не боюсь похвалы, да и нервы мои не из рога;
Но отрицаю я то, что «чудесно» твое и «преlestно»
Крайний сужденья предел; встряхни-ка ты это «чудесно»:
50 Нету чего только в нем! Чемерицей опоенный Аттий
Здесь с Илиадой своей, элегйки здесь, что диктует
Наша незрелая знать, и всё, что на ложах лимонных
Пишется лежа. Подать ты умеешь горячее вымя,
Да и клиенту дарить поношенный плащ, а при этом
«Правду люблю», говоришь, «обо мне скажите всю правду».
Как это можно?.. Сказать? Все вздор ты пишешь, плешивый,
Да и отвисло твое непомерно надутое брюхо.
Янус, ты счастлив! Тебе трещать за спиною не станут
Аистом, длинных ушей не сделают ловкой рукою
60 И не покажут язык, как у пса с пересохшею глоткой!
Вы же, патрициев кровь, которым судьба присудила
Жить с затылком слепым, оглянитесь-ка вы на ужимки!

- «Что говорят обо мне?» Скажу тебе: то, что теперь лишь
 Плавню стихи потекли и так, что по швам их и строгий
 Ноготь пройдет, не застряв: «Он умеет так вытянуть стрóку,
 Словно, прищуривши глаз, по шнуру ее красному вывел.
 Нравы ли надо громить, пиры ли вельмож, или роскошь —
 Выспренность мыслей дает поэту нашему муза».
- Вот мы и видим, как те выставляют геройские чувства,
 70 Кто лишь по-гречески врал, описать не умеючи даже
 Рощи иль похвалить деревенский уют: с коробами,
 Свиньями и очагом, и Палильями с дымом от сена —
 Родину Рема, где был ты, сошник в земле притуплявший,
 Квинтий, дрожащей женой пред волами одет как диктатор;
 Плуг же домой тебе ликтор отнес. Превосходно поешь ты!
 Есть, кого и теперь «Брисейдой» своею корявой
 Акций влечет и мила Пакувиена «Антиопа»,
 Вся в бородавках, чье «сердце в слезах оперлося на горе».
- Видя, что сами отцы близорукие это вбивают
 80 В голову детям, ужель об источнике спрашивать станешь
 Нашей пустой болтовни и о том непотребстве, с которым
 Прыгают так у тебя на скамьях безбородые франты?
- Ну не позорно ль, что ты защитить седьны не можешь,
 Не пожелав услышать тепловатое это «прекрасно»?
 Педию скажут: «Ты вор». Что ж Педий? Кладет преступления
 Он на весы антитез, и хвалят его за фигуры:
 «Как хорошо!» Хорошо? Хвостом ты, Ромул, виляешь?
 Тронет ли пеньем меня потерпевший кораблекрушенье?
 Асса ль дождется? Поешь, а портрет твой на судне разбитом
 90 Вздел на плечо ты себе? Не придуманным ночью, правдивым
 Будет плач у того, кто меня разжалобить хочет.
- «Грубым размерам зато изящество придано, плавность;
 Так мы умеем стихи заключать: «в Берекинтии Аттис»,
 Или: «Дельфин рассекал Нерее лазурное тело»,
 Иль: «мы отторгли бедро у длинного Аппеннина».
- «Брани и мужа пою». Не правда ль, надут, коряво
 Это, как старый сучок, засохший на пробковом дубе?»
 Нежное что ж нам читать, по-твоему, шейку склонивши?

- «Мималлонейским рога наполнили грозные ревом,
 100 И с головою тельца строптивого тут Бассарида
 Мчится, и с нею спешит Менада, рысь погоняя
 Тирсом. Воят: «Эвий, к нам!» и ответное вторит им эхо». Разве писали бы так, будь у нас хоть капелька старой
 Жизненной силы отцов? Бессильно плавает это
 Сверху слюны на губах, и Менада и Аттис — водица:
 По столу этот поэт не стучит, и ногтей не грызет он.
 «Но для чего же, скажи, царапать нежные уши
 Едкою правдою нам? Смотри, как бы знати пороги
 Не охладели к тебе: рычит там из пасти собачья
 110 Буква». По мне, хоть сейчас пусть все окажется белым!
 Я не мешаю. Ура! Все на свете идет превосходно!
 Нравится? Ты говоришь: «Запрещаю я здесь оправляться!»
 Парочку змей нарисуй: «Это место свято! Ступайте,
 Юноши, дальше!» Я прочь. Бичевал столицу Луцилий —
 Муция, Лупа, — и вот об них обломал себе зубы:
 Всяких пороков друзей касается Флакк хитроумный
 Так, что смеются они, и резвится у самого сердца,
 Ловко умея народ поддевать и над ним насмехаться.
 Мне же нельзя и шептать? хоть тайком, хоть в ямку? Напрасно?
 120 Все же зарюю я здесь. Я видел, я сам видел, книжка,
 Что у Мидаса-царя ослиные уши. И тайну
 Эту и смеха тебе, пусть вздорного, ни за какую
 Я Илиаду не дам. Ну а ты, вдохновенный Кратинном
 Дерзким и над Евполидом и старцем бледнеющий славным,
 Глянть-ка: пожалуй, и здесь ты услышишь созрелое нечто.
 Пусть зажигается мной читатель с прочищенным ухом,
 А не нахалы, кому над крепидами греков смеяться
 Любо, и те, кто кривых обозвать способен кривыми,
 Кто зазнается, кто горд италийского званьем эдила
 130 И разбивал где-нибудь в Арретии ложные мерки;
 Да и не тот, кто хитер издеваться над счетной доскою
 Иль над фигурой на мелком песке и готов потешаться,
 Ежели кинику рвет его бороду наглая девка.
 Им я — эдикт поутру, после полдника дам «Каллирою».

САТИРА ВТОРАЯ

Нынешний день ты отметь, Макрин мой, камешком
лучшим:
День этот светлый тебе еще один год прибавляет.
Гению лей ты вино. В подкупной ты не просишь
молитве

Благ, о которых богам ты лишь на ухо мог бы поведать.
Знати же добрая часть возливает тишком и кадит им:
Ведь не для всех хорошо бормотанье и шепот невнятный
Вывести из храмов и жить, своих не скрывая желаний.
Совести, славы, ума откровенно просят и громко,
А про себя и сквозь зубы цедя, бормочут: «О, если б
10 Дядюшка сдох, то-то смерть была бы на славу! О, если б
Заступ ударился мой о горшок с серебром, поспособствуй
Мне, Геркулес! Или как-нибудь мне извести бы мальчишку,
После которого я ближайший наследник! Паршивый
Он ведь и желчный! А Нерий жену уже третью хоронит!»
Чтобы молитву свою освятить, ты трижды поутру
Голову в Тибр окунёшь и ночь очищаешь рекою.
Ну-ка, ответь;— мне узнать желательно сущую малость, —
Кем ты Юпитера мнишь? Предпочел бы его ты, положим,
Хоть... — «Ну, кому же?» — Кому? Хоть Стайю! Иль ты не уверен,
20 Кто из них лучший судья, кто к сиротам заботливей будет?
Ну, так то самое, чем ты Юпитера слух поражаешь,
Стайю, попробуй, скажи. «О Юпитер, блаженный Юпитер!» —
Он бы воскликнул. А сам к себе не воззвал бы Юпитер?
Думаешь ты, он простил бы тебя, коль скорее при громе
Сера священная дуб, чем тебя и твой дом, поражает?
Иль потому, что веленьем овечьих кишок и Эргенны

В роще твой труп не лежит, оббегаемый всеми и жалкий,
Бороду дергать тебе свою позволяет Юпитер
Глупую? Платой какой, какими такими дарами

30 Уши богов ты купил? Потрохами и ливером жирным?

Вот вынимают, смотри, богомольные тетки и бабки
Из колыбели дитя и лобик и влажные губки
Мажут сначала слюной, поплевав на перст непристойный,
Чтобы дитя освятить и от глаза дурного избавить;
Нячат потом на руках и для мальчика тщетно надежду
То на Лицина поля, то на Кресса палаты лелеют:
«Пусть пожелают в зятя себе царь и царица младенца,
Девушки жаждут и, где б ни ступил он, пусть вырастет роза!»
Я же кормилице так просить не позволю, Юпитер,

40 Ей откажи, хоть она и молилась бы в белой одежде.

Требуешь крепости мышц и бодрого в старости тела.
Пусть, но роскошный твой стол и тяжелые пряные яства
Сильно мешают богам и Юпитеру просьбу исполнить.

В жертву быка принося, Меркурия просишь умножить
Ты состоянье свое: «Ниспошли благоденствие дому,
Даруй стада и приплод!» Да как это можно, несчастный,
Раз у тебя на огне столько сальников тает телячьих?

Но настоять на своем он кишками и жирной лепешкой
Все-таки хочет: «Уже разрастаются поле, овчарня,

50 Вот уже просьбы мои исполняются, вот уж...» — покамест
«Плакали денежки» он, обманувшись в надеждах, не скажет.

Если б тебе надарил я серебряных чаш с золотом
Толстой отделкой, то ты вспотел бы, конечно, и сердце
В левой груди у тебя от восторга в слезах бы забилося.
Вот и пришла тебе мысль покрывать священные лики
Золотом, взятым в боях: «Пускай среди бронзовых братьев
Те, о которых идут сновиденья без бреда больного,
Главными будут и пусть стоят с золотой бородою».

Золото выгнало медь Сатурнову с утварью Нумы,

60 Урны весталок собой заменяя и тускскую глину.

О вы, склоненные ниц, умы, не причастные небу,
Что за охота вносить наши нравы в священные храмы

И о желаньях богов судить по плоти преступной?
Это она, разведя в нем корицу, испортила масло,
И калабрийскую шерсть осквернила пурпуровой краской,
И выцарапывать нам из раковин жемчуг велела,
И, раскалив, отделять золотые частицы от шлака.
Да, заблуждается плоть, но пороки использует; вы же
Мне объясните, жрецы, к чему ваше золото храмам?
70 То же оно для святынь, что и куклы девиц для Венеры.
Что ж не приносим богам мы того, что на блюдах не может
Подслеповатое дать Мессалы великого племя:
Правосознание, и долг священный, и чистые мысли,
И благородство души, и честное искренне сердце.
Это дай в храмы внести, и полбой богов умолю я.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Так вот всегда! Проникает уже к нам ясное утро
В окна, и солнечный свет расширяет узкие щели,
Мы же храним, да и так, что мог бы совсем
испариться
Неукротимый фалерн; а уж тень-то у пятого знака!
Что же ты делаешь? Пес неистовый нивы сухие
Жжет уж давно, и весь скот собрался под раскидистым вязом! —
Спутник один говорит. «Неужели? Да так ли? Скорее,
Эй, кто-нибудь! Никого. — И зеленая желчь закипает. —
Лопну я!» — Так он орет, как ослов в Аркадии стадо.
10 Вот уже книга в руках, ложенный двухцветный пергамент,
Свиток бумаги и с ней узловатый тростник для писанья.
Тут мы ворчим, что с пера не стекают густые чернила
Или разбавлены так, что они совершенно бесцветны,
И, не держась на пере, огромные делают кляксы.
«Ах ты несчастный, и день ото дня все несчастней! Неужто
Так распустились мы? Что ж, словно нежный ты голубочек
Или как царский сынок, ты требуешь, чтобы жевали
Пищу тебе, и, на мамку сердясь, ты бай-бай не желаешь?»
«Этим пером мне писать?» — «Да кому говоришь ты? К чему ты
20 Хнычешь-то зря? Над тобой издеваются. Ты подтекаешь,
Жалкий дурак: дребезжит, как постучать его, или звякнет
Глухо горшок, коль наскоро он обожжен и не высох.
Мягкая глина ведь ты и сырая: лепить поскорее
Надо тебя, колесо верти без конца. Но довольно
В вотчине хлеба твоей, солонка чиста, без изъяна,
И — ты не бойся! — очаг украшается жертвенным блюдом.
Что ж, и довольно? И надо тебе надуваться спесиво,

Ежели в тускской твоей родословной до тысячи предков,
Цензор — родня и его ты в трабее приветствовать можешь?
30 Блеск — для толпы! А тебя и без кожи и в коже я знаю.
Жить не постыдно тебе, подражая распутному Натте?
Но ведь в пороке погряз он, и все обросло его сердце
Жиром; безгрешен он стал: не знает того, что теряет,
И, погрузившись на дно, не всплывает назад на поверхность».

Отче великий богов, накажи, умоляю, тираннов
Только лишь тем, чтоб они, — когда их жестокие страсти,
Ядом палящим горя, души извращают природу, —
Доблесть увидеть могли и чахли, что долг позабыли.
Был ли ужаснее стон из меди быка сицилийца,
40 Больше ли меч угрожал, с потолка золотого свисая
Над головами людей, облаченных в порфиру, чем возглас:
«В бездну мы, в бездну летим!» — как те про себя восклицают,
Кто побледнел до нутра и чьих мыслей и жены не знают?

Помню, как мальчиком я глаза натирал себе маслом,
Коль не хотел повторять предсмертных высокопарных
Слов Катона, в восторг приводя учителя-дурня,
Чтобы, потея, отец их слушал в школе с друзьями.
Правильно; я ведь узнать добивался, сколько «шестерка»
Ловкая мне принесет и отнимет зловредная «сучка»,
50 Как бы без промаха мне попадать в узкогорлый кувшинчик
И похитрее других кубарь свой кнутом завертеть мне.
Ты же, умея клеймить пороки и зная ученье
Портика мудрого, где намалеваны персы в шальварах,
Все понимая, над чем остриженный юноша ночью
Бьется, питаюсь стручком и ячневой грубой лепешкой,
Ты, для кого развела самосские веточки буква
И указала идти, поднимаясь по правой тропинке,
Все ты храпишь, голова ослабела, а челюсть отвисла,
И продолжаешь зевать ты после вчерашней попойки.
60 Цель-то какая твоя? Куда ты свой дух направляешь?
Или в ворон черепком и грязью швыряешь и бродишь
Зря, куда ноги несут, и живешь, ни о чем не заботясь?
Ты посмотри-ка на тех, что просят себе чемерицы,

Только как вспухнут уже: спешите навстречу болезни,
И не придется сулить золотые вам горы Кратеру.

Жалкое племя, учись и вещей познавай ты причины:

Что мы такое, зачем рождаемся, где наше место,

Как и откуда начав, мету́ обогнуть всего легче.

Меру познайте деньга́м, чего можно желать и какая

- 70 Польза от новых монет; насколько должно быть щедрым
К родине, к милым родным; кем быть тебе велено богом
И занимать суждено средь людей положение какое.
Это познай и тому не завидуй, что тухнет у стряпчих
Много припасов съестных по защите жирных умбрийцев,
Что и свинина и перец у них от клиента из марсов,
Что, даже в первом горшке, нет в кильках у них недостатка.

Центурион тут какой-нибудь мне из козлиной породы

Скажет, пожалуй: «Своим я умом проживу. Не стараюсь

Аркесилаем я быть и каким-нибудь мрачным Солоном,

- 80 Голову кто опустил и уставившись в землю, угрюмо
Что-то ворчит про себя и сквозь зубы рычит, если только,
Выпятив губы, начнет он взвешивать каждое слово,
Бред застарелых больных обсуждая: «Нельзя зародиться
Из ничего ничему и в ничто ничему обратиться».
Вот ради этого ты побледнел, а иной без обеда?»
Это забавно толпе, здоровенные юноши тоже
Громко хохочут и, нос наморщив, трясутся от смеха.

«Вот, посмотри, у меня что-то бьется в груди, и мне больно
В горле, и стало дышать тяжело, посмотри, будь любезен!»

- 90 Так говорящий врачу, когда ему отдых предписан,
Лишь убедится, что пульс через трое суток спокоен,
Тотчас идет к богачу и бутылочку с мягким суррентским
Просит себе подарить, перед тем как отправиться в баню.
«Ах, как ты бледен, дружок!» — «Ничего!» — «Но ты будь осторожен:
Кожа-то что-то желта у тебя и легонечко пухнет».
«Сам-то ты хуже меня побледнел! Перестань мне быть дядькой:
Мой уж давно схоронен. Теперь ты!» — «Ну, как хочешь, молчу я!»
Вот, от пирушек раздут, и с белым он моется брюхом,
Серные, тяжело дыша, выделяя из горла миазмы.

100 Но начинает его знобить за вином, и горячий
Падает кубок из рук, и стучат обнаженные зубы,
А из раскрытого рта выпадают жирные яства.
Свечи потом и труба, и вот уж покойник высоко
На катафалке лежит и, намазанный густо амомом,
Окоченелые ноги к дверям протянул; и на плечи
Труп его, шапки надев, вчерашние взяли квириты.

Жалкий! Пощупай свой пульс, приложи-ка к груди свою руку!
«Жара здесь нет». — Оконечности ног и рук ты пощупай!
«Вовсе не мерзнут они». Но стоит лишь деньги увидеть,
110 Иль улыбнется тебе красotka, подружка соседа,
Сердце не бьется твое? На остывшем вот поданы блюда
Овощи жесткие, хлеб, сквозь простое просеянный сито:
Как твоя глотка? Во рту гниет у тебя незаметный
Прыщик, который нельзя царапать плебейскою свеклой?
Ты леденеешь, когда бледный страх волоса твои поднял,
Иль закипает в тебе вся кровь от огня и сверкают
Гневом глаза, и тогда говоришь ты и так поступаешь,
Что и безумный Орест поклянется, что ты обезумел.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

Занят политикой ты, — бородатый, представь-ка,
наставник
Так говорит, от глотка ужасной цикуты погибший, —
И не робеешь? Ответь, Перикла великого детка.
Ясно: ведь ум у тебя да и опытность выросли
быстро,

Раньше еще бороды: и сказать и смолчать ты умеешь.
Значит, коль чернь начинает кипеть от взволнованной желчи,
Ты величавым руки мановеньем желаешь молчанье
В ярой толпе водворить. Что скажешь потом ты? Квириты,
Это ведь дурно, а то — преступление; это — законней».
10 Знаешь, конечно ведь, ты, куда склоняется право
Даже на ровных весах; ты видишь, где правда впадает
В кривду, хотя бы и был неправилен твой наугольник,
И наложить на порок клеймо смертоносное можешь.
Но для чего же, себя украсив накинутаю кожей,
Ты раньше времени хвост распускаешь пред льстивою толпою,
Ты, для кого бы глотать чемерицу чистую лучше?
В чем для тебя состоит твое высшее благо? Чтoб вечно
Лакомой пищею жить и кожу нежить на солнце?
Стой-ка: ответит ведь так и вот эта старуха! Хвались же:
20 «Я Диномахи ведь сын, я красавец!» Пусть так: рассуждает,
Право, не хуже тебя старуха Бавкида в лохмотьях,
Зелень свою нараспев предлагая рабу-разгильдяю.

Как же, однако, никто, никто в себя не заглянет,
Но постоянно глядит в спинную котомку передних!
Спросят: «Веттидия ты, богача, знаешь земли?» — Какого? —
«Всех его пашен близ Кур облететь даже коршун не может».

— А! это тот, кто богов прогневил, да и гению гадок?
Тот, кто, повесив ярмо на распутье, в день Компиталий,
Старый нарост соскоблить с бочонка боится, кто, луком
30 И шелухой закусив, восклицает, вздохнув: «На здоровье»?
Кто, при веселье рабов за горшком их полбенной каши,
Затхлый, прокисший отсед вместе с плесенью грязной глотает? —
Если же нежишься ты, натеревшись духами, на солнце,
Локтем тебя подтолкнув, незнакомец какой-нибудь рядом
Плюнет и скажет: «Хорош! Все чресла и части срамные
Выполоть и напоказ выставить свое дряблое гузно!
Если ты чешешь свою раздушенную байку на скулах,
Бритый зачем у тебя червяк торчит непристойный?
Пятеро банщиков пусть эти грядки выщипывать будут
40 Или вареный твой зад мотыжить щипцами кривыми, —
Папоротник этот твой никаким плугам не поддастся».

Бьем мы других — и свои подставляем мы голени стрелам.
Этак живем мы и так разумею. Под брюхом таится
Рана твоя, но ее золотой прикрывает широкий
Пояс. Пожалуйста, ври и морочь ты себя, если только
Можешь. «Соседи меня превозносят; и что же, не верить
Мне им?» — Коль ты, негодяй, завидя деньги, бледнеешь,
Коль потекаешь во всем своей ты похоти мерзкой,
Коль, хоть с опаскою, ты у колодца дерешься, уж битый,
50 Без толку брось подставлять толпе свои жадные уши.
Плюнь ты на лживую лесть, прогони подхалимов корыстных;
Внутрь себя углубись и познай, как бедна твоя утварь.

САТИРА ПЯТАЯ

Есть у поэтов прием: голосов себе требовать сотню,
Сотню просить языков, сотню уст для своих
  песнопений, —
Ставится ль пьеса, где выть актер трагический
  должен,

Или же, раненный в пах, парфянин стрелу извлекает.
«Что это ты? И к чему из могучих ты тащишь творений
Столько кусков, что тебе действительно надо сто глоток?
Пусть с Геликона туман собирают для выспренной речи
Те, у которых горшок Фнеста или же Прокны
Будет кипеть на обед обычный для дурня Гликона.

10 Ты же совсем не пыхтишь, раздувая мехи, словно в горне
Плавишь руду; не ворчишь по-вороньему голосом хриплым,
Важно с собою самим рассуждая о чем-то нелепом,
Да и не силишься ты надутыми хлопать щеками.

В тоге простой твоя речь, и слог твой ясный искусно
Слажен, умерен, округл. Порок ты бледный умеешь
Ловко язвить и колоть преступления вольной насмешкой.
Мысли отсюда бери, а трапèзы с главой и ногами
Все в Микенах оставь и снедь лишь плебейскую ведай».

Нет, не о том хлопочу, чтоб страницы мои надувались

20 Вздором плачевным и дым полновесным делать ловчились.
Мы с глазу на глаз, Корнут, говорим; по внушенью Камены
Предоставляю тебе встряхнуть мое сердце; приятно
Высказать, милый мой друг, какую души моей долю
Ты составляешь: ее испытай, осторожный в оценке
Искренней речи и той, что цветистой подмазана лестью.
Вот для чего голосов я решился бы требовать сотню:

- Чтоб от души восклицать, что в самых сердечных глубинах
Ты заключен, и пускай слова мои ясно раскроют
Все несказанное, что в тайниках души моей скрыто.
- 30 Только лишь пурпур хранить меня, робкого юношу, бросил
И подпоясанный лар моею украсился буллой,
Только лишь дядьки мои снисходительны стали и в тоге,
Белой уже, я глазеть безнаказанно мог на Субуру,
Только лишь путь предо мной раздвоился и, жизни не зная,
В робком сомнении я стоял на ветвистом распутье, —
Я подчинился тебе. И ты на Сократово лоно
Юношу принял, Корнут. Ты сумел незаметно и ловко,
Как по линейке, мои извращенные выправить нравы;
Разумом дух покорен и старается быть побежденным,
- 40 И под рукою твоей принимает законченный образ.
Помню, как вместе с тобой мы долгие дни коротали,
Помню, как ужинать мы, с наступлением ночи, садились.
Мы занимались вдвоем, и вдвоем отдыхали с тобою,
И облегчали труды наши строгие трапезой скромной.
Не сомневайся, что дни взаимно связаны наши
Верным союзом, что мы родились под единой звездою:
Или на ровных Весах наш век правдивая Парка
Взвесила, или же час рожденья друзей неизменных
Общую нашу судьбу поделил меж двумя Близнецами,
- 50 И укрощаем вдвоем мы Юпитером нашим Сатурна;
Пусть я не знаю, каким, но с тобою я связан созвездьем.
- Тысячи видов людей, и пестры их способы жизни:
Все своевольны, и нет единых у всех устремлений.
Этот на бледный тмин и на сморщенный перец меняет
Свой итальянский товар в стране восходящего солнца,
Предпочитает другой соснуть, пообедавши плотно,
Этого поле влечет, другого игра разоряет,
Этот гниет от любви. Но когда каменистой хирагрой
Скрючены члены у них, точно ветки старого бука,
- 60 Все начинают вздыхать, что, словно в туманном болоте,
Дни их нелепо прошли и жизнь их погибла, — но поздно.
Ты ж наслаждаешься тем, что бледнеешь над свитками ночью,

Юношей пестуешь ты и в очищенный слух им внедряешь
Зерна Клеанфа. Вот *здесь* ищите вы, старый и малый,
Верную цель для души и для жалких седин пропитанье.
«Завтра поищем!» — И вот, все завтра да завтра. — «Да что же
Важного в дне-то одном?» — Но для нас с наступлением утра
«Завтра» уж стало «вчера» и пропало; и вот это «завтра»
Наши съедает года, и его никогда не поймашь,

70 Ибо хоть близко к тебе, хотя под одною повозкой
Вертится здесь колесо, но напрасно за ним тебе гнаться,
Как бы ты тут ни спешил, коль на заднюю ось ты насажен.

Верно, свобода нужна, но не та, по которой любому
Публием можно стать из трибы Велинской и полбу
Затхлую даром иметь. О невежды, которым квиритов
Делает лишь поворот! Вот трех ассов не стоящий конюх
Дама, подслепый питух, что тебя и на сене надует,
А повернет господин, и мигом тут обернется
Марком твой Дама. Эге! В займы ты дать мне не хочешь,
80 Если поручится Марк? При Марке-судье ты бледнеешь?
Марк подтвердил, — так и есть. Засвидетельствуй, Марк, документы.
Вот и свобода тебе, вот тебе отпущенье на волю!

«Кто же свободен еще, как не тот, кому можно по воле
Собственной жизнь проводить? Коль живу, как угодно мне, разве
Я не свободней, чем Брут?» — «Твой вывод ложен», — сказал бы
Стоик тебе, у кого едким уксусом уши промыты.

«Правильно все, но отбрось свое это *как мне угодно*».

«После того как домой ушел я от претора вольным,
Что ж не вести мне себя, как желает того моя воля,

90 Лишь бы Мазурия мне законов ни в чем не нарушить?»

Слушай, но с носа пусть гнев и кривая ужимка исчезнет,
Если старушечий бред я тебе из груди выпрываю.

Претор не в силах внушить глупцам все тонкости долга
И преподать, как им надо вести себя в жизни короткой.

Право, скорей приучить здорового грузчика к арфе!

Против тебя здравый смысл, что тайком тебе на ухо шепчет:

«Дело тому поручать, кто испортит его, невозможно».

Общий всем людям закон и природа невежд неспособных

- Не допускает к тому, чего им не позволено делать.
- 100 Ты чемерицу развел, не умея на нужной зарубке
Стрелку поставить? Чужда тебе самая сущность леченья.
Если себе корабль потребует пахарь, обутий
В кожу сырую, звезды не знающий утренней, вскрикнет
Тут Меликерт, что стыда нет на свете. Научен ты твердо
В жизни стоять? Различишь ты обман от истинной правды?
Можешь ли звук распознать позолоченной медной монеты?
Иль чему следовать нам, чего избегать тебе должно,
Ты уж разметил себе заранее мелом и углем?
Страсти умерил? Ты мил к друзьям в быту своем скромном?
- 110 Во-время житницы ты запираешь и вновь отворяешь?
Перешагнуть бы ты мог через деньги, забитые в глину,
И не глотнул бы, обжора, слюны Меркурьевой жадно?
«Да! И меня не собьешь». — Если в этом уверен, то будь же
Ты и свободен и мудр: и Юпитер и претор согласны.
Если ж недавно еще из нашего вышедши теста,
В старой ты коже сидишь и при всем этом лоске наружном
В сердце вонючем своем тайишь коварство лисицы,
Я отнимаю, что дал, и снова тяну за веревку:
Разума нет у тебя; двинешь пальцем — и то ошибешься.
- 120 Меньше-то что ж может быть? Но не вымолишь ты фимиамом,
Чтобы прилипло к глупцу хотя бы пол-унции смысла.
Смеси нельзя допускать: когда в остальном землекоп ты,
Даже и в три-то ноги, как Бафилл, ты сатира не спляшешь.
«Волен я!» Как это так, раз от стольких вещей ты зависишь?
Иль для тебя господин только тот, от кого ты отпущен?
«Малый, ступай-ка снеси скребочки в баню Криспина!
Живо, бездельник!» Коль так прикрикнут, тебя не толкает
Рабская доля ничуть, и ничто извне не приходит
Дергать за жилы тебя: но если ты сам из печенки
- 130 Хворой рождаешь господ, то как безнаказанней выйти
Можешь, чем тот, кого плеть и страх пред хозяином гонят?
Утром хранишь ты, лентяй. «Вставай, — говорит тебе алчность, —
Ну же, вставай!» — «Нипочем». — «Вставай!» — «Не могу». — «Да
вставай же!»

«Незачем». — «Вот тебе раз! За камсой отправляйся из Понта, Паклей, бобровой струей, черным деревом, ладаном, шелком; Первым с верблюда снимай истомленного перец ты свежий; Меной займись ты, божись!» — «Но Юпитер услышит!» — «Ах, дурень! Пальцем ты будешь весь век выковыривать в старой солонке Соли остатки со дна, коль с Юпитером жить ты желаешь».

140 Вот, подоткнувшись, рабам надеваешь ты мех и корзинку: «Ну, к кораблю!» И ничто понестись не мешает на судне Морем Эгейским тебе, если только лукавая роскошь Не нашептала тишком: «Куда ты, безумец, куда ты? Что тебе? Иль под твоей распаленною грудью скопилась Крепкая желчь, от какой не поможет и урна цикуты? Ты через море скакать? Тебе бухта каната — сиденье, Банка — обеденный стол? И вейское красное будет Затхлой смолой отдавать тебе из разлатой бутылки? Хочешь чего? Чтобы скромно по пять приносившие деньги

150 Жадно, в поту приносить по одиннадцать стали процентов? Гения ты ублажай своего: лови наслажденья! Жизнь — наше благо; потом — ты пепел, призрак и сказка. Помня о смерти, живи! Час бежит, и слова мои в прошлом». Что же с тобою? Крючок не знаешь какой тебе клонуть? Жадность иль роскошь избрать? При этом двойном подчиненье Надо обоим служить, то к одной, то к другой прибегая. Если же как-нибудь вдруг воспротивишься ты, не захочешь Гнета терпеть, не скажи: «Вот я и разбил свои ковы»: Пес разъярившийся рвет свой узел, но, пусть убегает,

160 Все-таки длинную цепь на шее своей он волочит. «Дав, будь уверен, теперь хочу я покончить навеки С прошлой печалью своей, — говорит Херестрат, обгрызая До крови ногти себе. — Неужели я буду позором Трезвой родне? Разобью ль без стыда о порог непотребный Я достоянье отцов перед влажною дверью Хрисиды, В честь распевая ее с потухшим факелом, пьяный?» «Ладно, будь, мальчик, умен и богам-охранителям в жертву Дай ты ягненка». — «Но, Дав, заплачет она, коль покину?» «Вздор! Воротись, и тебя избьет башмаком она красным.

170 Не беспокойся и брось ты грызть свои тесные сети.
Дик и свиреп ты теперь, а кликнет — и скажешь: «Бегу я».
«Как же мне быть? Неужель и теперь, когда она просит
И умоляет, нейти?» — «Если ты невредимым и целым
Вышел, найди и теперь». — Вот оно, вот то, что мы ищем,
А не какой-то там прут, каким ликтор нелепый махает.
Волеп ли тот, кто бежит, запыхавшись, вослед честолюбью
В тоге белёной? Не спи, а горох наваливай щедро
Жадной толпе, чтобы мог вспомнить о Флоралиях наших,
Греясь на солнце, старик. Что может быть лучше? Когда же
180 Иродов день наступил и на окнах стоящие сальных
Копотью жирной чадят светильники, что перевиты
Цепью фиалок; когда на глиняном плавает блюде
Хвостик тунца и вином горшок наполняется белый,
Шепчешь ты тут про себя и бледнеешь — ради субботы.
Черные призраки тут, от яиц надтреснутых беды,
Рослые галлы потом и с сестром жрица кривая
Ужас внушают тебе пред богами, что тело надуют,
Если не съешь поутру ты трех чесночных головок.

Ну, а попробуй скажи это жилистым центурионам,
190 Тотчас заржет, хохоча, какой-нибудь дюжий Пулфенний,
Тот, что готов оценить сотню греков в сто ассов истертых.

САТИРА ШЕСТАЯ

Басс, привел ли тебя к очагу сабинскому холод?
Не оживил ли уж ты свою лиру плектром суровым?
Дивный художник, поешь ты простыми размерами
древних,

Мужественным стихом бряцая на фиде латинской,
Иль начинаешь играть, словно юноша, пальцем почтенным,
Старец прекрасный, шутя! А я в областях лигурийских
Греюсь, и море мое отдыхает в заливе, где скалы
Высятся мощно и дол широкий объял побережье.
«Луны, о граждане, порт посетите, он стоит вниманья», —
10 Эний так мудрый гласит, проспавшись от грез, что Гомером
Был он и Квинтом стал, Пифагоровым бывши павлином.
Здесь я вдали от толпы, и нет дела мне, чем угрожает
Гибельный Австр скоту; мне нет дела, что поле соседа
Много тучней моего; и если бы все, что по роду
Менее знатны, чем я, богатели, то я и тогда бы
Горбиться все же не стал и без лакомых блюд не обедал,
Затхлых не нюхал бы вин, проверяя печать на бутылках.
Пусть я с другими не схож! Ведь ты, гороскоп, даже двоен
С разным родишь существом! Иной, например, в день рожденья
20 Овощи мочит, хитрец, лишь рассолом, купленным в плошке,
Перцем священным себе посыпая сам блюдо, другой же,
Мальчик с великой душой, проедает богатства. А мне бы
Жить по достатку, рабам не давая отпущенным ромбов
И не умея дроздов различать по их тонкому вкусу.
Собственной жатвой живи и зерно молоти: это можно.
Страшного нет: борони — и растут твои новые всходы.
Вот тебя долг твой зовет: потерпевший кораблекрушенье

Жалкий хватается друг за Бруттийские скалы; обеты
И состоянье — в волнах Ионийских: с кормы его боги
30 Мощные с ним на песке, а уж ребра разбитого судна
В море встречают нырков. Отдели-ка от свежего поля
Ты что-нибудь, помоги бедняку, чтобы он не поплелся
Изображенный средь волн. Но забудет, пожалуй, поминки
Справить наследник, озлясь, что тобой обделен; бросит в урну
Кости твои без духов, не желая и знать, киннамон ли
Будет без запаха тут, или с примесью вишни корица.
«Ты мне добро убавлять?» — И поносит философов Бестий
Греческих: «Вот что пошло, когда финики с перцем явились
В Риме, с собой принеся мудрованье нелепое ваше,
40 И осквернили жнецы свою кашу приправою жирной».
Все это страшно тебе и за гробом? — А ты, мой наследник,
Кто бы ты ни был, меня, — отойдем-ка в сторонку, — послушай.
Иль ты не знаешь, дружок, что увитое лавром посланье
Цезарь прислал нам о том, что германцы разбиты, что пепел
Стылый метут с алтарей, что Цезония всем объявила
Торг на поставку к дверям оружия, царских накидок,
Рыжих (для пленных) волос, колесниц и огромнейших ренов?
В честь я богов вывожу и в честь гения цезаря, ради
Славных побед, сотню пар гладиаторов. Ну, запрети-ка!
50 Не согласишься — беда! Пироги я и масло народу
Щедро дарю. Ты ворчишь? Скажи громко! «Не очень-то поле
Тучно твое», — говоришь? Ну, так если двоюродных вовсе
Нет ни сестер у меня, ни теток, ни правнучек даже
С дядиной нет стороны и бездетны мамашины сестры,
Коль и от бабки-то нет никого — отправляюсь в Бовиллы
К Вирбиеву я холму, и готов мне там Маний-наследник.
«Это отродье Земли?» — А спроси-ка меня, кто четвертый
Предок мой: хоть нелегко, но скажу; а прибавь одного ты
Или еще одного: Земли это сын; и пожалуй,
60 Маний-то этот моей прабабке и в братья годится.
Что ж ты, ближайший ко мне, на бегу вырываешь мой светоч?
Я — твой Меркурий; я здесь таков, каким этого бога
Пишут. Не хочешь? Иль ты доволен и тем, что осталось?

«Кой-чего нет». — На себя я потратил, но ты весь остаток
Целым считай. Не ищи ты наследства, что Тадий когда-то
В собственность мне отказал; не тверди: «Пускать тебе должно
Деньги отцовские в рост, а жить самому на проценты».

«Что же осталось?» — Как что? А ну, поливай-ка жирнее,
Малый, капусту мою! Что же, в праздник варить мне крапиву

70 И подголовок свиньи копченой с разрезанным ухом,
Чтобы сыночек твой, мот, потрохов нажравшись гусиных,
Похоть свою услаждал, когда разгорятся в нем страсти,
Знатную девку обняв? А я-то пускай превращаюсь
В остов, когда у него, как у по́пы, отращено брюхо?

Душу корысти продай, торгуй и рыскай повсюду
По свету ты; и никто ловчей тебя каппадокийцев
Тучных не хлопает пусть, на высоком стоящих помосте.
Свой ты удвой капитал. — «Да он втрое, он вчетверо, даже
Вдесятеро наслоён; отметь, где конец положить мне».

80 Вот и нашелся, Хрисипп, твоего завершитель сорита.

СЕНЕКА

САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

Хочется мне поведать о том, что свершилось на небесах за три дня до октябрьских ид, в новый год, в начале благодатнейшего века. Ни обиды, ни лести никакой я не допущу. Это — правда. Спросите меня, откуда я все это знаю, так прежде всего, коль я не захочу, — не отвечу. Кто может меня заставить?

Я знаю, что получил свободу с того самого дня, как преставился тот, на ком оправдалась поговорка: «Родись либо царем, либо дураком». А захочется мне ответить — скажу, что придет в голову.

Когда это видано, чтобы приводили к присяге историка? А уж если надо будет на кого сослаться, так спросите у того, кто видел, как уходила на небеса Друзилла; он-то вам и расскажет, что видел, как отправлялся в путь Клавдий, «шагами нетвердыми идя». Хочет — не хочет, а уж придется ему видеть, что свершается на небесах: он ведь смотритель Аппиевой дороги, а по ней, сам знаешь, отправлялись к богам и Божественный Август и Тиберий Цезарь. Спроси ты его с глазу на глаз — он тебе все расскажет; при всех — ни словом не обмолвится. Ведь с тех пор как присягнул он в сенате, что своими глазами видел, как возносилась на небо Друзилла, и такому его благовествованию никто не поверил, он торжественно зарекся ни о чем не доносить, пускай хоть на самой середине рынка убьют при нем человека. Так вот, что я от него слышал, то слово в слово и передаю, пусть он будет здоров и счастлив.

Феб уже путь сократил от восхода тогда до заката
Солнца, и темного сна длиннее часы вырастали;
Победоносно свое умножала Кинфия царство,
И обрывала зима безобразная сладкие яства
Осени пышной уже, и у Вакха, впадавшего в дряхлость,
Редкие гроздья срывал запоздалый тогда виноградарь.

Проще, пожалуй, сказать: был октябрь месяц, и три дня оставалось до октябрьских ид. Который был час, этого точно тебе не скажу: легче примирить друг с другом философов, чем часы; впрочем, случилось это так часу в шестом, в седьмом. «Экая деревенщина! — говоришь ты. — Все порты не то что восходы и закаты описывают, а и самого полудня не оставляют в покое, а ты пренебрегаешь таким добрым часом!»

Уж половину пути отмерил Феб колесницей;
К ночи склоняясь, рукой сотрясал он усталою вожжи,
И по наклонной стезе низводил он закатное солнце.

Клавдий был уже при последнем издыхании, а скончаться никак не мог. Тогда Меркурий, который всегда наслаждался его

талантом, отвел в сторонку одну из парок и говорит ей: «До каких же это пор, зловедная ты женщина, будет у тебя корчиться этот несчастный? Неужто не будет конца его мукам? Вот уже шесть-десять четвертый год, что он задыхается. Что за зуб у тебя на него и на государство? Дай ты в кои-то веки не соврать звездочетам: с тех пор, как он стал править, они что ни год, что ни месяц его хоронят. Впрочем, удивительного нет, коль они ошибаются, и никто не знает, когда наступит его час: всегда его считали безродным. Делай свое дело:

Смерти предай; во дворце пусть лучший царит опустелом».

«А я-то, — говорит Клото, — хотела ему малость надбавить веку, чтобы успел он и остальным, которые все наперечет, пожаловать гражданство. (А он ведь решил увидеть в тогах всех — и греков, и галлов, и испанцев, и британцев.) Но если уж угодно будет хоть несколько иноземцев оставить на племя и ты приказываешь, так будь по-твоему». Тут открывает она ящичек и достает три веретенца: одно — Авгурина, другое — Бабы и третье — Клавдия. «Вот этим троим, — говорит она, — я прикажу в этом году умереть одному за другим и не отпущу его без свиты: невместно тому, кто привык видеть столько тысяч людей и за собой, и перед собой, и около себя, остаться вдруг одному. Покамест довольно с него и этих приятелей».

Молвила это она и, смотав свою гнусную пряжу,
Жизни дурацкой царя, наконец, оборвала течение.
А уж Лахеса, собрав волоса, украсивши кудри
И пиэрийским чело и локоны лавром венчая,
Светлую прясть начала из руна белоснежного нитку.
И под счастливой рукой потянулась из этой кудели
С новой окраскою нить. Изумляются сестры работе:
Обыкновенная шерсть дорогим отливает металлом,
И золотые века нисходят по нитке прекрасной.
Нет их усердью конца: сучат благодатную пряжу,
Пригоршни полня себе и работе радуясь, сестры.

Спорится дело само, и без всяких при этом усилий
 Мягкая сходит у них с веретен крутящихся нитка;
 Годы Тифона уже побеждают и Нестора годы.
 Пением тешит их Феб и, грядущему радуясь живо,
 То прикоснется к струнам, то работе сестер помогает.
 Пенью внимают они и тягость труда забывают.
 И, увлекаясь игрой на кифаре и братнею песней,
 Больше, чем надо, они напряли руками: людскую
 Долю похвальный их труд миновал. «Не скупитесь, парки,—
 Феб говорит им, — пусть срок побеждает, положенный
 смертным,

Тот, кто подобен лицом, кто подобен мне красотой,
 Не уступающий мне поэт и певец. Благодатный
 Век он измученным даст и законов молчанье нарушит.
 Как Светоносец, когда разгоняет бегущие звезды,
 Или как Геспер, восход вечерних звезд предваряя,
 Иль как в румяной Заре, рассеявшей тени ночные
 И зарождающей день, появляется яркое Солнце,
 Мир озаряя и в путь из ворот вывода колесницу, —
 Так должен Цезарь взойти, таким увидит Нерона
 Скоро весь Рим. Его лик озаряет все отсветом ярким,
 И заливают волна кудрей его светлую выю».

Это Аполлон. А Лахеса, которая и сама увлеклась этим
 исключительным красавцем, напряла полные пригоршни и дарует
 от себя многие лета Нерону. Клавдию же все приказывают убраться

Из дома подобру и поздорову вон.

И тут испустил он дух и перестал притворяться живым. А умер
 он, слушая комедиантов. Поэтому, видишь ли, я и побаиваюсь их.
 Вот последние слова его, какие слышали люди и которые он
 произнес, издав громкий звук той частью, какой ему легче было
 говорить: «Ай, я, кажется, себя обгадил!» — Так ли это было,
 не ручаюсь, но что он все обгадил, это верно. Рассказывать
 о том, что случилось после этого на земле, не стоит. Все это вы
 прекрасно знаете, и нечего бояться, что позабудется событие,

вызвавшее общую радость: своего счастья не забыть никому. Слушайте, что свершилось на небесах. За верность отвечает мой осведомитель. Докладывают Юпитеру, что явился какой-то большого роста и совсем седой; грозитя он, видно: все головой трясет, правую ногу волочит. Спросили у него, откуда он родом, — пробурчал он что-то невнятное и несуразное; языка его не поймешь: это не по-гречески, не по-римски, да и не по-каковски. Тогда Юпитер приказывает пойти Геркулесу, который весь свет исходил и, надо думать, знает все народы, и выведать, что же это за человек. Взглянул на него Геркулес и прямо смутился, хоть и не пугался он никаких чудовищ. Как увидел он это невиданное обличье, ни на что не похожую поступь и услышал голос, какого нет ни у одного земного существа, а какой под стать одним морским чудищам, подумал он, что предстоит ему тринадцатый подвиг. Вгляделся попристальнее — видит, как будто и человек. И вот подошел он и говорит, как легче всего сказать греку:

Ты из людей-то каких? Кто родители? Сам ты откуда?

Обрадовался Клавдий, что нашлись здесь филологи, что есть надежда на местечко для его «Историй». И вот и сам, стихом из Гомера поясняя, что он Цезарь, говорит:

От Имона принес меня ветер ко граду киконов.

А следующий-то стих был бы правдивее, тоже гомеровский:

Город я этот разрушил, и жителей всех истребил я.

И обманул бы он совсем нехитрого Геркулеса, не будь тут Лихорадки, которая, покинув свой храм, одна только и пришла с ним; всех других богов он оставил в Риме. «Все его рассказы, — сказала она, — сущий вздор. Уверяю тебя (сколько лет мы с ним прожили вместе!), родился он в Лугдуне, и перед тобою земляк Марка. Говорю я тебе: родился он у шестнадцатого милевого камня от Виенны, и он чистейший галл. И, как и подобало галлу, он взял Рим. Ручаюсь тебе, что родился он в Лугдуне, где столько лет

царил Лицин. И ты-то, исходивший больше земель, чем любой записной погонщик, ты должен знать, что от Ксанфа до Родана расстояние порядочное». Вспыхнул тут Клавдий и забормотал вне себя от злости. Что он говорил, никто не понимал, а он-то приказывал схватить Лихорадку и тем самым движением расслабленной руки, только на это и способной, каким снимал людские головы, приказал уже перерезать ей шею. Подумаешь, всё это отпущенники: никому и дела-то до него не было. «Послушай-ка, — говорит ему тогда Геркулес, — брось ты дурака валять. Ты ведь пришел туда, где мыши железо грызут. Сейчас же говори правду, а не то я ерунду твою выбью». А чтобы нагнать побольше страху, стал он в трагическую позу и начал:

Скорей поведай мне, откуда родом ты,
Не то дубиной сей тебя низвергну я;
Царей свирепых ею часто я сражал.
О чем бормочешь ты косноязычно здесь?
Кто породил и где трясучку-голову?
Скажи. Когда ходил я в царство дальнее
Царя тройного, с моря Гесперийского
Я гнал к Инаха граду стадо славное,
Я видел гору над двумя потоками,
Что видит Феб, вставая, пред собой всегда, —
Откуда Родан мощный устремляется
И Арар, что не знает, течь куда ему,
И, омывая берег, тихо плещется.
Земля не эта ли твоя кормилица?

Произнес он это довольно отважно и смело. Однакоже было ему не очень по себе, и побаивался он *тумака от дурака*. А Клавдий, как увидел такого силача, позабыв свою дурь, понял, что если в Риме не было ему ровни, то здесь ему спуску не будет: петушишь, петух, на своем навозе. И тут, насколько можно было понять, сказал он, видимо, вот что: «А я-то, Геркулес, храбрейший из богов, надеялся, что ты будешь предстательствовать за меня перед другими и что, если кто потребовал бы от меня поручителя,

я могу назвать тебя, прекрасно меня знающего. Припомни: ведь это я у тебя, перед твоим храмом, судил целыми днями в июле и в августе. Тебе известно, как я там мучился, день и ночь слушая стряпчих; если бы ты им попался, каким ни кажись ты храбрецом, а предпочел бы чистить Авгиевы помойки: я гораздо больше твоего выгреб оттуда навозу. Но раз я хочу...»¹

«...Не удивительно, что ты вломился в курию: для тебя нет никаких заповедей. Скажи нам только, каким богом хочешь ты его сделать? *Эпикурейский бог* из него не выйдет; ведь такой бог ни сам ни об чем не беспокоится, ни другим не причиняет беспокойства. Стоический? Да как же ему быть «круглым», по словам Варрона, «без головы, без крайней плоти»? Но уж вижу, есть у него кое-что от стоического бога: нет у него ни сердца, ни головы. А попроси он, клянусь Геркулесом, этой милости у Сатурна, праздник которого он, сатурнальский владыка, справлял вместо месяца целый год, ничего бы он не получил; а уж от Юпитера, которого он при всяком удобном случае обвинял в кровосмешении, — и подавно. Ведь зятя своего Силана он казнил как раз за то, что тот свою сестру, самую соблазнительную из всех красавиц, которую все называли Венерой, предпочел назвать Юноной».

«Как же так, скажи на милость, собственную сестру?» — «Да пойми ты, глупец: в Афинах это дозволено наполовину, а в Александрии и полностью». — «Так, значит, в Риме мыши муку лижут». — «И он-то будет у нас распоряжаться? Не знает, что делать у себя в спальне, а уж «по небу всюду шарит он»? Богом хочет сделаться: мало ему храма в Британии, мало того, что ему поклоняются варвары и молятся, как богу, *о получении его дурацкой милости?*»

Но тут Юпитер, наконец, сообразил, что в присутствии посторонних лиц сенаторам не полагается ни выносить, ни обсуждать никаких решений. «Я, — сказал он, — господа сенаторы, дозволил вам задавать вопросы, а вы занимаетесь совершенною ерундой. Извольте соблюдать сенатский регламент, а то что подумает о нас этот, кто бы он ни был?»

¹ Пропуск в тексте. Очевидно, в дальнейшем убежденный Клавдием Геркулес вступает за него, а боги обсуждают доводы Геркулеса. (Прим. перев.)

Итак, Клавдия уводят и обращаются первым делом к отцу Янусу. Его только что назначили послеобеденным консулом на июльские календы. Человек он самый что ни на есть хитрый и всегда смотрит *«вперед и назад прозорливо»*. Как живший на форуме, говорил он много и ловко, но так, что секретарь не успевал записывать, а потому я, чтобы не исказить его слов, и не передаю всей его речи. Много говорил он о величии богов и о том, что не подобает столь великую честь оказывать кому попало. «В старину, говорит, стать богом было не шутка, а теперь, по вашей милости, это плёвое дело. Поэтому, чтоб не подумали, будто я говорю из личной неприязни, а не по существу дела, я предлагаю отныне не допускать в боги никого из тех, кто *«воскормлен плодами земными»*, или из тех, кого питает *«кормилица земля»*. Те же, кто, вопреки этому постановлению сената, будет сделан, назван или изображен богом, да будут преданы ларвам и на первом же народном празднестве да будут выпороты вместе с гладиаторами-новобранцами».

Следующим опрашивается Диэспитер, сын Вики Поты, тоже назначенный консулом, мелкий маклер: жил он продажей бумажонок на право гражданства. К нему легонько подкрался Геркулес и тронул его за ухо. И мнение свое он высказал так: «Поскольку Божественный Клавдий приходится кровным родственником Божественному Августу, а равно и бабке своей, Божественной Августе, каковую сам повелел произвести в богини; поскольку он превосходит всех смертных мудростью и поскольку для блага государства следует, чтобы был кто-либо могущий вместе с Ромулом «обжираться пареной репой», я предлагаю сделать Божественного Клавдия отныне богом, подобно всем, сделанным таковыми по точному смыслу закона, а событие это дополнительно внести в Овидиевы Превращения». Мнения разделились, но, видимо, решение склонялось в пользу Клавдия, ибо Геркулес, видя, что надо ковать железо, пока горячо, начал перебегать от одного к другому и всех подговаривать: «Не подводи, пожалуйста, меня, при случае я тебе отплачу чем угодно: рука руку моет».

Тут в свой черед поднимается Божественный Август и чрезвычайно красноречиво высказывает свое мнение: «Я, — говорит он, — господа сенаторы, призываю вас в свидетели, что с того

самого дня, как я сделался богом, я ни слова не сказал: всегда занят я своим делом. Но не могу я больше молчать и подавлять скорбь, которую укоры совести делают все нестерпимее. Ради чего же умиroтворил я сушу и море? Ради чего подавил усобицы? Ради чего упрочил Город законами, украсил зданиями? Не для того ли... нет, я теряюсь, господа сенаторы: нет слов для моего негодования. Мне остается только сказать словами красноречивейшего Мессалы Корвина: «Власть для меня позор». Ему, господа сенаторы, кто, по-вашему, и мухи не способен обидеть, ему так же ничего не стоило убивать людей, как собаке ногу поднять. Но к чему мне поминать стольких и столь достойных людей? Тут не до общественных бедствий, когда видишь, что гибнет собственная семья. Не буду я говорить о них, а скажу только — пусть сестра моя и не знает этого, но я-то знаю, *своя рубашка к телу ближе*. Вот этот самый, кого вы тут видите и кто столько лет укрывался под моим именем, он отблагодарил меня тем, что убил двух Юлий, моих правнучек, — одну мечом, другую голодом, — да еще и правнука моего, Луция Силана. Хотя, по правде говоря, может показаться, что и ты, Юпитер, замешан в таком же нехорошем деле. Скажи мне, Божественный Клавдий, на каком основании ты каждого и каждую из казненных тобою приговаривал к смерти, ни дела не разобрав, ни оправдания не выслушав? Где это видано? На небесах так не делается. Вот Юпитер, сколько лет он царствует, а только одному Вулкану сломал голень, когда он его

Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного прага

да, разгневавшись на супругу, заставил ее повисеть, но ведь не убил же ее? А ты убил Мессалину, которой я такой же двоюродный дед, как и тебе самому. «Не знаю», — говоришь? Да разразят тебя боги: ведь это же еще гнуснее не знать, что ты убил, — чем убивать. Он всё брал пример с покойного Калигулы: тот тестя убил, а этот и зятя. Калигула запретил сыну Красса называться Великим, а этот имя-то ему вернул, а голову снял. В одной только семье он убил Красса, Магна, Скрибонию, Тристионий, Ассариона — все людей знатных, а Красс-то еще такой был дурак, что даже в цари

бы годился. И его-то хотите вы сделать богом? Этакого выродка? Да скажи он хоть три слова подряд без запинки, и я готов быть его рабом. Кто же станет поклоняться такому богу? Кто в него верит? Коль вы будете делать таких богов, так и в вас самих совсем перестанут верить. Короче говоря, господа сенаторы, если мое поведение среди вас безупречно, если я никому не перечил, вступитесь вы за меня. Что же до меня, то вот мое мнение», — и стал читать по табличке: «Принимая во внимание, что Божественный Клавдий убил своего тестя, Аппия Силана, двоих своих зятьев — Магна Помпея и Луция Силана, — свекра своей дочери, Красса Фруги, человека сходного с ним как два яйца, свекровь своей дочери Скрибонию, супругу свою Мессалину и других, коим нет числа, я полагаю подвергнуть его строжайшему взысканию, не давая ему никакой возможности неявки на судоговорение, и незамедлительно изгнать его, удалив с небес в месячный, а с Олимпа в трехдневный срок».

Решение было вынесено простым расхождением в стороны, без дальнейших обсуждений. Сейчас же Киллений хватает его за шею и тащит с неба в преисподнюю,

В край, откуда никто не возвратится.

Спускаясь по Священной дороге, спрашивает Меркурий, что это за стечение народа, неужели это похороны Клавдия? И действительно, шла великолепная процессия; устроили ее, не щадя средств: сразу было видно, что выносят бога. Гремела и ревела такая тьма труб, рогов и всевозможных медных инструментов, что даже Клавдию было бы слышно. Все веселы, довольны: народ римский разгуливал будто свободный. Плакали один Агафон да несколько стряпчих, но зато уж от всей души. Из темных закоулков повылезали юристы, бледные, изможденные, едва дыша, точно сейчас только ожили. Один из них, увидя, как перешептываются и плачутся на судьбу стряпчие, подходит и говорит: «Предупреждал я вас, что не всё-то вам будут Сатурналин». А Клавдий, увидя свои похороны, догадался-таки, что умер: огромный хор пел анапестическую погребальную песнь:

Рыдайте сильнее,
Стенайте, друзья,
Пусть форум кругом
Ваш вопль огласит:
Скончался, увы,
Великий мудрец!
И храбрее его
Никогда и нигде
Не рождалось на свет.
На бегу побеждать
Быстролетном легко
Скороходов он мог,
Мятежных парфян
В бою поражать
И персов стрелой
Летучею гнать
И твердой рукой
Тетиву натянуть:
Он ранил слегка,
И бросались стремглав
Врассыпную враги,
И пестрели мидян
Убегавших хребты.
Он британцев настиг
На далеких берегах
Запредельных морей,
Голубые щиты
У бригантов он взял
И на шею надел
Всем римскую цепь;

Даже сам Океан
Заставил дрожать,
Показуя права
Рима мощных секир.
Оплачьте того,
Кому равного быть
На суде не могло
В разбирательстве дел:
Слушал сторону он
Всегда лишь одну,
А порой — ни одной.
Какой же судья
Способен весь год
Непрерывно судить?
Да уступит тебе,
Оставив свой трон,
Кто выносит толпе
Немой приговор,
Кому подчинен
Был стоградный Крит.
О, бей себя в грудь
Печальной рукой,
Продажный род
Судейских крючков!
Вы, новые все,
Горюйте, певцы.
Вы, все, кто, рожком
Игральным гремя,
Обеспечил себе
Постоянный доход!

Понравились Клавдию такие похвалы, и захотелось ему по-
дольше полюбоваться. Но Талфибий богов хватает его, закутывает
ему голову, чтобы как-нибудь его не узнали, тащит через Марсово
поле и между Тибром и Крытою улицей спускается в преисподнюю.
Сюда по кратчайшей дороге уже выбежал для принятия патрона

вольнотпущенник Нарцисс; встречает он его чистый, прямо из бани, и говорит: «Что это? Боги к людям?» — «Живей, — закричал Меркурий, — доложи о нашем приходе». Быстрее слова помчался Нарцисс: все под горку, спускаться легко. И вот, несмотря на свою подагру, в один миг явился он к двери Дита, где лежал Цербер, или, по словам Горация, «стоглавый зверь». Струсил он маленько (привычной утехой-то была у него беленькая собачка), увидя собаку черную, лохматую, словом, не такую, чтобы захотелось встретиться с ней в потемках, и вскричал громким голосом: «Клавдий идет!» Все выходят, хлопают в ладоши и поют: *«Найден, найден, радость наша!»* Тут и Гай Силий, назначенный в консулы, и Юнк, бывший претор, и Секст Травл, и Марк Гельвий, и Трог, и Котта, и Веттий Валент, и Фабий — римские всадники, которых казнили по приказу Нарцисса. Главным в этом хоре был пантомим Мнестер, которого Клавдий, благолепия ради, укоротил на голову. Быстро разнеслась весть о приходе Клавдия. Сбегаются к Мессалине. Впереди всех вольнотпущенники: Полибий, Мирон, Гарпократ, Амфей, Феронакт — всех их Клавдий отправил сюда загодя, чтоб нигде не оставаться без свиты. За ними два префекта: Юст Катоний и Руфрий Поллион. За ними его друзья, бывшие консулы: Сатурнин Лусий, Педон Помпей, Луп и Целер Асиний. Сзади всех дочь его брата, дочь его сестры, зятя, тестя, тещи, словом, вся родня. Сомкнутым строем встречают они Клавдия. Увидел их Клавдий и воскликнул: *«Все полно друзей! Как это вы сюда попали?»* А ему Педон Помпей: «Ты что же это, изверг, спрашиваешь, как попали? Да кто же нас сюда отправил, как не ты, убийца всех друзей? Идем-ка в суд, я тебе покажу, где здесь заседают!»

Ведет он его к судилищу Эака, разбирающему дела об убийцах по закону Корнелия. Педон вчиняет иск, требует суда над Клавдием и подает письменную жалобу: «Сенаторов убито тридцать пять, римских всадников двести двадцать один, прочих лиц — *сколько песку, сколько праху*». Защитника Клавдий не находит. Наконец, является Публий Петроний, старый его собутыльник, знаток Клавдиева языка, и требует права защиты. Отказывают. Обвиняет Педон Помпей при громких криках. Захотел было отвечать Клавдиев покровитель, но Эак, человек правосуднейший, запрещает и, выслушав

только одну сторону, выносит обвинительный приговор со словами: «По делам вору и мука». Наступило гробовое молчанье. Все остолбенели, пораженные таким невиданным судоговорением: толковали, что это дело неслыханное. Для Клавдия это было не ново, а только показалось уж очень несправедливым. О роде наказания спорили долго, никак не находя подходящей кары. Нашлись говорившие, что Сизиф довольно уж потрудился над своей ношей, что Тантал погибнет от жажды, если ему не помочь, что пора бы остановить колесо несчастного Иксиона. Но решили никого из старых преступников не освобождать от наказания, чтоб и Клавдий впредь на это не надеялся. Решено было установить новую кару, измыслив ему труд тщетный, в виде какой-нибудь бесцельной забавы. Тогда Эак приказывает играть ему в зернь дырявым рожком. И вот начал он без конца подбирать высыпающиеся кости и все без толку.

Всякий раз, что метнуть из рожка он звянящего хочет,
Тотчас же обе в дыру на донышке выскочат кости.
Он подберет их и вновь костяшки пытается бросить,
Как настоящий игрок, но опять и опять они обе
Выскользнут вон у него: из-под пальцев они убегают,
И непрерывно обман коварная зернь повторяет,
Точно Сизифа скала: лишь только коснется вершины,
Тотчас на шею ему она катится бременем тщетным.

Вдруг, откуда ни возьмись, Калигула и начинает требовать Клавдия себе в рабы; приводят свидетелей, выдавших, что он Клавдия и плетью и батогами бил и пощечины ему давал. Присуждают его Калигуле; Калигула дарит его Эаку, а этот отдает его своему отпущеннику Менандру в писцы...¹

¹ Конец сатиры не сохранился. (Прим. перев.)

ПЕТРОНИЙ

ПИР У ТРИМАЛХИОНА

Настал третий день, день долгожданного свободного пира, но нам, раненым столькими ранами, более улыбалось бегство, чем покойное житье.

Итак, мы мрачно раздумывали, как бы нам отворотить надвигавшуюся грозу, как вдруг один из рабов Агамемнона испугал нас окриком.

— Как, — говорил он, — разве вы не знаете, у кого сегодня пируют? У Трималхиона, изящнейшего из смертных; в триклинии у него стоят часы, и к ним приставлен особый трубач, возвещающий, сколько часов жизни безвозвратно потерял хозяин.

Позабыв все невзгоды, мы тщательно оделись и велели Гитону, охотно согласившемуся выдать себя за нашего раба, следовать за нами в бани.

Мы принялись одетые разгуливать по баням просто так, для своего удовольствия, и подходить к кружкам играющих, как вдруг увидели лысого старика в красной тунике, игравшего в мяч с кудрявыми мальчиками. Нас привлекли в этом зрелище не столько мальчики, — хотя и у них было на что посмотреть, — сколько сам почтенный муж в сандалиях, игравший зелеными мячами: мяч, коснувшийся земли, в игре более не употреблялся, а свой запас игроки возобновляли из полной сумки, которую держал раб. Мы заметили одно нововведение. По обеим сторонам круга стояли два евнуха: один из них держал серебряный ночной горшок, другой считал мячи, но не те, которыми во время игры перебрасывались из рук в руки, а те, что падали наземь. Пока мы удивлялись этим роскошествам, к нам подбежал Менелай.

— Вот тот, у кого вы сегодня столуетесь, а вступлением к пиршеству уже сейчас любуетесь.

Еще во время речи Менелая Трималхион прищелкнул пальцами. По этому знаку один из евнухов подал ему горшок. Удовлетворив свою надобность, Трималхион потребовал воды для рук и свои слегка обрызганные пальцы вытер о волосы одного из мальчиков.

Долго было бы рассказывать все подробности. Словом, мы отправились в баню и, вспотев, поскорее перешли в холодное отделение. Там надушенного Трималхиона уже вытирали, но не полотном, а простынями из мягчайшей шерсти. Три массажиста пили в его присутствии фалерн; когда они, поссорившись, пролили много вина, Трималхион назвал это свиной здравицей. Затем его завернули в яркоалую байку, он возлег на носилки и двинулся в путь, предшествуемый четырьмя медно-украшенными скороходами и ручной тележкой, в которой ехал его любимчик: старообразный, подслеповатый мальчик, еще более уродливый, чем сам хозяин Трималхион. Пока его несли, над его головой, словно желая что-то шепнуть на ушко, временами склонялся музыкант, всю дорогу игравший на крошечной флейте. Мы, уже вне себя от изумления,

следовали за ним и вместе с Агамемноном пришли к дверям, на которых висело объявление, гласившее:

ЕСЛИ РАБ БЕЗ ГОСПОДСКОГО ПРИКАЗА ВЫЙДЕТ ЗА ВОРОТА,
ТО ПОЛУЧИТ СТО УДАРОВ

У самого входа стоял привратник в зеленом платье, подпоясанный вишневым поясом, и на серебряном блюде чистил горох. Над порогом висела золотая клетка, откуда пестрая сорока приветствовала входящих.

Об этот порог я, впрочем, чуть не переломал себе ноги, пока, задрав голову, рассматривал все диковинки. По левую руку, недалеко от каморки привратника, был нарисован на стене огромный цепной пес, а над ним большими прямоугольными буквами было написано:

БЕРЕГИСЬ СОБАКИ

Товарищи мои захохотали. Я же, оправившись от падения, не поленился пройти вдоль всей стены. На ней был изображен невольничий рынок с пояснительными надписями и сам Трималхион, еще кудрявый, с кадуцеем в руках, ведомый Минервою, торжественно вступал в Рим. Все передал своей кистью добросовестный художник и объяснил в надписях: и как Трималхион учился счетоводству и как сделался рабом-казначеем. В конце портика Меркурий, подняв Трималхиона за подбородок, возносил его на высокую трибуну. Тут же была и Фортуна с рогом изобилия и три паркы, прядущие золотую нить. Заметил я в портике и целый отряд скороходов, обучавшихся под наблюдением наставника. Кроме того, увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные лары, мраморное изображение Венеры и довольно большая засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина. Я расспросил привратника, что изображает живопись внутри дома.

— Илиаду и Одиссею, — ответил он, — и бой гладиаторов, устроенный Ленатом.

Но некогда было все разглядывать. Мы уже достигли триклиния, в передней половине которого домоуправитель проверял отчетность. Но что особенно поразило меня в этом триклинии, так это пригвожденные к дверям ликторские связки с топорами, оканчивающиеся внизу бронзовым подобием корабельного носа, на котором значилась надпись:

Г. ПОМПЕЮ ТРИМАЛХИОНУ СЕВИРУ АВГУСТАЛОВ
КИННАМ КАЗНАЧЕЙ

Надпись освещалась спускавшимся с потолка двурогим светильником, а по бокам ее были прибиты две доски; на одной из них, помнится, имелась нижеследующая надпись:

III ЯНВАРСКИХ КАЛЕНД И НАКАНУНЕ
НАШ ГАЙ ОБЕДАЕТ ВНЕ ДОМА

На другой же изображены фазы луны и ход семи светил, и равным образом показывалось, посредством разноцветных шариков, какие дни счастливые и какие несчастные. Достаточно налюбовавшись этим великолепием, мы хотели войти в триклиний, как вдруг мальчик, специально назначенный для этого, крикнул нам:

— Правой ногой!

Мы, конечно, немного потоптались на месте, опасаясь, как бы кто-нибудь из нас не переступил через порог несогласно с предписанием. Наконец, когда все разом мы занесли правую ногу, неожиданно бросился к ногам нашим уже раздетый для бичевания раб и стал умолять избавить его от казни: невелика вина, за которую его преследуют; он не устерег в бане одежды домоуправителя, стоящей не больше десяти сестерциев. Мы отнесли правые ноги обратно за порог и стали просить домоуправителя, пересчитывавшего в триклинии червонцы, простить раба. Он гордо приосанился и сказал:

— Не потеря меня рассердила, а ротозейство этого негодного холопа. Он потерял застольную одежду, подаренную мне ко дню

рождения одним из клиентов. Была она, конечно, тирийского пурпура, но уже однажды мытая. Ну, да ладно! Ради вас прощаю.

Едва мы, побежденные таким великодушием, вошли в триклиний, раб, за которого мы просили, подбежал к нам и осыпал нас, просто не знавших, куда деваться от конфуза, целым градом поцелуев, благодаря за милосердие.

— Впрочем, — говорил он, — вы скоро увидите, кого благодетельствовали. Господское вино — признательность раба.

Когда, наконец, мы возлегли, александрийские мальчики облили нам руки снежной водой, за ними последовали другие, омывшие наши ноги и старательно остригшие ногти. Притом все они занимались таким неприятным делом не молча, но походя пели. Я пожелал испробовать, вся ли челядь состоит из поющих. Попросил пить; услужливый мальчик исполнил мою просьбу с тем же завыванием, и так каждый, что бы у него ни попросили.

Какой-то пантомим с хором, а не триклиний почтенного дома!

Между тем подали совсем невредную закуску; все уже возлежали, исключая только самого Трималхиона, которому, по новой моде, оставили высшее место за столом. Посередине подноса находился ослик коринфской бронзы с вьюками на спине, в которых лежали с одной стороны черные, с другой — белые оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям их были выгравированы имя Трималхиона и вес серебра, а на припаянных к ним перекладах лежали жареные сони, обрызганные маком и медом. Были тут также и кипящие колбаски на серебряной жаровне, а под жаровней — сирийские сливы и гранатовые зерна.

Мы наслаждались этими прелестями, когда появление Трималхиона, которого внесли на малюсеньких подушечках под звуки музыки, вызвало с нашей стороны несколько неосторожный смех. Его скобленая голова высывалась из яркокрасного паллия, а вокруг и без того закутанной шеи он еще намотал шарф с широкой пурпурной оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, — настоящее золотое, поменьше размером, с припаянными к нему железными звездочками. Но чтобы выставить напоказ и другие

драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем, прикрепленным сверкающей бляхой к браслету из слоновой кости.

— Друзья, — сказал он, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, — не было еще моего желания выходить в триклиний, но, чтобы не задерживать вас дольше, я отказываю себе во всех удовольствиях. Позвольте мне только окончить игру.

Следовавший за ним мальчик принес столик терпентинового дерева и хрустальные кости; я заметил нечто донельзя утонченное: вместо белых и черных камешков здесь были золотые и серебряные денарии. Пока он за игрой исчерпал все рыночные прибаутки, нам, еще во время закуски, подали первое блюдо с корзиной, в которой, расставив крылья, как наседка на яйцах, сидела деревянная курица. Сейчас же прибежали два раба и под звуки пронзительной музыки принялись шарить в соломе; вытащив оттуда павлиньи яйца, они роздали их пирующим. Тут Трималхион обратил внимание на это зрелище и сказал:

— Друзья, я велел подложить под курицу павлиньи яйца, И, ей-ей, боюсь, что в них уже цыплята вывелись. Попробуйте-ка, съедобны ли они.

Мы взяли по ложке, весившей не менее полуфунта каждая, и разбили яйца, слепленные из крутого теста. Я чуть было не бросил своего яйца, заметив в нем нечто вроде цыпленка, но затем услышал, как какой-то старый сотрапезник крикнул:

— Э, да тут, видимо, что-то вкусное!

И, поковыряв корочку, я вытащил жирного винноягодника, приготовленного под соусом из перца и яичного желтка.

Трималхион, прервав игру, потребовал себе всего, что перед тем ели мы, и громким голосом дал разрешение всякому, кто пожелает, требовать еще медового вина. В это время, по данному знаку, грянула музыка, и тотчас же поющий хор убрал подносы с закусками. В суматохе упало большое серебряное блюдо: один из отроков его поднял, но заметивший это Трималхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся раб стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. Затем пришли два молодых эфиопа, оба с маленькими

бурдюками вроде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином: воды никто не подал. Восхваляемый за такую утонченность, хозяин сказал:

— Марс любит равенство. Поэтому я велел поставить каждому особый столик. Таким образом, нам не будет так жарко от множества вонючих рабов.

В это время принесли старательно запечатанные гипсом стеклянные амфоры, на горлышках которых имелись ярлыки с надписью:

ОПИМИАНСКИЙ ФАЛЕРН. СТОЛЕТНИЙ

Когда надпись была прочтена, Трималхион всплеснул руками и воскликнул:

— Увы, увy нам! Так, значит, вино живет дольше, чем людишки! Посему давайте пить, ибо в вине жизнь. Я вас угощаю настоящим Опимиа́нским; вчера я не такое хорошее выставил, а обедали люди много почище.

Мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши. В это время раб притащил серебряный скелет, так устроенный, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол и он благодаря подвижным сочленениям принимал разнообразные позы, Трималхион воскликнул:

Горе нам, беднякам! О, сколь человечешко жалок!
Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит.
Будем же жить хорошо, други, покуда живем.

Возгласы одобрения были прерваны появлением блюда, по величине не совсем оправдавшего наши ожидания. Однако его необычность обратила к нему все взоры. На круглом блюде были изображены кольцом двенадцать знаков Зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Овном — овечий горох, над Тельцом — говядину кусочками, над Близнецами — почки и тестикулы, над Раком — венок, над Львом — африканские фиги, над Девой — матку неогулявшейся свиньи, над Весами — настоящие весы с горячей лепешкой на одной чашке и пирогом на другой, над Скорпионом — морскую рыбку, над

Стрельцом — луноглаза, над Козерогом — морского рака, над Водолеем — гуся, над Рыбами — двух краснобородок. Посередке, на дернине с подстриженной травой, возвышался медовый сот. Египетский мальчик обнес нас хлебом на серебряном противне, причем препротивным голосом выл что-то из мима «Ласерпиция».

Видя, что мы довольно кисло принялись за эти убогие кушанья, Трималхион сказал:

— Советую приступить к обеду. Это — начало.

При этих словах четыре раба, приплясывая под музыку, подбежали и сняли с блюда крышку. И мы увидели другой прибор, и на нем птиц и свиное вымя, а посередине зайца, украшенного крыльями, как бы в виде Пегаса. На четырех углах блюда мы заметили четырех Марсиев, из мехов которых вытекала обильно подливка прямо на рыб, плававших точно в канале. Мы разразились рукоплесканиями, начало которым положили домочадцы, и весело принялись за изысканные кушанья.

— Режь! — воскликнул Трималхион, не менее всех восхищенный удачной выдумкой.

Сейчас же выступил вперед резник и принялся в такт музыке резать кушанье с таким грозным видом, что казалось, будто эсседарий сражается под звуки органа. Между тем Трималхион все время разнеженным голосом повторял:

— Режь! Режь!

Заподозрив, что в этом бесконечном повторении заключается какая-нибудь острота, я не постеснялся спросить о том соседа, возлежавшего выше меня.

Тот, часто выдавший подобные шутки, ответил:

— Видишь раба, который режет кушанье? Его зовут Режь. Итак, восклицая «Режь!», Трималхион одновременно и зовет и приказывает.

Наевшись до отвала, я обратился к своему соседу, чтобы как можно больше разузнать. Начав издалека, я осведомился, что за женщина мечется взад и вперед по триклинию?

— Жена Трималхиона, — ответил сосед, — по имени Фортуната. Мерами деньги считает. А недавно кем была? С позволения сказать, ты бы из ее рук куска хлеба не принял. А теперь ни

с того ни с сего вознесена до небес. Всё и вся у Трималхиона! Скажи она ему в самый полдень, что сейчас ночь — поверит! Сам он толком не знает, сколько чего у него имеется. Такой толстосум. А эта волчица все насквозь видит, где и не ждешь. Трезвее трезвого. Совет подать — золото, но зла на язык: сорока на перине. Кого полюбит — так полюбит, кого невзлюбит — так уж невзлюбит! Земли у Трималхиона — соколу не облететь, денег — тьма-тьмушая: здесь в каморке привратника больше серебра валяется, чем у иного за душой есть. А рабов-то, рабов-то, ой-ой-ой сколько! Честное слово, пожалуй и десятая часть не знает хозяина в лицо. Словом, он любого из здешних балбесов в рутовый лист свернет.

И думать не могли, чтобы он что-нибудь покупал на стороне: шерсть, померанцы, перец — все дома растет; куриного молока захочется — и то найдешь. Показалось ему, что домашняя шерсть недостаточно добротна, так он в Таренте баранов купил и пустил их в стадо. Чтобы дома производить аттический мед, велел привезти из Афин пчел, — да и доморожденные пчелки станут показистее благодаря гречаночкам. На днях он написал в Индию, чтобы ему прислали семян шампиньонов. Нет у него ни единого мула, рожденного не от онагра. Видишь, сколько подушек? Все до единой набиты пурпурной или багряной шерстью. Душа не нарадуется. Но и его товарищей вольноотпущенников остерегись презирать. И они не без сока. Видишь вон того, что возлежит ниже нижнего? Теперь у него восемьсот тысяч сестерциев, а ведь вырос из ничего: недавно еще бревна на спине таскал. Но говорят, — не знаю, правду ли, а только слышал, — что он стащил у инкубона шапку и клад нашел. Если кому что бог пошлет, я никогда не завидую. Но он хвастун и себе не враг. На днях он вывесил такое объявление:

Г. ПОМПЕЙ ДИОГЕН СДАЕТ КВАРТИРУ В ИЮЛЬСКИЕ КАЛЕНДЫ
ПО СЛУЧАЮ ПОКУПКИ СОБСТВЕННОГО ДОМА

А тот, что возлежит на месте вольноотпущенников? Как здорово пожил! Я его не осуждаю. Он уже видел в глаза собственный миллион — но свихнулся бедняга. Не знаю, есть ли у него на голове хоть единый волос, свободный от долгов! Но, честное слово, вина

не его, потому что он сам превосходнейший малый. Всё это от подлецов вольноотпущенников, которые всё на себя перевели. Сам знаешь, «артельный котел плохо кипит», и «где дело пошатнулось, там друзья за дверь». А каким почтенным делом занимался он, прежде чем дошел до теперешнего состояния! Он был устройтелем похорон. Обедал словно царь: цельные кабаны, птица, пирожное, повара, пекаря... вина под стол проливали больше, чем у иного в погребе хранится. Не человек, а сказка! Когда же дела его пошатнулись, он, боясь, что кредиторы сочтут его несостоятельным, выпустил следующее объявление:

Г. ЮЛИЙ ПРОКУЛ УСТРАИВАЕТ АУКЦИОН ИЗЛИШНИХ ВЕЩЕЙ

Трималхион перебил эти приятные речи. Когда убрали вторую перемену и повеселевшие гости принялись за вино, а разговор стал общим, Трималхион, приподнявшись на локте, сказал:

— Это вино вы должны подсластить: рыба по суху не ходит. Спрашиваю вас, как вы думаете, доволен ли я тем кушаньем, что вы видели на крышке блюда? «Таким ли вы знали Улисса?» Что же это значит? А вот что! И за едой надо быть любомудром. Да почиет в мире прах моего патрона! Это он захотел сделать меня человеком среди людей. Для меня нет ничего неизвестного, как показывает это блюдо. Небо-то это, в котором обитают двенадцать богов, раз за разом двенадцать видов принимает и прежде всего становится Овном. Кто под этим знаком родился, у того будет много скота, много шерсти. Голова у него крепчайшая, лоб бесстыжий, рога острые. Под этим знаком родится много схоластов и барашков.

Мы рассыпались в похвалах остроумию новоявленного астронома. Он продолжал:

— Затем все небо вступает под знак Тельца. Тогда рождаются такие, что лягнуть могут, и волопасы, и те, что сами себя пасут. Под Близнецами рождаются парные кони, быки и шулята, и те, что две стены сразу мажут. Под Раком родился я, поэтому-то я на многих ногах стою и на суше и на море многим владею. Ибо Рак и тут и там уместен; поэтому я давно уж ничего на него не кладу,

дабы не отягощать своей судьбы. Подо Львом рождаются обжоры и властолюбцы. Под Девой — женщины, беглые рабы и колодники. Под Весаами — мясники, парфюмеры и вообще те, кто что-нибудь отвешивает. Под Скорпионом — отравители и убийцы. Под Стрельцом — косоглазые, что на зелень косятся, а сало хватают. Под Козерогом — те, у которых от многих бед рога вырастают. Под Водолеем — трактирщики и тыквенные головы. Под Рыбами — повара и риторы. Так и вертится круг, подобно жернову, и всегда нелегкая так устраивает, что кто-нибудь либо рождается, либо помирает. А то, что посреди вы видите дернину и на ней медовый сот — так и это мною не без причины сделано. Мать-земля посредине круга, как яйцо, и заключает в себе всяческое благо, точь-в-точь, как и сот.

— Bravo! — воскликнули мы все в один голос и, воздев руки к потолку, поклялись, что Гиппарха и Арата мы, по сравнению с ним, и за людей не считаем. Но тут появились рабы, которые постлали перед ложами ковры. На них со всеми подробностями была изображена охота: были тут и охотники с рогатинами и сети. Мы просто не знали, что и подумать, как вдруг за триклинием раздался невероятный шум, и вот лаконские собаки забежали вокруг стола. Вслед за тем было внесено огромное блюдо, на котором лежал изрядной величины кабан с шапкой на голове, державший в зубах две корзиночки из пальмовых веток: одну с карийскими, другую с фиванскими финиками. Вокруг кабана лежали поросята из пирожного теста, будто присосавшись к вымени, что должно было изображать супорось; поросята предназначались в подарок нам. Рассечь кабана взялся не Режь, резавший ранее птицу, а огромный бородач в тиковом охотничьем плаще, с обмотками на ногах. Вытащив охотничий нож, он с силой ткнул кабана в бок, и из разреза выпорхнула стая дроздов. Птицеловы, стоявшие наготове с клейкими прутьями, скоро переловили разлетевшихся по триклинию птиц. Тогда Трималхион приказал дать каждому гостю по дрозду и сказал:

— Видите, какие отличные желуди сожрала эта дикая свинья?

Тут же рабы взяли из зубов кабана корзиночки и разделили финики обоих сортов между пирующими.

Между тем я, лежа на покойном месте, долго ломал голову, стараясь понять, зачем кабана подали в колпаке? Исчерпав все догадки, я обратился к своему прежнему толкователю за разъяснением мучившего меня вопроса.

— Твой покорный слуга легко объяснит тебе, — ответил он, — никакой загадки тут нет; дело ясное. Вчера этого кабана подали на последнее блюдо, и пирующие отпустили его на волю: итак, сегодня он вернулся на стол уже вольноотпущенником.

Я проклял свою глупость и решил больше не расспрашивать соседа, чтобы не казалось, будто я никогда с порядочными людьми не обедал. Пока мы так разговаривали, прекрасный юноша, увенчанный виноградными лозами, обносил нас корзинкой с виноградом и, именуя себя то Бромием, то Лиэем, то Эвием, тонким, пронзительным голосом пел стихи своего хозяина. При этих звуках Трималхион обернулся к нему.

— Дионис, — вскричал он, — будь свободным!

Юноша стащил с кабаньей головы колпак и надел его.

— Теперь вы не станете отрицать, — сказал Трималхион, — что у меня Либер-отец.

Мы похвалили удачное слово Трималхиона и прямо зацеловали обходившего триклиний мальчика.

После этого блюда Трималхион встал и пошел облегчиться. Мы же, освобожденные от присутствия тиранна, стали вызывать сотрапезников на разговор. Дама первый потребовал большую братину и заговорил:

— Что такое день? Ничто. Не успеешь оглянуться — уж ночь на дворе. Поэтому ничего нет лучше, как из спальни прямо переходить в триклиний. Ну и холод же нынче; еле в бане согрелся. Но «глоток горячего вина — лучшая шуба». Я клюкнул и совсем осовел... вино в голову ударило.

Селевк уловил отрывок разговора и сказал:

— Я не каждый день моюсь; банщик, что валяльщик; у воды есть зубы, и жизнь наша ежедневно подтачивается. Но я опрокину стаканчик медового вина, и наплевать мне на холод. К тому же я и не мог вымыться: я сегодня был на похоронах. Добрейший Хрисанф, прекрасный малый, взял да и помер; так еще недавно

окликнул он меня на улице; кажется мне, что я только что с ним разговаривал. Ох, ох! Все мы ходим точно раздутые бурдюки; мы меньше мухи: потому что и у мухи есть свои доблести, мы же просто-напросто мыльные пузыри. А что было бы, если бы он не был воздержан? Целых пять дней ни крошки хлеба, ни капли воды в рот не взял и все-таки отправился к праотцам. Врачи его погубили, а вернее злой рок. Врач ведь не что иное, как самоутешение. Похоронили его прекрасно: чудные ковры, великолепное ложе, причитания отличнейшие, — ведь он многих отпустил на волю; зато жена отвратительно мало плакала. А что бы еще было, если бы он с ней не обращался так хорошо? Но женщина это женщина: коршуново племя. Никому не надо делать добра: все едино что в колодец бросить. Но старая любовь цепка, как рак...

Он всем надоел, и Филерот вскричал:

— Поговорим о живых! Этот свое получил: с почетом жил, с почетом помер. На что ему жаловаться? Начал он с одного асса и готов был из навоза зубами полушку вытащить. И так рос, пока не вырос словно сот медовый. Клянусь богами, я уверен, что он оставил тысяч сто, и всё деньгами. Однако скажу о нем всю правду, потому в этом деле я семь собак без соли съел. Был он груб на язык, большой ругатель — свара, а не человек. Куда лучше был его брат: друзьям друг, хлебосол, щедрая рука. Поначалу ему не повезло, но первый же сбор винограда выправил ему ребра; продавал вино почем хотел; а что окончательно заставило его поднять голову, так это наследство, из которого он больше украл, чем ему было завещано. А эта дубина, обозлившись на брата, оставил по завещанию всю вотчину какому-то курицыну сыну. Далеко бежит, кто бежит от своих! Но были у него слуги-наушники, которые его погубили. Легковерие никогда до добра не доводит, особливо торгового человека. Однако верно, что он сумел попользоваться жизнью... Не важно, кому назначалось, важно, кому досталось. Легко тому, у кого все идет как по маслу. А как вы думаете, сколько лет унес он с собой в могилу? Семьдесят с лишком. А ведь был крепкий, точно роговой, здорово сохранился; черен, что воронье крыло. Знаю я его давным-давно. И до последних дней был распутником, ей-богу! Ни одной суки в доме не оставлял

в покое. И к тому же презренный мальчишечник — вообще на все руки мастер. Я его не осуждаю: это единственное, что он унес с собой.

Так разглагольствовал Филерот, а вот так Ганимед:

— Говорите вы все ни к селу ни к городу; почему никто не побеспокоится, что нынче хлеб кусаться стал? Честное слово, я сегодня кусочка хлеба найти не мог. А засуха-то все попрежнему! Целый год голодаем. Эдилы, — чтоб им пусто было! — с пекарями станулись. Да, «ты — мне, я — тебе». Бедный народ страдает, а этим обжорам всякий день — сатурналии. Эх, будь у нас еще те львы, каких я застал, когда только что приехал из Азии! Вот это была жизнь!.. Так били этих кикимор, что они узнали, как Юпитер сердится. Но помню я Сафиния! Жил он (я еще мальчишкой был) вот тут, у старых ворот; перец, а не человек! Когда шел, земля под ним горела! Но прямой! Но надежный! Другьям друг! С такими можно впотьмах в морру играть. А посмотрели бы вы его в курии. Иного, бывало, так отбреет! А говорил без вывертов, напрямик. Когда вел дело на форуме, голос его гремел как труба; никогда притом не потел и не плевался. Думаю, что это ему от богов дано было. А как любезно отвечал на поклон! Всех по именам знал, ну словно сам из наших. В те поры хлеб не дороже грязи был. Купишь его на асс — вдвоем не съесть; а теперь он меньше бычьего глаза. Нет, нет! С каждым днем все хуже; город наш, словно телячий хвост, назад растет! А кто виноват, что у нас эдил трехгрошовый, которому асс дороже нашей жизни. Он втихомолку над нами подсмеивается, а в день получает больше, чем иной по отцовскому завещанию. Уж я-то знаю, за что он получил тысячу золотых; будь мы настоящими мужчинами, ему бы не так привольно жилось. Нынче народ: дома — львы, на людях — лисицы. Что же до меня, то я проел всю одежонку, и если дороговизна продлится, придется и домишко продать. Что же это будет, если ни боги, ни люди не сжалятся над нашим городом? Чтобы мне не видать радости от семьи, если я не думаю, что беда ниспослана нам небожителями. Никто небо за небо не считает, никто постов не блюдет, никто Юпитера в грош не ставит: все только и знают, что добро свое считать. В прежнее время выходили именитые господа босые,

с распущенными волосами на холм и с чистым сердцем вымаливали воды у Юпитера; и немедленно лил дождь как из ведра. И все возвращались мокрые как мыши. А теперь у богов ноги не ходят из-за нашего неверия. Поля заброшены...

— Пожалуйста, — сказал Эхион-лоскутник, — выражайся приличнее. «Раз — так, раз — этак», — как сказал мужик, потеряв пегую свинью. Чего нет сегодня, то будет завтра: в том вся жизнь проходит. Ничего лучше нашей родины нельзя было бы найти, если бы люди поумней были. Но не она одна страдает в нынешнее время. Нечего привередничать: все под одним небом живем. Попади только на чужбину, так начнешь уверять, что у нас свиньи жареные разгуливают. Вот, например, угостят нас на праздниках в течение трех дней превосходными гладиаторскими играми, выступит труппа не какого-нибудь ланисты, а несколько настоящих вольноотпущенников. И Тит наш — натура широкая и горячая голова; так или этак, а ублажить сумеет; уж я знаю, я у него свой человек. Половинчатости он не терпит. Гладиаторам будет дано первостатейное оружие; удирать — ни-ни; сражайся посередке, чтобы всему амфитеатру видно было; средств-то у него хватит: тридцать миллионов сестерциев ему досталось, как бедняга-отец его помер. Если он и четыреста тысяч выбросит, мощна его даже и не почувствует, а он увековечит свое имя. У него есть несколько парней и женщина-эсседария, и казначей Гликона, которого накрыли, когда он забавлял свою госпожу. Увидишь, как народ разделится между ревнивцем и любезником. Ну и Гликон! Грошовый человечиска! Отдает зверям казначея. Это все равно, что самого себя выставить на посмешище. Разве раб виноват? Делает, что ему велят. Скорей бы следовало посадить быку на рога эту ночную посудину. Но так всегда: кто не может по ослу, тот бьет по седлу. И как мог Гликон вообразить, что из Гермогенова отродья выйдет что-нибудь путное? Тот мог бы коршуну на лету когти подстричь. От змеи не родится канат. Гликон, один Гликон в накладе: на всю жизнь пятно на нем останется, и разве смерть его смоет! Но всякий сам себе грешен.

Да вот еще: есть у меня предчувствие, что Маммея нам скоро пир задаст, — там-то уж и мне и моим по два денария достанется.

Если он сделает это, то отобьет у Норбана все народное расположение: вот увидите, что он теперь обгонит его на всех парусах. Да и вообще, что хорошего сделал нам Норбан? Дал гладиаторов грошовых, полудохлых, — дунешь на них, и повалятся; и бестиариев видывал я получше; всадники, которых он дал убить, — точь-в-точь человечки с ламповой крышки — сущие цыплята; один — увалень, другой — кривоногий; а терциарий-то! — мертвец за мертвеца с подрезанными жилами. Пожалуй, еще фракиец был ничего себе: дрался по правилам. Словом, всех после секли, а публика так и кричала: «Наддай!» Настоящие зайцы! Он скажет: «Я вам устроил игры», а я ему: «А мы тебе хлопаем». Посчитай и увидишь, что я тебе больше даю, чем от тебя получаю. Рука руку моет.

— Мне кажется, Агамемнон, ты хочешь сказать: «Чего тараторит этот надоеда?» Но почему же ты, записной краснобай, ничего не говоришь? Ты не нашего десятка; так вот смеешься над речами бедных людей. Мы знаем, что ты от большой учености свихнулся. Но это не беда. Уж когда-нибудь я тебя уговорю приехать ко мне на хутор, посмотреть наш домишко; найдется, чем перекусить: яйца, курочка. Хорошо будет, хоть в этом году погода и испакостила весь урожай. А все-таки разыщем, чем червячка заморить. Потом и ученик тебе растет — мой парнишка. Он уже арифметику знает. Вырастет, к твоим услугам будет. И теперь все свободное время не поднимает головы от таблиц; умненький он у меня и поведения хорошего, только очень уж птицами увлекается. Я уж трем щеглам головы свернул и сказал, что их ласка съела. Но он нашел другие забавы и охотно рисует. Кроме того, начал он уже греческий учить, да и за латынь принялся неплохо, хотя учитель его слишком уж стал самодоволен, не сидит на одном месте. Приходит и просит дать книгу, а сам работать не желает. Есть у него и другой учитель, не из очень ученых, да зато старательный, который учит большему, чем сам знает. Он приходит к нам обыкновенно по праздникам и всем доволен, что ему ни дай. Недавно купил я сыночку несколько книг с красными строками: хочу, чтобы понюхал немного права для ведения домашних дел. Занятие это хлебное. В словесности он уж довольно испачкался. Если право ему не понравится, я его какому-нибудь ремеслу обучу;

отдам, например, в цирюльники, в глашатаи или, скажем, в стряпчие. Это у него одна смерть отнять может. Каждый день я ему твержу: «Помни, первенец: все, что зубришь, для себя зубришь. Посмотри на Филерона, стряпчего: если бы он не учился, давно бы зубы на полку положил. Не так давно еще кули на спине таскал, теперь против самого Норбана вытянуть может. Наука — это клад, и искусный человек никогда не пропадет».

В таком роде шла болтовня, пока не вернулся Трималхион. Он отер пот со лба, вымыл в душистой воде руки и сказал после недолгого молчания:

— Извините, друзья, но у меня уже несколько дней нелады с желудком. Врачи теряются в догадках; помогли мне гранатовая корка и хвойные шишки в уксусе. Надеюсь, теперь мой желудок за ум возьмется. А то как забурчит у меня в животе, подумаешь, бык заревел. Если и из вас кто надобность имеет, так пусть не стесняется. Никто из нас не родился запечатанным. Я лично считаю, что нет большей муки, чем удерживаться. Этого однако сам Юпитер запретить не может. Ты смеешься, Фортуната? А кто мне ночью спать не даст? Никому в этом триклинии я не хочу мешать облегчаться; да и врачи запрещают удерживаться, а если кому потребуется что-нибудь посерьезнее, то за дверьми все готово: сосуды, вода и прочие надобности. Поверьте мне, ветры попадают в мозг и производят смятение во всем теле. Я знавал многих, которые умерли от того, что не решались в этом деле правду говорить.

Мы благодарили его за снисходительность и любезность и, усердно принявшись пить, старались подавить смех. Но мы не подозревали, что еще не прошли, как говорится, и полпути до вершины всех здешних роскошеств. Когда со стола под звуки музыки убрали посуду, в триклиний привели трех белых свиней в намордниках и с колокольчиками на шее; глашатай объявил, что это — двухлетка, трехлетка и шестилетка. Я вообразил, что пришли фокусники, и свиньи станут выделять какие-нибудь штуки, словно перед кружком уличных зевак. Но Трималхион рассеял недоумение.

— Которую из них вы хотите сейчас увидеть на столе? — спросил он, — потому что петухов, пенфеево рагу и прочую дребедень и мужики изготовят; мои же повара привыкли и цельного теленка в котле варить.

Тотчас же он велел позвать повара и, не ожидая нашего выбора, приказал заколоть самую крупную.

— Ты из которой декурии? — повысив голос, спросил он.

— Из сороковой, — отвечал повар.

— Тебя купили или же ты родился в доме?

— Ни то, ни другое, — отвечал повар, — я достался тебе по завещанию Пансы.

— Смотри же, хорошо приготовь ее. А не то я тебя в декурию вестовых разжалую.

Повар, познавший таким образом могущество своего господина, последовал за своей жертвой на кухню.

Трималхион же, любезно обратившись к нам, сказал:

— Если вино вам не нравится, я скажу, чтобы переменили, а уж вам самим надо придать ему вкус. По милости богов я ничего не покупаю, а все, от чего слюнки текут, произрастает в одном моем пригородном поместье, которого я даже еще и не видел. Говорят, оно граничит с Террациной и Тарентом. Теперь я хочу соединить свою землю с Сицилией, чтобы, если мне вздумается в Африку проехать, все время по своим водам плыть.

Но расскажи нам, Агамемнон, какую такую речь ты сегодня произнес? Я хотя лично дел и не веду, тем не менее для домашнего употребления красноречию все же обучался; не думай, пожалуйста, что я пренебрегаю ученьем. Теперь у меня две библиотеки: одна греческая, другая латинская. Скажи поэтому, если любишь меня, сущность твоей речи.

— Богатый и бедняк были врагами, — начал Агамемнон.

— Бедняк? Что это такое? — перебил его Трималхион.

— Остроумно, — похвалил его Агамемнон и изложил затем содержание не помню какой контрверсии.

— Если это уж случилось, — тотчас же заметил Трималхион, — то об этом нечего и спорить. Если же этого не было, тогда и подавно.

Это и многое другое было встречено всеобщим одобрением.

— Дражайший Агамемнон, — продолжал между тем Трималхион, — прошу тебя, расскажи нам лучше, если помнишь, о странствованиях Улисса, как ему Полифем палец щипцами вырвал, или о двенадцати подвигах Геркулеса. Я еще в детстве об этом читал у Гомера. А то еще видал я кумскую Сивиллу в бутылке. Дети ее спрашивали: «Сивилла, чего тебе надо?», а она в ответ: «Помирать надо».

Трималхион все еще разглагольствовал, когда подали блюдо с огромной свиньей, занявшее весь стол. Мы были поражены быстротой и поклялись, что даже куренка в такой небольшой промежуток вряд ли приготовить можно, тем более, что эта свинья нам показалась по величине превосходившей даже съеденного незадолго перед тем кабана. Но Трималхион все пристальнее и пристальнее всматривался в нее.

— Как? как? — вскричал он, — свинья не выпотрошена? Честное слово, не выпотрошена! Позвать, позвать сюда повара!

К столу подошел опечаленный повар и заявил, что он забыл выпотрошить свинью.

— Как это так забыл? — заорал Трималхион. — Подумаешь, он забыл перцу или тмину! Раздевайся!

Без промедления повар разделся и понурившись стал между двух истязателей. Все стали просить за него, говоря:

— Это бывает. Пожалуйста, прости его; если он еще раз сделает, никто из нас не станет за него просить.

Один я только поддался порыву неумолимой жестокости и шепнул на ухо Агамемнону:

— Этот раб, вероятно, большой негодяй! Кто же это забывает выпотрошить свинью? Я бы не простил, если бы он даже с рыбой что-нибудь подобное сделал.

Но Трималхион поступил иначе; с повеселевшим лицом он сказал:

— Ну, если ты такой беспамятный, вычисти-ка эту свинью сейчас, на наших глазах.

Повар снова надел тунику и, вооружившись ножом, дрожащей рукой полоснул свинью по брюху крест накрест. И сейчас же

из прореза сами собой посыпались тяжелые кровяные и жареные колбасы.

Вся челядь громкими рукоплесканиями приветствовала эту штуку и единогласно возопила: «Да здравствует Гай!» — повара же почтили глотком вина, а также поднесли ему венок и кубок на блюде коринфской бронзы. Заметив, что Агамемнон внимательно рассматривает это блюдо, Трималхион сказал:

— Только у меня одного и есть настоящая коринфская бронза.

Я ожидал, что он, по своему обыкновению, из хвастовства скажет, что ему привозят сосуды прямо из Коринфа. Но вышло еще лучше.

— Вы, возможно, спросите, как это так я один владею коринфской бронзой, — сказал он. — Очень просто: медника, у которого я покупаю, зовут Коринфом; что же еще может быть более коринфского, чем то, что делает Коринф? Но не думайте, что я невежда необразованный, не знаю, откуда эта самая бронза получилась. Когда Илийон был взят, Ганнибал, большой плут и мошенник, свалил в кучу все статуи — и золотые, и серебряные, и медные — и кучу эту поджег. Получился сплав. Ювелиры теперь пользуются им и делают чаши, блюда, фигурки. Так и образовалась коринфская бронза — ни то ни сё, из многого одно. Простите меня, но я лично предпочитаю стекло, оно по крайности не пахнет. Но, по мне, оно было бы лучше золота, если бы не билось; в теперешнем же виде оно, впрочем, недорого стоит. Однако был такой стекольщик, который сделал небьющийся стеклянный фиал. Он был допущен с даром к Цезарю и, попросив фиал обратно, перед глазами Цезаря бросил его на мраморный пол. Цезарь прямо-таки насмерть перепугался. Но стекольщик поднимает фиал, погнувшийся, словно какая-нибудь медная ваза, вытаскивает из-за пояса молоток и спокойно исправляет фиал. Сделав это, он вообразил, что уже вознесся до престола Юпитерова, в особенности когда император спросил его, знает ли еще кто-нибудь способ изготовления такого стекла. Стекольщик, видите ли, и говорит, что нет; а Цезарь велел отрубить ему голову, потому что, если бы это искусство стало всем известно, золото ценилось бы не дороже грязи.

— Я теперь большой любитель серебра. У меня одних ведерных сосудов штук около ста. На них вычеканено, как Кассандра своих сыновей убивает; детки мертвенькие просто как живые лежат. Потом есть у меня целая тысяча жертвенных чаш, оставленных моему патрону Муммием; на них Дедал прячет Ниобу в Троянского коня. Имеется у меня на бокалах и бой Петраита с Гермеротом; и все они претяжелые. Но своего понимания в таких вещах я ни за какие деньги не продам.

Пока он все это рассказывал, один из рабов уронил чашу.

— Живо, — крикнул Трималхион, обернувшись, — отхлестай сам себя, раз ты ротозей!

Раб уже жалобно скривил рот, чтобы умолять о пощаде, но Трималхион перебил его:

— О чем ты меня просишь? Словно я тебя трогаю? Советую попросить самого себя и не быть ротозеем.

Наконец, уступая нашим просьбам, он простил раба. Освобожденный от наказания стал обходить кругом стола, крича:

— Воду за двери, вино на стол!

Мы громко одобрили остроумную шутку, и пуше всех Агамемнон, знавший, как надо держать себя, чтобы удостоиться приглашения и на следующий пир. Между тем довольный восхвалениями, Трималхион стал пить веселей. Скоро он был уже в полпьяна.

— А что же, — сказал он, — никто не попросит мою Фортунату поплясать? Поверьте, лучше нее никто кордака не станцует.

Тут сам он, подняв руки над головой, принялся изображать сирийского скомороха, причем ему подпевала вся челядь: «Пляши, плешивый!» Я думаю, и на середину бы он выбрался, если бы Фортуната не шепнула ему что-то на ухо: должно быть, она сказала, что не подобает его достоинству такое шутовство. Никогда еще я не видал подобной нерешительности: он то боялся Фортунаты, то поддавался своей природе.

Но конец этому плясовому зуду положил письмоводитель, возгласивший, словно он столичные новости выкрикивал:

— За семь дней до календ секстилия в поместье Трималхиона, что близ Кум, родилось мальчиков тридцать, девочек сорок. Све-

зено на гумно модиев пшеницы пятьсот тысяч, быков пригнано пятьсот. В тот же день прибит на крест раб Митридат за непочтительное слово о гении нашего Гая. В тот же день отосланы в кассу десять миллионов сестерциев, которые некуда было деть. В тот же день в Помпеевых садах случился пожар, начавшийся во владении Насты-приказчика.

— Как? — сказал Трималхион. — Да когда же купили мне Помпеевы сады?

— В прошлом году, — ответил писец, — и потому они еще не внесены в списки.

— Если в течение шести месяцев, — вспыхнул Трималхион, — я ничего не знаю о каком-либо купленном для меня поместье, я раз навсегда запрещаю вносить его в опись.

Затем были прочтены распоряжения эдилов и завещания лесничих, коими Трималхион лишился наследства, однако с извинительными примечаниями. Потом — список его приказчиков; акт расторжения брака ночного сторожа и вольноотпущенницы, которая была обличена мужем в связи с банщиком; ссылка домоправителя в Байн; привлечение к ответственности казначея и решение тяжбы двух спальников.

Между тем в триклиний явились фокусники: какой-то нелепейший верзила поставил на себя лестницу и велел мальчику лезть по ступеням и на самом верху танцевать под звуки песенок; потом заставлял его прыгать через огненные круги и держать зубами урну. Один лишь Трималхион восхищался этими штуками, сожалел только, что это искусство неблагодарное. Только два вида зрелищ он смотрит с удовольствием: фокусников и трубачей; все же остальное — животные, музыка — просто чепуха.

— Я, — говорил он, — и труппу комедиантов купил, но заставил их разыгрывать мне ателланы и приказал начальнику хора петь по-латыни.

При этих словах Гая мальчишка-фокусник свалился на Трималхиона. Поднялся громкий вопль: орали и вся челядь и гости. Не потому, что обеспокоились участием этого паршивого человека. Каждый из нас был бы очень рад, если бы ему сломали шею, но все перепугались, не закончилось бы наше веселье несчастьем и

не пришлось бы нам оплакивать чужого мертвеца. Между тем Трималхион, испуская тяжкие стоны, беспомощно склонился на руки, словно и впрямь его серьезно ранили. Со всех сторон к нему бросились врачи, а впереди всех Фортуната, распустив волосы, с кубком в руке и причитая, что нет на свете женщины более несчастной и жалкой, чем она. Свалившийся мальчишка припадал к ногам то одного, то другого из нас, умоляя о помиловании. Мне было не по себе, так как я подозревал, что под этим несчастным случаем крылся какой-нибудь дурацкий сюрприз. У меня из головы еще не испарился повар, позабывший выпотрошить свинью, поэтому я принялся внимательно осматривать триклиний, ожидая, что вот-вот появится из стены какая-нибудь махинация, в особенности когда стали бичевать раба за то, что он обвязал руку хозяина белой, а не красной шерстью. Мое подозрение оказалось близким к истине: вышло от Трималхиона решение — мальчишку отпустить на волю, дабы никто не осмелился утверждать, что раб ранил столь великого мужа.

Мы одобрили его поступок; по этому поводу зашел у нас разговор о том, как играет случай жизнью человека.

— Стойте, — сказал Трималхион, — нельзя, чтобы такое событие не было увековечено. — Сейчас же потребовал себе таблички и, не раздумывая долго, прочел нам следующее:

То, чего и не ждешь, иногда наступает внезапно,
Ибо все наши дела вершит своевольно Фортуна.
Вот почему наливай, мальчик, нам в кубки фалерн.

За разбором эпиграммы разговор перешел на стихотворцев, и долго обсуждалось первенство Мопса Фракийского, пока Трималхион не сказал:

— Скажи мне, пожалуйста, учитель, какая разница, по-твоему, между Цидероном и Публилием? По-моему — один красноречивее, другой — добродетельнее. Можно ли сказать что-нибудь лучше этого?

Разрушит скоро роскошь стены Марсовы...
Павлин пасется в клетке для пиров твоих,
Весь в золотистой вавилонской вышивке,

А с ним каплун и куры нумидийские,
И цапля, гостя милая заморская,
Пираты тонконогая танцовщица,
Знак знойных дней и злой зимы изгнанника,
В котле кутилы ныне вьет гнездо свое.
Зачем вам дорог жемчуг, бисер Индии?
Иль чтоб жена в жемчужном ожерелии
К чужому ложу шла распутной постую?
К чему смарагд зеленый, стекла ценные,
Из Кархедона камни огнецветные?
Ужели честность светится в карбункулах?
Зачем жене, одетой в ветры тканые,
При всех быть голой в полотняном облачке?

— А чье, по-вашему, — продолжал он, — самое трудное занятие после словесности? По-моему, лекаря и менялы. Лекарь знает, что в нутре у людишек делается и когда будет приступ лихорадки. Я, впрочем, их терпеть не могу: больно часто они мне анисовую воду прописывают. Меняла же сквозь серебро медь видит. А из тварей бессловесных трудолюбивее всех волы да овцы: волы, ибо по их милости мы хлеб жуем, овцы, потому что их шерсть делает нас франтами. И — о, недостойное злодейство! — иной носит тунику, а ест баранину. Пчел же я считаю животными просто божественными, ибо они плюются медом, хотя и говорят, что они его приносят от самого Юпитера; если же иной раз и жалят, то ведь где сладко, там и кисло.

Трималхион собирался уже отбить хлеб у философов, но в это время стали обносить жребии в кубке, а раб, приставленный к этому делу, выкликал выигрыши.

— Свинячье серебро! — Тут принесли окорок, на котором стояли серебряные укусуницы.

— Пир и рог! — Принесли пирог.

— Багор и плот! — Подали багровое яблоко на палочке.

— Порей и персики! — Выигравший получил кнут (чтобы пороть) и нож (чтобы пересекать).

— Сухари и мухоловка! — Изюм и аттический мед.

— Застольное и выходное! — Пирожок и дощечки (для ношения на улице).

— Собачье и ножное! — Были даны заяц и сандалии.

— Под мышкой гадость, а сверху сладость! — Оказалась мышь, привязанная на спину лягушки, и пучок свеклы.

Долго мы хохотали. Было еще штук шестьсот в том же роде, но я их не запомнил.

Так как Аскилт, в необузданной веселости, хохоча до слез и размахивая руками, издевался надо всем, то соотпущенник Три-малхиона, тот самый, что возлежал выше меня, обозлился и заговорил:

— Чего смеешься, баран? Не нравится, видно, тебе роскошь нашего хозяина? Видно, ты привык жить богаче и пировать слаще? Да поможет мне Тутела этого дома! Если бы я возлежал рядом с ним, уж я бы заткнул ему блеялку. Выскочка этакая — еще смеет издеваться над другими! Какая-то кикимора — шут его знает! — бездомовник, собственной мочи не стоящий! Одним словом, если я его обделаю, он не будет знать, куда ему деваться. Право, меня нелегко рассердить, но в мягком мясе черви заводятся! Смеется! Ему, видите ли, смешно! Подумаешь, его отец не зачал, а во чреве матери на вес серебра купил. Ты — римский всадник? Ну так я — царский сын. Ты, пожалуй, спросишь, «почему же ты стал рабом?» Потому что сам добровольно закрепостился, предпочитая со временем быть римским гражданином, чем вечным данником. А теперь я так живу, что никто меня не засмеет. Человеком стал, как все люди. С открытой головой хожу. Никому медного асса не должен; под судом никогда не бывал. Никто мне на форуме не скажет: «Отдай, что должен!» Землицы купил и деньжонок накопил, двадцать ртов кормлю, не считая собаки. Сожительницу свою выкупил, чтобы никто у нее за пазухой рук не вытирал. За выкуп я тысячу денариев заплатил. Севиром меня даром сделали. Коли помру, так и в гробу, надеюсь, мне краснеть не придется. Или ты человек настолько занятой, что тебе некогда на себя оглянуться? На другом вошь видишь, а на себе клопа не видишь? Одному тебе мы кажемся смешными. Вот твой учитель, почтенный человек! Ему мы нравимся. Ах ты молокосос, ни «бе» ни «ме» не смыслящий, ах ты сосуд скудельный, ах ты ремень моченый! «Мягче, но не лучше»! Ты богаче меня? Так завтракай в день дважды, дважды обедай! Мое

доброе имя дороже клада. Одним словом, никому не пришлось мне дважды напомнить о долге. Сорок лет я был рабом, но никто не мог узнать, раб я или свободный. Длинноволосым мальчиком прибыл я сюда: тогда базилика еще не была построена. Однако я старался во всем угождать хозяину, человеку почтенному и уважаемому, чей ноготь стоил дороже, чем ты весь. Были в доме такие люди, что норовили мне то тут, то там ножку подставить. Но — спасибо гению моего господина! — я вышел сух из воды. Вот это настоящая награда за победу! А родиться свободным так же легко, как сказать: «Пойди сюда». Ну, чего ты на меня уставился, как коза на горох?

После этой речи Гитон, стоявший в ногах его, разразился давно душившим его неприличным смехом; гнев противника Аскилта, заметившего его, обрушился теперь на мальчика:

— И ты тоже гогочешь, волосатая луковица? Подумаешь, сатурналии! Что у нас декабрь месяц сейчас, я тебя спрашиваю? Когда ты двадесатину заплатил? Что ты делаешь, висельник, вороний корм? Разрази гнев Юпитера и тебя и того, кто не умеет тебя унять! Пусть я хлебом сыт не буду, если я не сдерживаюсь только ради моего соотпущенника, а то бы я тебе сейчас всыпал. Всем нам здесь хорошо, кроме пустомель, что тебя приструнить не могут. Поистине, каков хозяин, таков и слуга. Я едва сдерживаюсь, потому я человек вспыльчивый, и как разойдусь, матери родной в грош не поставлю. Ну все равно, я тебя еще повстречаю, мышь, сверчок этакий! Пусть я не расту ни вверх, ни вниз, если я не сверну твоего господина в рутовый листик! И тебе, ей-ей, пощады не будет, зови хоть самого Юпитера Олимпийского! Уж я позабочусь об этом. Не помогут тебе ни кудряшки твои никудышные, ни господин двухгрошовый. Попадись только мне на зубок. Или я себя не знаю, или ты потеряешь охоту насмеяться, будь у тебя хоть золотая борода. Уж я постараюсь, чтоб Афина поразила и тебя и того, кто сделал тебя таким нахалом. Я не учился ни геометрии, ни критике, вообще никакой чепухе, но умею читать надписи и вычислять проценты в деньгах и в весе. Словом, устроим-ка примерное состязание. Выходи! Ставлю заклад! Увидишь, что твой отец даром тратился, хоть ты и риторику превзошел. Ну-ка! Кто

кого? «Вдоль иду, вширь иду. Угадай, кто я?» И еще скажу: «Кто у нас бежит, а с места не двигается? Кто у нас растет и всё меньше становится?» Кто? Не знаешь? Суетишься? Мечешься, словно мышь в ночном горшке? Поэтому или молчи, или не смей смеяться над почтенными людьми, которые тебя и за человека-то не считают. Или, думаешь, я очень смотрю на твои желтые колечки, которые ты у подружки стащил? Да поможет мне Оккупон! Пойдем на форум и начнем деньги занимать. Увидишь, как велико доверие к моему железному кольцу. Да, хорош ты, лисица намокшая! Пусть у меня не будет барыша и пусть я не умру так, чтобы люди клялись моей кончиной, если я не буду преследовать тебя до последней крайности. Хороша штучка и тот, кто тебя учил! Обезьяна, а не учитель! Мы другому учились. Наш учитель говорил, бывало: «Всё у вас в порядке? Марш по домам, да смотрите по сторонам не глазеть! Смотрите старших не осуждайте». А теперь — чепуха одна! Никто гроша не стоит! Я, каким ты меня видишь, всегда буду богов благодарить за свою науку.

Аскилт собрался было возразить на эти нападки, но Трималхион, восхищенный красноречием своего соотпущенника, сказал:

— Бросьте вы ссориться: лучше по-хорошему; а ты, Гермерот, извини юношу: у него молодая кровь кипит; ты же должен быть благоразумнее. В таких делах побеждает уступивший. Ведь и ты небось, когда был молоденьким петушком, — ко-ко-ко! — не мог удерживать сердца. Лучше будет, если мы все снова развеселимся да гомеристами позабавимся.

В это время, звонко ударяя копьями о щиты, вошла одна партия. Трималхион взгромоздился на подушки, и, пока гомеристы произносили, по своему наглому обыкновению, греческие стихи, он нараспев читал латинский текст.

— А вы знаете, что они изображают? — спросил он, когда наступило молчание. — Жили-были два брата — Диомед и Ганимед — с сестрою Еленой. Агамемнон похитил ее, а Диане подсунули лань. Так говорит нам Гомер о войне троянцев с парентийцами. Ну вот, Агамемнон победил и дочку свою Ифигению выдал за Ахилла; от этого Аякс помешался, как вам сейчас покажут.

Трималхион кончил, а гомеристы вдруг завопили во все горло, и тотчас же на серебряном блюде весом в двести фунтов был внесен вареный телянок со шлемом на голове. За ним следовал Аякс с обнаженным мечом, изображая сумасшедшего, и, рубя вдоль и поперек, насаживал куски на лезвие и раздавал изумленным гостям.

Не успели мы налюбоваться на эту изысканную затею, как вдруг потолок затрепал с таким грохотом, что затряслись стены триклиния. Я вскочил, испугавшись, что вот-вот с потолка свалится какой-нибудь фокусник; остальные гости, не менее удивленные, подняли головы, ожидая, какую новость возвестят нам небеса. Потолок разверзся, и огромный обруч, должно быть содранный с большой бочки, по кругу которого висели золотые венки и баночки с духами, начал медленно опускаться из отверстия. После того как нас попросили принять эти подарки, мы взглянули на стол.

Там уже стояло блюдо с пирожным; посреди него находился Приап из теста, держащий, по обычаю, в довольно широком подоле плоды всякого рода и виноград. Жадно накиннулись мы на гостинцы, но уже новая забава нас развеселила. Ибо из всех плодов, из всех пирожных при малейшем нажиме забили фонтаны шафрана, противные струи которого попадали нам прямо в рот. Полагая, что блюдо, окропленное этим ритуальным соком, должно быть священным, мы встали и громко воскликнули:

— Да здравствует Август, отец отечества!

Когда же после этой здравицы гости стали хватать плоды, то и мы набрали их полные салфетки. Особенно старался я, ибо никакой дар не казался мне достаточным, чтобы наполнить пазуху Гитона.

В это время вошли три мальчика в белых подпоясанных туниках; двое поставили на стол ларов с шариками на шее, третий же с кубком вина обошел весь стол, восклицая:

— Да будет над вами милость богов!

Трималхион сказал, что их зовут Добычником, Счастливчиком и Наживщиком. В это же время все целовали портрет Трималхиона, и мы не посмели отказаться.

После взаимных пожеланий доброго здоровья и хорошего расположения Трималхион посмотрел на Никерота и сказал:

— Ты обыкновенно бывал в более веселом настроении на пиру: не знаю, почему ты сегодня сидишь и не пикнешь? Прошу тебя, сделай мне удовольствие, расскажи, что с тобой приключилось?

— Пусть я барыша в глаза не увижу, — отвечал тронутый любезностью друга Никерот, — если я не ежеминутно радуюсь, видя тебя в добром расположении. Поэтому пусть будет весело, хоть я и побаиваюсь этих ученых: еще засмеют. Впрочем, все равно — расскажу; пусть хохочут: меня от смеха не убудет. Да к тому же лучше вызвать смех, чем насмешку.

«Эти изрекши слова», он рассказал следующее:

— Когда я был еще рабом, жили мы в узком маленьком переулочке. Теперь это дом Гавиллы. Там, по попущению богов, влюбился я в жену трактирщика Теренция; вы, наверно, знаете ее: Мелисса Тарентинка. Прелестнейшая пышка! Но я, ей-богу, любил ее не из похоти, не для любовной забавы, а за ее чудесный нрав. Чего бы у ней ни попросил — отказу нет. Заработает асс — половину мне. Я отдавал ей всё на сохранение и ни разу не был обманут. Ее сожитель преставился в деревне. Поэтому я и так и сяк, и думал и гадал, как бы попасть к ней. Ибо в нужде познаешь друга.

На мое счастье, хозяин по каким-то делам уехал в Капую. Воспользовавшись случаем, я уговорил нашего жильца проводить меня до пятого столба. Это был солдат, сильный, как Орк. Двинулись мы после первых петухов; луна всюю сияет, светло, как днем. Дошли до кладбища. Приятель мой остановился у памятников, а я похаживаю, напевая, и считаю могилы. Потом посмотрел на спутника, а он разделся и платье свое у дороги положил. У меня — душа в пятки: стою ни жив ни мертв. А он помочился возле одежды и вдруг обернулся волком. Не думайте, что я шучу: ничьего богатства не возьму, чтобы соврать. Так вот, превратился он в волка, завыл и ударился в лес!

Я спервоначала забыл, где я. Затем подошел, чтобы поднять его одежду — а она окаменела. Если кто тут перепугался до смерти, так это я. Однако вытащил я меч и всю дорогу рубил тени вплоть до самого дома моей милой. Вошел я белее привиденья. Едва дух

не испустил; пот с меня в три ручья льет, глаза закатились; еле в себя пришел... Мелисса моя удивилась, почему я так поздно.

— Приди ты раньше, — сказала она, — ты бы по крайней мере нам пособил: волк ворвался в усадьбу и весь скот передошил; словно мясник, кровь им выпустил. Но хотя он и удрал, однако и ему не поздоровилось: один из рабов копьём шею ему проткнул.

Когда я это услышал, то уж и глаз сомкнуть не мог и при первом свете побежал быстрее ограбленного шинкаря в дом нашего Гая. Когда поровнялся с местом, где окаменела одежда, вижу: кровь и больше ничего. Пришел я домой. Лежит мой солдат в постели, как бык, а врач лечит ему шею. Я понял, что он оборотень, и с тех пор куска хлеба съесть с ним не мог, хоть убейте меня. Всякий волен думать о моем рассказе, что хочет, но да прогневаются на меня ваши гении, если я соврал.

Все молчали, пораженные.

— Не прими во зло, но только у меня, честное слово, от твоего рассказа волосы дыбом встали, — заговорил, наконец, Трималхион. — Я знаю, Никерот попусту языком трепать не станет. Человек он верный и уж никак не болтун. Да и я могу рассказать вам страшную историю; она что твой осел на крыше. Был я тогда эфебом, — ибо уж с детских лет жил в свое удовольствие. И вот у «самого» умирает любимчик, мальчик-прелесть по всем статьям, сущая жемчужина, ей-богу. В то время как мать бедняжка оплакивала его, а все мы сидели вокруг тела носы повесивши, вдруг завизжали ведьмы, словно собаки зайца рвут. Был среди нас каппадокиец, мужчина основательный, силач и храбрец, который мог бы разъяренного быка поднять. Он, вынув меч и обмотав руку плащом, смело выбежал за двери и пронзил женщину приблизительно в этом месте — да будет здорово, где я трогаю. Мы слышали стоны, но — врать не хочу — ее самой не видали.

Наш долговязый, вернувшись, бросился на кровать, и все тело у него было покрыто подтеками, словно его ремнями били, так, видите ли, отделала его нечистая сила. Мы, заперев двери, вернулись к нашей печальной обязанности, но, когда мать обняла тело сына, она нашла только соломенное чучело: ни внутренностей, ни сердца — ничего! Конечно, ведьмы утащили тело мальчика

и взамен подсунули соломенного фофана. Уж вы извольте мне верить: есть женщины-ведьмы, ночные колдуньи, которые все вверх дном ставят. А долговязый навсегда после этого потерял краску в лице и несколько дней спустя умер в безумии.

Пораженные и вполне веря рассказу, мы поцеловали стол, заклиная Ночных сидеть дома, когда мы будем возвращаться с пира.

Тут у меня светильники в глазах стали двоиться, а триклиний кругом пошел. Но в это время Трималхион сказал:

— А ты, тебе говорю, Плокам, почему ничего не расскажешь? Почему нас не позабавишь? Ты, бывало, веселее всех за столом — и диалоги прекрасно представляешь и песни поешь. Увы, увы! прошло то время золотое.

— Ох, — ответил он, — прибегались мои колесницы с тех пор, как у меня подагра; а в прежние дни, когда еще парнишкой был, я от пения чуть в сухотку не впал. Кто лучше меня танцевал? Кто диалоги и цирюльню представлять умел? Разве один Апеллет — и никто больше!

Засунув пальцы в рот, он засвистал что-то отвратительное, уверяя потом, что это греческая штука; Трималхион же, в свою очередь изобразив флейтиста, обернулся к своему любимцу, по имени Крезу. Этот мальчишка с гноящимися глазами и грязнейшими зубами между тем повязал зеленым платком брюхо черной сучки, до неприличия толстой, и, положив на ложе половину каравая, пичкал ее, хотя она давилась. При виде этого Трималхион вспомнил о Скилаке — «защитнике дома и присных» — и приказал его привести.

Тотчас же привели огромного пса на цепи; привратник пихнул его ногой, чтобы он лег, и собака расположилась перед столом.

— Никто меня в доме не любит так, как он, — сказал Трималхион, размахивая куском белого хлеба.

Мальчишка, рассердившись, что так сильно похвалили Скилака, спустил на землю свою сучку и принялся науськивать ее на пса. Скилак, по собачьему своему обычаю, наполнил триклиний ужасающим лаем и едва не разорвал в клочки Жемчужину Креза. Но переполох не ограничился собачьей грызней: возясь, они опро-

кинули канделябр, который, упав на стол, расколол все хрустальные сосуды и обрызгал гостей кипящим маслом. Трималхион, чтобы не показалось, будто его огорчила эта потеря, поцеловал мальчика и приказал ему взобраться себе на плечи. Тот, не раздумывая долго, живо оседлал хозяина и принялся ударять его по плечам, приговаривая сквозь смех:

— Щечка, щечка, сколько нас?

Некоторое время Трималхион терпеливо сносил это издевательство. Потом приказал налить вина в большую чашу и дать выпить сидевшим в ногах рабам, прибавив при этом:

— Если кто пить не станет, вылей ему на голову. Делу время, но и потехе час.

За этим проявлением человеколюбия последовали такие лакомства, что — верьте, не верьте — мне и теперь, при воспоминании, дурно делается: вместо дроздов нас обносили жирными пулянками и гусиными яйцами в гарнире, причем Трималхион важным тоном просил нас есть, говоря, что из кур вынуты все кости.

Вдруг в двери триклиния постучал ликтор, и вошел в белой одежде, в сопровождении большой свиты, новый сотрапезник. Пораженный его величием, я вообразил, что пожаловал претор, и потому хотел было вскочить с ложа и спустить на землю босые ноги. Но Агамемнон посмеялся над моей почтительностью и сказал:

— Сиди, глупый ты человек. Это — Габинна, сефир, он же и каменотес. Говорят, превосходно делает надгробные памятники.

Успокоенный этим объяснением, я снова возлег и с превеликим изумлением стал рассматривать вошедшего Габинну. Он же, изрядно выпивший, опирался на плечи своей жены; на голове его красовалось несколько венков; духи с них потоками струились по лбу и попадали ему в глаза; он разлегся на преторском месте и немедленно потребовал себе вина и теплой воды. Заразившись его веселым настроением, Трималхион спросил себе кубок побольше и осведомился, как принимали Габинну.

— Все у нас было, кроме тебя, — отвечал тот. — Душа моя была с вами; а в общем было прекрасно. Сдисса правила девятидневную тризну по бедному своему рабу, которого она после смерти

отпустила на волю; думаю, что у Сциссы будет большая возня с собирателями двадесятины: покойника-то ведь оценивают в пятьдесят тысяч. Все, однако, было очень мило, хоть и пришлось половину вина вылить на его косточки.

— Ну, а что же подавали? — спросил Трималхион.

— Перечислю все, что смогу, — ответил Габинна, — память у меня такая хорошая, что я собственное имя частенько забываю. На первое была свинья с колбасой вместо венка, а кругом — чудесно изготовленные потроха и сладкое пюре и, разумеется, домашний хлеб-самопек, какой я предпочитаю белому: он и силы придает, и, когда за нуждой хожу, я на него не жалуюсь. Потом подавали холодный пирог и превосходное испанское вино, смешанное с горячим медом. Поэтому я и пирога съел немалую толику и меда до жадной души выпил. Приправой служили: горох, волчьи бобы, орехов сколько угодно и по одному яблоку на гостя; мне, однако, удалось стащить парочку — вот они в салфетке; потому, если не принесу гостинца моему любимчику, здорово мне попадет. Ах да, госпожа моя мне очень кстати напоминает: под конец подали медвежатину, которой Сцинтилла неосторожно попробовала и чуть не изрыгнула всех своих внутренностей. Я же, напротив, целый фунт съел, потому что на кабана очень похоже.

Ведь, говорю я, медведь пожирает людишек; тем паче подлежит людишкам пожирать медведя. Затем были еще: мягкий сыр, море, по улитке на брата и печенка в глиняных чашечках, и яйца в гарнире, и рубленые кишки, и репа, и горчица, и рагу с подливой.

Ах да! Потом еще обносили тмином в лохани; некоторые бесстыдно взяли по три пригоршни. Но уж окороку мы отпускную дали. Однако, Гай, скажи, пожалуйста, почему Фортуната не за столом?

— Почему? — ответил Трималхион. — Разве ты ее не знаешь? Пока всего серебра не пересчитает, пока не раздаст объедков рабам — воды в рот не возьмет.

— Ну-с, — сказал Габинна, — если она не возляжет — до свиданья, я исчезаю! — И он попробовал подняться с ложа; но, по знаку Трималхиона, вся челядь четверократно позвала Фортунату.

Она явилась в платье, подпоясанном желтым кушаком так, что снизу была видна туника вишневого цвета, витые запястья и золоченные туфли. Вытерев руки висевшим у нее на шее платком, она устроилась на том же ложе, где возлежала жена Габинны, Сцинтилла, захлопавшая в ладоши, и, поцеловав ее, воскликнула:

— Тебя ли я вижу?

Дело скоро дошло до того, что Фортуната сняла со своих жирных рук браслеты и принялась хвастаться ими перед восхищенной Сцинтиллой. Наконец, она и ножные браслеты сняла, и головную сетку тоже, про которую уверяла, будто она из червонного золота. Тут Трималхион это заметил и приказал принести все ее драгоценности.

— Посмотрите, — сказал он, — на эти женские цепи! Вот как нас, дураков, разоряют! Ведь этакая штука фунтов шесть с половиной весит; положим, у меня у самого есть запястье, весящее десять.

Под конец, чтобы не думали, что он врет, Трималхион приказал подать весы и обнести кругом стола для проверки веса.

Сцинтилла оказалась не лучше: она сняла с шеи золотую ладанку, которую она называла Счастливицей; затем вытащила из ушей серьги и в свою очередь показала Фортунате.

— Благодаря доброте моего господина, — говорила она, — ни у кого лучших нет.

— Э, что там! — сказал Габинна. — Ты же из меня всю душу вытянула, чтобы я купил тебе эти стеклянные висюльки! Будь у меня дочка, я бы ей уши отрезал. Если бы не женщины, все было бы дешевле грязи; а теперь — «мочись теплым, а пей холодное».

Между тем уязвленные женщины над чем-то тихонько хихикали, обмениваясь пьяными поцелуями: одна хвасталась хозяйственностью и домовитостью, а другая жаловалась на проказы и беспечность мужа. Но пока они обнимались, Габинна, незаметно приподнявшись, вдруг обхватил ноги Фортунаты и поднял их на ложе.

— Ай, ай! — завизжала та, увидев, что туника ее задралась выше колен. И, бросившись в объятия Сцинтиллы, она закрыла платочком лицо, разгоревшееся от стыда.

Когда после небольшого перерыва Трималхион приказал вторично накрыть на стол, рабы сняли все столы и принесли новые, а пол посыпали окрашенными шафраном и киноварью опилками и — чего я раньше нигде не видывал — толченой слюдой.

— Ну, — сказал Трималхион, — на этом я мог бы и прекратить угощение, потому что вторую перемену для вас подают. Итак, если есть там что хорошенькое, тащи сюда.

Между тем александрийский мальчик, заведовавший горячей водой, защелкал, подражая соловью.

— Переменить! — вскоре закричал Трималхион, и вмиг появилась другая забава. Раб, сидевший в ногах Габинны, думаю, по приказанию своего хозяина, вдруг заголосил нараспев:

«Флот Энея меж тем уж вышел в открытое море...»

Никогда еще более режущий звук не раздирал моих ушей, потому что, помимо варварских ошибок и то громкого, то придушенного крика, он еще примешивал к тексту стихи из ателлан; тут впервые сам Вергилий мне показался противным.

Тем не менее, когда он, наконец, замолчал, Габинна захлопал и сказал:

— А ведь нигде не учился! Я его посылал на выучку к базарным разносчикам; как примется представлять погонщиков мулов или разносчиков — нет ему равного. Вообще он малый на все руки: он и пекарь, он и сапожник, он и повар — слуга всех муз. Не будь у него двух пороков, был бы просто совершенством: он обрезан и во сне храпит. Что косой — наплевать: глядит, как Венера. Поэтому ни о чем не может умолчать. Редко когда глаза смыкает. Я заплатил за него триста денариев.

— О, — вмешалась в разговор Сцинтилла, — ты не все еще искусства негодного раба пересчитал. Блудник он; я не я буду, если его не заклеят.

— Узнаю каппадокийца, — со смехом сказал Трималхион, — никогда ни в чем себе не откажет, и, клянусь богами, я его за это хвалю, этого тебе никто в могилу не положит. Ты же, Сцинтилла, ревность оставь. Поверь мне, мы вашу сестру тоже достаточно знаем. Помереть мне на этом месте, если я в свое время

не игрывал с хозяйкой, да так, что «сам» заподозрил и отправил меня в деревню. Но... «молчи язык, хлеба дам»!

Приняв эти слова за поощрение, негодный раб вытащил из-за пазухи глиняный светильник и с полчаса дудел, изображая флейтиста: Габинна вторил ему, играя на губах. В конце концов раб вылез на середину и принялся кривляться еще пуще; то, схватив выдолбленные тростинки, передразнивал музыкантов, то, завернувшись в лацнеру, с бичом в руке изображал сцены из быта погонщиков мулов. Наконец, Габинна подозвал его к себе, поделовал и, протянув ему кубок, присовокупил:

— Все лучше и лучше, Масса. Подарю тебе башмаки.

Никогда бы, кажется, не кончилось это мучение, если бы не подали десерт — дроздов-пшеничников, начиненных орехами и изюмом. За ними последовали кидонские яблоки, утыканные иглами наподобие ежей. Все это было еще переносимо. Но вот притащили блюдо, столь чудовищное, что, казалось, лучше с голоду помереть. По виду это был жирный гусь, окруженный всевозможной рыбой и птицей.

— Все, что вы здесь видите, — сказал Трималхион, — из одного вещества сделано.

Я, догадливейший из людей, сразу сообразил, в чем дело.

— Буду очень удивлен, — сказал я, наклонившись к Агамемнону, — если все это не сработано из навоза или по меньшей мере из глины. В Риме, на сатурналиях, мне случалось видеть такие подобию кушаний.

Не успел я вымолвить этих слов, как Трималхион сказал:

— Пусть я разбухну, а не разбогатею, если мой повар не сделал всего этого из свинины. Дорогого стоит этот человек. Захоти только, и он тебе из свиной матки смастерит рыбу, из сала — голубя, из окорока — горлинку, из бедер — курицу; и к тому же, по моему измышлению, имя ему наречено превосходное: он зовется Дедалом. Чтобы вознаградить его за хорошее поведение, я ему выписал из Рима подарок — ножи из норийского железа.

Сейчас же он велел принести эти ножи и долго ими любовался; потом и нам позволили испробовать их остроту, прикладывая лезвие к щекам.

Вдруг вбежали два раба с таким видом, точно они поссорились у водоема, по крайней мере оба несли на плечах амфоры. Тщетно пытался Трималхион рассудить их: они продолжали ссориться и совсем не желали подчиниться его решению; наконец, один другому одновременно разбили палками амфоры. Пораженные невежеством этих пьяниц, мы усталились на драчунов и увидели, что из чрева амфор вывалились устрицы и ракушки, которые раб подобрал, разложил на блюде и стал обносить кругом. Искусный повар еще увеличил это великолепие: он принес на серебряной сковородке жареных улиток, напевая при этом дребезжащим и весьма отвратительным голосом.

Затем началось такое, просто стыдно рассказывать: по какому-то неслыханному обычаю кудрявые мальчики принесли духи в серебряном тазу и натерли ими ноги возлежавших, предварительно опутав голени от колена до самой пятки цветочными гирляндами. Остатки этих же духов были вылиты в сосуды с вином и светильники. Уже Фортуната стала приплясывать, уже Сцинтилла чаще рукоплескала, чем говорила, когда Трималхион закричал:

— Филаргир и Карион, хоть ты и завзятый «зеленый», позволяю вам возлечь; и сожительнице твоей Менофиле скажи, чтобы она тоже возлегла.

Чего еще больше? Челядь переполнила триклиний, так что нас едва не сбросили с ложа. Я узнал повара, который из свиный гуся делал. Он возлег выше меня, и от него разило подливкой и приправами. Не довольствуясь тем, что его за стол посадили, он принялся передразнивать трагика Эфеса и все время подзадоривал своего господина биться об заклад, утверждая, что зеленые на ближайших играх удержат за собой пальму первенства.

— Друзья, — сказал восхищенный этим пререканием Трималхион, — рабы — тоже люди: одним с нами молоком вскормлены, и не виноваты они, что рок их обездолил. Однако, по моей милости, скоро все напьются вольной воды. Я их всех в завещании своем отпускаю на свободу. Филаргиру, кроме того, отказываю его сожительницу и поместье. Кариону — домик, и двадцатину, и кровать с постелью. Фортунату же делаю главной наследницей и поручаю ее всем друзьям моим. Всё это я сейчас объявляю затем,

чтобы челядь меня уже теперь любила так же, как будет любить когда я умру.

Все принялись благодарить хозяина за его благодеяния; он же, оставив шутки, велел принести экземпляр завещания и посреди вопля домочадцев прочел его от начала до конца. Потом, переведя взгляд на Габинну, проговорил:

— Что скажешь, друг сердечный? Ведь ты воздвигнешь надо мной памятник, как я тебе заказал? Я очень прошу тебя, изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с благовониями и все бои Петраита, чтобы я, по милости твоей, еще и после смерти пожил. Вообще же памятник будет по фасаду сто футов, а по бокам — двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширный виноградник. Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому, прежде всего, желаю, чтобы в завещании было помечено:

ЭТОТ МОНУМЕНТ НАСЛЕДОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Впрочем, это уже не мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после смерти не претерпел обиды. Поставлю кого-нибудь из вольноотпущенников моих стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ за нуждой не бегал. Прошу тебя также вырезать на фронтоне мавзолея корабли, на всех парусах идущие, а я будто в тоге-претексте на трибуне восседаю с пятью золотыми кольцами на руках и из кошелька рассыпаю в народ деньги. Ибо, как тебе известно, я устроил общественную трапезу по два денария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возможным, изобразить и самую трапезу и все гражданство, как оно ест и пьет в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкою, и пусть она на цепочке собачку держит. Мальчишечку моего также, а главное побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало. Конечно, изобрази и урну разбитую и отрока, над ней рыдающего. В середине — часы, так, чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей-неволей прочел мое имя. Что касается надписи, то вот прослушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша, по твоему мнению:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
Г. ПОМПЕЙ ТРИМАЛХИОН МЕЦЕНАТИАН
ЕМУ ЗАОЧНО БЫЛ ПРИСУЖДЕН ПОЧЕТНЫЙ СЕВИРАТ
ОН МОГ БЫ УКРАСИТЬ СОБОЙ ЛЮБУЮ ДЕКУРИЮ РИМА
НО НЕ ПОЖЕЛАЛ
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ МУДРЫЙ ВЕРНЫЙ ОН ВЫШЕЛ
ИЗ МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ ОСТАВИЛ ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ
СЕСТЕРЦИЕВ И НИКОГДА НЕ СЛУШАЛ НИ ОДНОГО
ФИЛОСОФА
БУДЬ ЗДОРОВ И ТЫ ТАКЖЕ

Окончив чтение, Трималхион заплакал в три ручья. Плакала Фортуната, плакал Габинна, а затем и вся челядь наполнила триклиний рыданиями, словно ее уже позвали на похороны. Наконец, даже и я готов был расплакаться, как вдруг Трималхион сказал:

— Итак, если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам сейчас не пожить в свое удовольствие? Будьте же все здоровы и веселы! Махнем-ка все в баню: на мой риск! Не раскаетесь! Нагрелась она, словно печь.

— Правильно! — закричал Габинна. — Если я что люблю, так это из одного дня два делать. — Он соскочил с ложа босой и последовал за развеселившимся Трималхионом.

— Что скажешь? — обратился я к Аскилту. — Я умру от одного вида бани.

— Соглашайся, — ответил он, — а когда они направятся в баню, мы в суматохе убежим.

На этом мы сговорились и, проведенные под портиком Гитоном, достигли выхода; там залаял на нас цепной пес так страшно, что Аскилт свалился в водоем. Я был изрядно выпивши, да к тому же я давеча и нарисованной собаки испугался, поэтому, помогая утопающему, я сам низвергся в ту же пучину. Спас нас дворецкий, который и пса унял и нас, дрожащих, вытащил на сушу. Гитон же еще раньше ловким приемом сумел спастись от собаки: все, что получил он от нас на пиру, он бросил горлану, и тот, увлеченный едой, успокоился. Когда мы, дрожа от холода, попросили домоправителя вывести нас за ворота, он ответил:

— Ошибаетесь, думая, что можете уйти так же, как и пришли. Никого из гостей не выпускают через те же самые двери. В одни приходят, в другие уходят.

Что было делать нам, несчастным, в сей новый лабиринт заключенным, так что даже баня стала для нас желанной? Поневоле попросили мы, чтобы нас провели туда. Сняв одежду, которую Гитон развесил у входа сушиться, мы вошли в баню, как оказалось, узкую и похожую на цистерну для холодной воды, где стоял Трималхион, вытянувшись во весь рост. И здесь не удалось избежать его отвратительного бахвальства: он говорил, что ничего нет лучше, как купаться вдали от толпы, и что здесь раньше была пекарня. Наконец, устав, он уселся и, заинтересовавшись эхом в бане, поднял к потолку свою пьяную рожу и принялся насиловать песни Менекрата, как говорили те, кто еще понимал его речь. Некоторые из гостей, взявшись за руки, с громким пением водили хороводы вокруг ванны. Другие, со связанными за спиной руками, пытались поднимать с пола кольца; третьи, став на колени, загибали назад голову, пытаясь ею достать пальцы на ногах. Покуда другие так забавлялись, мы пошли в гревшуюся для Трималхиона ванну. Когда все немножко протрезвились, нас проводили в другой триклиний, где Фортуната разложила все свои богатства и где я заметил над светильниками бронзовые фигурки рыбаков, а также столы из чистого серебра, и глиняные позолоченные кубки, и мех, из которого на глазах выливалось вино.

— Друзья, — сказал Трималхион, — сегодня впервые обрился один из моих рабов, человек достойный, порядочный и скопидом. Итак, будем нировать до рассвета и веселиться.

Слова его были прерваны криком петуха, услышав который, Трималхион приказал полить вином столы и обрызгать светильники; затем надел кольцо с левой руки на правую.

— Не зря, — сказал он, — подал нам знак этот глашатай: либо пожара надо ожидать, либо кто-нибудь по соседству дух испустит. Дальше от нас! Кто принесет мне этого вестника, того я награжу.

Не успел он кончить, как уже притащили соседского петуха, и Трималхион приказал немедленно сварить его. Тотчас же петух был разрублен тем самым поваром-искусником, который птиц и рыб из свинины делал, и брошен в горшок.

Пока Дедал пробовал кипящее варево, Фортуната молола перец на маленькой буксовой мельнице. Когда и это угощение было съедено, Трималхион обратился к рабам:

— А вы еще не обедали? Ступайте! Пускай вас другие сменяют! Сейчас же ввалилась новая смена рабов. Уходящие кричали:

— Прощай, Гай!

Входящие:

— Здравствуй, Гай!

Тут впервые омрачилось наше веселье, ибо среди вновь пришедших рабов был довольно хорошенький мальчик. Трималхион устремился к нему и принялся целовать его в засос.

Фортуната, на том основании, что «право правдой крепко», принялась ругать Трималхиона отбросом и срамником, который не может сдержатъ своей похоти. И под конец прибавила:

— Собака!

Трималхион, смущенный и обозленный этой бранью, швырнул ей в лицо чашу. Она завопила, словно ей глаз вышибли, и дрожащими руками закрыла лицо. Сдинтилла тоже струсил и прикрыла испуганную Фортунату своей грудью. Услужливый мальчик поднес к ее подбитой щеке холодный кувшинчик; приложив его к больному месту, Фортуната начала плакать и стонать.

— Как? — завопил рассерженный Трималхион. — Как? Эта уличная арфистка не помнит, что я ее взял с подмостков работноговца и в люди вывел? Ишь надулась, как лягушка, и за пазуху себе не плюет; колода, а не женщина! Однако рожденным в лачуге о дворцах мечтать не пристало. Пусть мне так поможет мой гений, как я эту доморощенную Кассандру образумлю. Ведь я, простофиля, мог стомиллионную партию найти. Ты знаешь, что я не лгу. Агафон, парфюмер соседней госпожи, соблазнял меня: «Советую тебе, не давай своему роду угаснуть». А я, добряк, чтобы не показаться легкомысленным, сам себе ноги топором подрубил. Хорошо же, уж я позабочусь, чтобы ты, когда я умру, из земли ногтями меня выкопать захотела; а чтобы ты теперь же поняла, до чего ты довела себя, — я не желаю, Габинна, чтобы ты помещал ее статую на моей гробнице, а то и в могиле покоя мне не будет; мало того, пусть знает, как меня обижать, — не хочу я, чтоб она меня мертвого целовала.

Когда Трималхионовы громы поутихли, Габинна стал уговаривать его сменить гнев на милость.

— Кто из нас без греха, — говорил он, — все мы люди, не боги.

Сцентилла тоже со слезами, заклиная гением и называя Гаем, просила его умиловаться.

— Габинна, — сказал Трималхион, не в силах удержать слезы, — прошу тебя, во имя твоего благоденствия, плюнь мне в лицо, если я что недолжное сделал. Я поцеловал славного мальчика не за красоту его, а потому, что он усерден: десятичный счет знает, читает свободно, не по складам, сделал себе на суточные деньги фракийский наряд и на свой счет купил кресло и два горшочка. Разве не стоит он моей ласки? А Фортуната не позволяет. Что тебе тут представилось, даца надутая? Советую тебе переварить это, сарыга, и не вводить меня во гнев, милочка, а то отведаешь моего норова. Ты меня знаешь: что я решил, то гвоздем прибито. Но вспомним лучше о жизненных удовольствиях. Веселитесь, прошу вас, друзья; ибо я таким же, как вы, был, да вот своим умом до всего дошел. Смекалка делает человеком — все остальное чепуха. Хорошо купишь, хорошо продашь. Пусть другой вам другое скажет. Я лопаюсь от счастья. А ты, нюня, все еще плачешь? погоди, ты у меня еще о судьбе своей поплачешь. Да, как я вам уже говорил, своему благоразумию обязан я богатством.

Из Азии приехал я не больше вон этого подсвечника, даже каждый день по нему рост свой мерил; чтоб борода скорей росла, верхнюю губу ламповым маслом смазывал. Четырнадцать лет поженски был любезным моему хозяину; ничего тут постыдного нет — хозяйский приказ. И хозяйку ублажал тоже. Понимаете, что я хочу сказать. Но умолкаю, ибо я не из хвастунов.

Итак, с помощью богов я стал хозяином в доме; заполнил сердце господина. Чего больше? Хозяин сделал меня сонаследником Цезаря. Получил я сенаторскую вотчину. Но человек никогда не бывает доволен: вздумалось мне торговать. Чтобы не затягивать рассказа, скажу коротко: снарядил я пять кораблей. Вином нагрузил, — оно тогда на вес золота было, — и в Рим отправил. Но подумайте, какая неудача: все потонуло. Не выдумка, а факт: в один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерциев. Вы думаете, я пал духом? Ей-ей, я даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем не бывало снарядил другие корабли, больше, крепче и

удачнее, так что никто меня за слабого человека почести не смог. Знаете, чем больше корабль, тем он крепче. Опять нагрузил я их вином, свининой, благовониями, рабами. Тут Фортуната доброе дело сделала: продала все свои драгоценности, все свои наряды и мне сто золотых в руку положила. Это были дрожжи моего богатства.

Чего боги хотят, то быстро делается. В первую же поездку округлил я десять миллионов. Тотчас же выкупил я все прежние земли моего патрона. Домик построил, рабов, скота накупил; к чему бы я ни прикасался, все вырастало, как медовый сот. А когда стал богаче, чем весь город, тогда — руки прочь: торговлю бросил и стал вести дела через вольноотпущенников. Я вообще от всяких дел хотел отстраниться, да отговорил меня подвернувшийся тут случайно звездочет-гречёнок по имени Серапа, человек поистине боговдохновенный. Он мне все сказал, даже то, что я сам позабыл, все мне до нитки и игольного ушка выложил; насквозь меня видел; недоставало только, чтобы он мне сказал, что я ел вчера. Подумаешь, он всю жизнь со мной прожил.

Но помнишь, Габинна, ты, кажется, при этом присутствовал, как он сказал мне: «Ты таким-то образом пленил свою госпожу. Ты несчастлив в друзьях. Никто тебе не воздаёт должной благодарности. Ты владелец огромных поместий. Ты отогреваешь на груди своей змею».

Чего я вам ещё не рассказал? Ах да, он предсказал, что мне осталось жить тридцать лет, четыре месяца и два дня. Кроме того, я скоро получу наследство. Вот какова моя судьба. И если удастся мне ещё до самой Апулии имения расширить, тогда могу сказать, что я довольно пожил. Между тем пока Меркурий бдит, я этот дом перестроил: помните, хижина была, а теперь — храм. В нём четыре столовых, двадцать спален, два мраморных портика; во втором этаже ещё помещение; затем моя собственная опочивальня, логово этой гадюки, прекраснейшая каморка для привратника, есть помещение для гостей.

Одним словом, когда Скавр приезжал, нигде, кроме меня, не пожелал остановиться, хотя у его отца есть наследственное подворье у самого моря. Много ещё имеется в этом доме — я вам все сейчас покажу. Верьте мне: асс у тебя есть, асса ты стоишь.

Имеешь, еще иметь будешь. Так-то и ваш друг: был лягушкой, стал царем. Ну, а теперь, Стих, притащи сюда одежду, в которой меня погребать будут. И благовония из той амфоры, из которой я велел омыть мои останки.

Стих не замедлил принести в триклиний белое покрывало и тогу с пурпурной каймой.

Трималхион потребовал, чтобы мы на ощупь попробовали, добротна ли шерсть.

— Смотри, Стих, — прибавил он улыбаясь, — чтобы ни моль, ни мыши не испортили моего погребального убора, не то живьем сожгу. Желаю, чтобы с честью меня похоронили и все гражданство чтоб добром меня поминало.

Сейчас же откупорил он склянку с нардом и нас всех обрызгал.

— Надеюсь, — сказал он, — что и мертвому это мне такое же удовольствие доставит, как живому.

Затем приказал налить вина в большой сосуд.

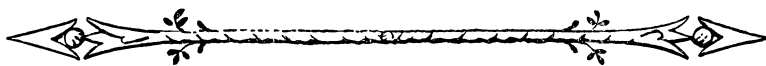
— Вообразите, — заявил он, — что вас на мою тризну позвали.

Дело дошло до полной тошнотворности, когда Трималхион, омерзительно пьяный, выдумал новое развлечение, приказав ввести в триклиний трубачей. Навалив на крайнее ложе целую груду подушек, он разлегся на них и заявил:

— Представьте себе, что я умер. Скажите по сему случаю что-нибудь хорошее.

Трубачи затрубили похоронную песню. Особенно старался раб того распорядителя похорон, который был здесь почтеннее всех. Он затрубил так громко, что перебудил всех соседей. Стражники, сторожившие этот околоток, вообразив, что дом Трималхиона горит, внезапно разбили дверь и принялись орудовать водой и топорами, как полагается. Мы, воспользовавшись случаем, бросили Агамемнона и пустились бежать, словно от настоящего пожара.

ЮВЕНАЛ

САТИРЫ

САТИРА ПЕРВАЯ

олго мне слушать еще? Неужели же не отплачу я,
Вовсе измученный сам «Тезеидой» охрипшего Корда?
Иль безнаказанно будут читать мне — элегии этот,
Тот же — тогаты? Займет целый день «Телеф»

бесконечный

Или «Орест», что полей не оставил в исписанной книге,
Занял изнанку страниц и все же еще не окончен?
Я ведь совсем у себя как дома в Марсовой роще
Или в пещере Вулкана, соседней с утесом Эола.

Чем занимаются ветры, какие Эак истязает
10 Тени, откуда крадут и увозят руно золотое,
Что за огромные ясени мечет Мониx по лапифам, —
Вот о чем вечно кричат платаны Фронтонa, и мрамор,
Шаткий уже, и колонны, все в трещинах от декламаций:
Эти приемы одни — у больших и у малых поэтов.
Ну, так и мы — отнимали же руку от розги, и мы ведь
Сулле давали совет — спать спокойно, как частные лица;
Школу прошли! Когда столько писак расплодилось повсюду,
Глупо бумагу щадить, все равно обреченную смерти.
Но почему я избрал состязанье на поприще, где уж
20 Правил конями великий питомец Аврунки — Луцилий,
Я объясню, коль досуг у вас есть и терпение слушать.

Трудно сатир не писать, когда женится евнух раскисший,
Мевия тускского вепря разит и копьем потрясает,
Грудь обнажив; когда вызов бросает патрициям тот, кто
Звонко мне — юноше — брил мою бороду, ставшую жесткой;
Если какой-нибудь нильский прохвост, этот раб из Канопa,
Этот Криспин поправляет плечом свой пурпурный тирийский
Плащ и на потной руке все вращает кольцо золотое,
Будто не может снести от жары он тяжелого перстня,
30 Как тут сатир не писать? Кто настолько терпим к извращениям
Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться от гнева,
Встретив юриста Матона на новой лектике, что тушей
Всю заполняет своей, позади же — доносчик на друга
Близкого, быстро хватающий все, что осталось от крахов
Знатных людей: его Масса боится, его улещают
Кар и дрожащий Латин, свою подсылая Тимелу.
Здесь оттеснят тебя те, кто за ночь получает наследство,
Те, кого к небу несет наилучшим путем современным
Высших успехов — путем услуженья богатой старушке:
40 Унцийка у Прокулея, у Гилла одиннадцать унций, —
Каждому доля своя, соответственно силе мужчины.
Пусть получает награду за кровь — и бледнеет, как будто
Голой ногой наступил на змею или будто оратор,
Что принужден говорить перед жертвенником лугудунским.

- Ясно, каким раздраженьем пылает иссохшая печень,
Ежели давит людей толпой провожатых грабитель.
Мальчика, им развращенного, иль осужденный бесплодным
Постановленьем суда: что такое бесчестье — при деньгах?
Изгнанный Марий, богов прогневав, уже пьет спозаранку:
50 Он веселится — и стоном провинция правит победу.
Это ли мне не считать венусийской лампы достойным,
Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?
Путь Диомеда, Геракла, мычанье внутри Лабиринта
Или летящий Дедал и падение в море Икара?
Сводник добро у развратника взял, коли права наследства
Нет у жены, зато сводник смотреть в потолок научился
И наловчился за чашей храпеть недремлющим носом.
Ведь на когарту надежду питать считает законным
Тот, кто добро промотал на конюшни, лишился наследства
60 Предков, дорогой Фламиниевой мчась на своей колеснице
Автомедонтом младым, ибо вожжи держал самолично
Он, перед легкой девицей, одетой в люцерну, рисуясь.
Разве не хочется груду страниц на самом перекрестке
Враз исписать, когда видишь, как шестеро носят на шее
Видного всем отовсюду, совсем на открытом сиденье
К ложу склоненного мужа, похожего на Мецената, —
Делателя подписей на подлогах, что влажной печатью
На завещаньях доставил себе и известность и средства.
Там вон матрона, из знатных, готова в каленское с мягким
70 Вкусом вино подмешать для мужа отраву из жабы;
Лучше Лукусты она своих родственниц неискушенных
Учит под говор толпы хоронить почерневших супругов.
Хочешь ты кем-то прослыть? Так осмелся на то, что достойно
Малых Гиар да тюрьмы: восхваляется честность, но зябнет;
Лишь преступленьем себе наживают сады и палаты,
Яства, и старый прибор серебра, и кубки с козлами.
Даст ли спокойно уснуть вам скупой снохи совратитель
Или же гнусные жены да в детской одежде развратник?
Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем,
80 В меру уменья — будь стих это мой или стих Клувиена.

С самой потопы поры, когда при вздувшемся море
Девкалион на ладье всплыл на гору, судьбы пытая,
И понемногу согрелись дыханьем размякшие камни
И предложила мужам обнаженных девушек Пирра,
Всё, что ни делают люди, — желания, страх, наслажденья,
Радости, гнев и раздор, — все это начинка для книжки.
Разве когда-нибудь были запасы пороков обильней,
Пазуха жадности шире открыта была и имела
Наглость такую игра? Ведь нынче к костям не подходят,
⁹⁰ Взяв кошелёк, но, сундук на доску поставив, играют.
Что там за битвы увидишь при оруженосце-кассире!
Есть ли безумие хуже: сто тысяч сестерциев бросить
И не давать на одежду рабу, что от холода дрогнет?
Кто из отцов воздвигал столько вилл, кто в домашнем обеде
Семь перемен поедал? Теперь же на самом пороге
Ставят подачку, — ее расхищает толпа, что одета
В тоги. Однако сперва вам в лицо поглядят, опасаясь,
Не подставной ли пришел и не ложным ли именем просишь;
Признан, — получишь и ты. Чрез глашатая кличет хозяин
¹⁰⁰ Даже потомков троян: и они обивают пороги
Так же, как мы. «Вот претору дай, а потом и трибуну».
Вольноотпущенник — первый из нас: «Я раньше, мол, прибыл.
Что мне бояться и смело свое не отстаивать место:
Пусть я рожден у Евфрата, в ушах моих женские дырки, —
Сам я не спорю, но пять моих лавок четыреста тысяч
Прибыли мне принесут; что желаннее пурпур широкий
Даст, коль Корвин сторожит наемных овец в лаврентийском
Поле, а я — побогаче Палланта или Лицина».
Стало быть, пусть ожидают трибуны и пусть побеждают
¹¹⁰ Деньги: не должен же нам уступать в священном почете
Тот, кто недавно был в Рим приведен с ногой набеленной,
Раз между нами священной всего — величие денег.
Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,
Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам не создан
Култ, как Верности, Миру, как Доблести, или Победе,
Или Согласью, что щелкает нам из гнезда на приветы.

Если ж почтенный патрон сосчитает в годичном итоге,
Сколько подачек сберег и много ль доходу прибавил, —
Что он клиентам дает, у которых и тога отсюда,

120 Обувь, и хлеб, и домашний огонь? За сотней квадрантов
Так и теснятся носилки, и жены идут за мужьями —
Хворая эта, беременна та, — всюду тянутся жены.
Муж, наторевший в привычном искусстве, для той, кого нету,
Просит, а вместо жены — пустое закрытое кресло:
«Галла моя, говорит, поскорей отпусти; что ты медлишь?
Галла, лицо покажи! Не тревожьте ее, — отдыхает».

Распределяется день примерно в таком вот порядке:
Утром подачка, там форум, потом Аполлон-юрисконсульт,
Статуи знавших триумф, и меж ними нахальная надпись
130 То из Египта неведомых лиц, а то арабарха,
Перед которым не грех помочиться, а может, и хуже.
Вот уж из сéней уходят, устав, пожилые клиенты.
Как ни живуча у них надежда авось пообедать,
Но расстаются с мечтой, покупают дрова и капусту,
Их же патрон будет жрать между тем все, что лучшего шлет нам
Лес или море, и сам возлежать на просторных подушках:
Ибо со скольких прекрасных столов, и широких и древних,
Так вот в единый присест проедают сразу наследства.
Если ж не будет совсем паразитов, то кто перенес бы
140 Роскоши скупость такую? И что это будет за глотка
Целых глотать кабанов — животных, рожденных для пиршеств?
Впрочем, возмездье придет, когда ты снимешь одежду,
Брюхо набив, или в баню пойдешь, объевшись павлином.
Без завещания старость отсюда, внезапные смерти,
И — для любого обеда совсем не печальная новость —
Тело несут среди мрачных друзей и на радость народу.

Нечего будет прибавить потомству к таким нравам
Нашим: такие дела и желанья у внуков пребудут.
Всякий порок до предела дошел: используй же парус,
150 Всё полотно распускай! Но здесь ты, может быть, скажешь:
«Где же талант, равносильный предмету? Откуда у древних
Эта письмá прямота обо всем, что придет сгоряча им

В голову?» — Я не осмелюсь назвать какое-то имя?

Что мне за дело, простит или нет мои Муций намеки.

«Выставь-ка нам Тигеллина — и ты загорись, как факел,

Стоя ты будешь пылать и с пронзенною грудью дымиться,

Борозду вширь проводя по самой середине арены».

— Значит, кто дал аконит трем дядьям, тот может с носилок

Нас презирать, поглядев с высоты своих мягких подушек?

160 «Если ты встретишься с ним, — запечатай уста себе пальцем:

Тотчас же он донесет, коль слово вымолвишь: «Вот он!»

Сталкивать можно спокойно Энея с Рутулом диким,

Не огорчится никто несчастною долей Ахилла

Или пропавшего Гила, ушедшего под воду с урной;

Только взмахнет как мечом обнаженным пылкий Луцилий, —

Сразу краснеет пред ним охладевший от преступления

Сердцем, и пот прошибет виновника тайных деяний.

Слезы отсюда и гнев. Поэтому раньше обдумай

Это в душе своей, после ж труби; а в племе уж поздно

170 Схватки бежать». — Попробую, что позволительно против

Тех, кого пепел зарыт на Фламиньевой или Латинской.

САТИРА ВТОРАЯ

учше отсюда бежать — к ледяному хотя б океану,
За савроматов, лишь только дерзнут заикнуться
о нравах

Те, что себя выдают за Куриев, сами ж — вакханты:

Вовсе невежды они, хотя и найдешь ты повсюду

Гипсы с Хрисиппом у них; а всех совершеннее тот, кто

Купит портрет Аристотеля или Питтака, а также

Бюстам Клеанфа прикажет стеречь свои книжные полки.

Лицам доверия нет, — все наши улицы полны

Хмурых распутников; ты обличаешь позорное дело,

10 Сам же похабнее всех безобразников школы Сократа.

Правда, и шерсть у тебя на руках и косматые ноги

Дух непреклонный сулят, однакоже с гладкого зада

Врач у тебя отрезает, смеясь, бородавки большие.

Редко они говорят, велика у них похоть к молчанью;

Волосы бреют короче бровей. Архигалл Перибомий

Более их и правдив и честен: лицом и походкой

Он обличает порочность свою, — судьба в том повинна;

Этих жалка простота, им в безумстве самом — извиненье.

Хуже их те, что порочность громят словесами Геракла,

20 О добродетели речи ведут — и задницей крутят.

«Ты, виляющий Секст, тебя ли я буду стыдиться?

Чем же я хуже тебя? — бесчестный Варилл его спросит. —

Над кривоногим смеется прямой, и над неграми — белый;

Разве терпимо, когда мятежом возмущаются Гракхи?

Кто же смешал бы небо с землей и моря с небесами,

Ежели Верресу вор не по праву, Милону — убийца.

Если развратников Клодий винит, Катилина — Цетега,

А триумвиры не терпят проскрипций учителя Суллы?»
Был соблазнитель такой, недавно запятнанный связью
30 Жуткою; восстанавливал он законы суровые; страшны
Были не только что людям они, но Венере и Марсу, —
При бесконечных абортах из плодного Юлии чрева,
Что извергало мясные комочки, схожие с дядей.
Значит, вполне по заслугам порочные все презируют
Деланных Скавров и, если задеть их, кусаются тоже.

Раз одного из таких не стерпела Ларония — мрачных,
Вечно взывающих: «Где ты, закон о развратниках? Дремлешь?»
Молвит с усмешкой ему: «Счастливое время, когда ты
Нравы блюдешь — вся столица теперь стыдливость познает:
40 Третий свалился Катон с небеси. Только где покупаешь
Этот бальзам ты, которым несет от твоей волосатой
Шеи? Не постыдись — укажи мне хозяина лавки.
Но уж когда ворошить и законы и правила, — прежде
Всех надо вызвать закон Скантинийев; раньше взгляни ты
Да испытай-ка мужчин: проступки их хуже, чем наши;
Но выступают они во множестве, сомкнутым строем, —
Кроет разврат круговая порука. Средь нашего пола
Ни одного не найдешь безобразного столь же примера:
Мевия — Клувия, Флора — Катулла вовсе не любят.
50 И вот Гиспон отдается юнцам, от двояких излишеств
Чахнет. Мы тяжб не ведем, не знаем гражданского права.
Ваши суды не волнуем каким бы то ни было шумом.
Женщины редки борцы и рубцами пытаются редко;
Вы же придете шерсть, наполняя мотками корзины;
Крутите лучше самой Пенелопы, ловчее Арахны
Веретено, на котором намотана тонкая нитка,
Как у любовницы грязной, сидящей на жалком чурбане.
Вот почему в завещанье вошел лишь отпущенник Гистра,
Много при жизни жене молодой отдававшего денег:
60 Будет богата она — сам-третей на широкой постели,
Замуж выходишь — молчи: драгоценности будут за тайну...
Так почему только нам приговор выносят суровый?
К воронам милостив суд, но он угнетает голубок».

- Тут от Ларонии слов, очевидно правдивых, бежали
В трепете Стои сыны; нагала она разве? Другие
Всё станут делать, раз ты надеваешь прозрачные ткани,
Кретик, и в этой одежде громишь, к удивленью народа,
Всяческих Прокул, Поллит. Фабулла — распутница, правда:
Хочешь — осудят ее, и Карфинию тоже; однако
- 70 И подсудимая тоги такой не наденет. «Мне жарко:
Зноен июль!» Выступай нагишом: полоумным не стыдно;
Чем не одежда, в которой тебя — издавай ты законы —
Слушать бы стал победитель народ, заживляющий раны,
И побросавшая плуги толпа отдыхающих горцев.
Не закричишь ли ты сам, увидавши судью в этом платье?
Вряд ли прозрачная ткань к лицу свидетелю будет.
Неукротимый и строгий учитель свободы, ты, Кретик,
Виден насквозь! Эту язву привила дурная зараза,
Многим привьет и впредь, — точно в поле целое стадо
- 80 Падает из-за парши от одной лишь свиньи шелудивой
Или теряет свой цвет виноград от испорченной грозди.
Может быть, выкинешь ты еще что-нибудь хуже одежды:
Сразу никто не бывал негодяем: но мало-помалу
Примут тебя те, кто носят на лбу (даже дома) повязки
Длинные и украшают всю шею себе ожерельем,
Брюхом свиньи молодой и объемистой чашей справляя
Доброй богини обряд; но они, извращая обычай,
Гонят всех женщин прочь, не давая ступить на пороги;
Только мужчинам доступен алтарь божества. «Убирайтесь,
- 90 Непосвященные! — слышен их крик — здесь флейтам не место!»
Так же вот, факелы скрыв, справляли оргии бапты;
Чтили они Котитó — афинянку, чтили без меры.
Тот, натерев себе брови размоченной сажей, иголкой
Их продолжает кривой и красит ресницы, моргая
Сильно глазами, а тот из приапа стеклянного пьет и
Пряди отросших волос в золоченую сетку вправляет,
В тонкую желтую ткань разодетый иль в синюю с клеткой,
Как господин, и рабы по-женски клянутся Юноной.
Зеркало держит иной, — эту ношу миньона Отона, —

- 100 С Актора будто добычу, аврунка: смотрелся в него он
Вооруженный, когда приказал уже двигать знамена.
Дело достойно анналов, достойно истории новой:
Зеркало заняло место в обозе гражданских сражений!
Ясно, лишь высший вождь способен и Гальбу угробить
И обеспечить за кожей уход; лишь гражданская доблесть
На Бебриакских полях и к дворцовой добыче стремится
И покрывает лицо размазанным мякишем хлеба,
Как не умела ни лучник Ассирии — Семирамида,
Ни Клеопатра, грустя на судне, покинувшем Акий.
- 110 Нет здесь вовсе стыда за слова, ни почтения к пиру,
Мерзость Кибелы свободно звучит голосами кастратов;
Здесь неступленный старик, убеленный уже сединами,
Таинств блюститель, редчайший пример достопамятной глотки,
Дорого стоящий людям наставник. Чего же, однако,
Тут ожидают все те, которым пора уже было б —
Как у фригийцев — излишнюю плоть отрезать ножами?
- Гракх в приданое дал горнисту четыреста тысяч
(Впрочем, может быть, был жених трубачом, не горнистом);
Вот договор заключен. «В добрый час!» — им сказали, и гости
- 120 Сели за стол пировать, молодая — на лоне у мужа...
Вы — благородные, цензор нам нужен иль, может, гаруспик?
Что ж, содрогнулись бы вы и сочли бы за большее чудо,
Если б теленка жена родила, а ягненка — корова?
Вот в позументах и в платье до пят, в покрывале огнистом
Тот, кто носил на священном ремне всю тяжесть святыни
И под щитами скакал и потел. Откуда же, Ромул,
Рима отец, нечестье такое в пастушеском роде?
Что же за похоть, о Марс-Градив, разожгла твоих внуков?
Вот за мужчину выходит богатый и знатный мужчина, —
- 130 Шлемом ты не трясешь, по земле не ударишь копьем ты.
Даже не скажешь отцу? Так уйди и покинь этот округ
Марсова поля, раз ты пренебрег им. — «Мне завтра с восходом
Солнца нужно дела исполнить в долине Квирина».
Что ж за причина для дел? — «Не спрашивай: замуж выходит
Друг, и не всех пригласил». — Дожить бы нам только: уж будет,

Будет все это твориться при всех, занесется и в книги;
Женам-невестам меж тем угрожает ужасная пытка —
Больше не смогут рожать и, рожая, удерживать мужа.
К счастью, природа душе не дает еще права над телом:
140 Эти «супруги» детей не оставят, и им не поможет
Толстая бабка-лидийка с ее пузырьками и мазью
Или удар по рукам от проворно бегущих луперков.

Гаже, чем это, — трезубец одетого в тунику Гракха:
Он — гладиатор — пустился бежать посредине арены.
Он — родовитее Капитолинов, знатнее Марцеллов,
Выше потомков и Павла, и Катула, Фабиев старше,
Зрителей всех на почетных местах у самой арены,
Вплоть до того, кто устраивал сам эти игры для Гракха.

Что преисподняя есть, существуют какие-то маны,
150 Шест Харона и черные жабы в пучине стигийской,
Возит единственный челн столько тысяч людей через реку, —
В это поверят лишь дети, еще не платившие в банях.
Ты же серьезно представь, что чувствует Курий покойный,
Два Сципиона, что чуют Фабриций и маны Камилла,
Фабии с их легионом кремерским и павшие в Каннах
Юноши, души погибших в боях, всякий раз, что отсюда
К ним прибывает такая вот тень? — Очищения жаждут,
Если бы с факелом серы им дали и влажного лавра.
Жалкими входим туда мы! Простерли оружие, правда,
160 Мы за Юверги берега, за Оркады, что взяты недавно,
И за британцев — в страну, где совсем мимолетные ночи.

Те, кого мы победили, не делают вовсе того, что
Ныне творит народ-победитель в столице; однако
Ходит молва, что один армянин, Залак, развращенней
Всех вместе взятых эфевов: живет, мол, с влюбленным трибуном.
Только взгляни, что делают связи: заложником прибыл —
Здесь человеком стал; удалось бы остаться подольше
В городе мальчику — а уж ему покровитель найдется;
Скинут штаны, побросают кинжалы, уздечки и плети:
170 Так в Артаксаты несут молодежи столичные нравы.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Правда, я огорчен отъездом старинного друга,
Но одобряю решение его — поселиться в пустынных
Кумах, еще одного гражданина даруя Сивилле.
Кумы—преддверие Бай, побережье достойное сладкой
Уединенности: я предпочту хоть Прохиту — Субуре.

Как бы ни были жалки места и заброшены видом,
Хуже мне кажется страх пред пожарами, перед развалом
Частым домов, пред другими несчастьями жуткого Рима,
Вплоть до пинт, что читают стихи даже в августе знойном.

¹⁰ Друг мой, пока его скарб размещался в единой повозке,
Остановился у старых ворот отсыревшей Капены.
Здесь, где Нума бывал по ночам в общенье с подругой,
Ныне и роща святого ключа сдана иудеям
И алтари; вся утварь у них — корзина да сено.
(Каждое дерево здесь уплачивать подать народу
Должно и после Камен дает пристанище нищим.)
Вот мы сошли в Эгерии дол и спустились к пещерам
Ложным: насколько в водах божество предстало бы ближе,
Если б простая трава окаймляла зеленью воды,

²⁰ Если б насильственный мрамор не портил природного туфа.
Здесь Умбриций сказал: «Уж раз не находится места
В Риме для честных ремёсел и труд не приносит дохода,
Если имущество нынче не то, что вчера, а назавтра
Меньше станет еще, то лучше будет уйти нам
В Кумы, где сам Дедал сложил утомленные крылья.
Родину брошу, пока седина еще внове и старость
Стана не гнет, пока у Лахесы пряжа не вышла,
Сам на ногах я хожу и на посох не опираюсь.

Пусть остаются себе здесь жить Арторий и Катул,
30 Пусть остаются все те, кто черное делает белым,
Те, что на откуп берут и храмы, и реки, и гавань,
Чистят клоаки, тела мертвецов на костер выставляют
Или продажных рабов ведут под копыте господина.
Эти-то вот трубачи, завсегдатаи бывшие разных
Мелких арен, в городах известные всем как горланы,
Зрелища сами дают и по знаку условному черни,
Ей угождая, любого убьют, а с игр возвратившись,
Уличный нужник на откуп берут; скупил бы всё уж!
Именно этих людей судьба ради шулки выводит
40 Часто из самых низов на вершину почета и славы.

Что мне тут делать еще? Я лгать не могу, не умею
Книгу хвалить и просить, когда эта книга плохая;
С ходом я звезд незнаком, не желаю предсказывать сыну
Смерти отца, никогда не смотрел в утробу лягушки;
Несть подарки жене от любовника, несть порученья —
Могут другие, а я никогда не пособничал вору.
Вот почему я Рим покидаю, не бывший клиентом,
Точно калека какой сухорукий, к труду неспособный.
Кто в наши дни здесь любим? Лишь сообщник с корыстной душою,
50 Алчной до тайн, о которых нельзя нарушить молчанье.
Тот, кто сделал тебя участником тайны почтенной,
Вовсе как будто не должен тебе и делиться не будет;
Верресу дорог лишь тот, кем может немедленно Веррес
Быть уличен. Не цени же пески затененного Тага,
Злато катящего в море, настолько, чтобы лишиться
Сна из-за них и, положенный дар принимая печально,
Вечно в страхе держать хотя бы и сильного друга.

Высказать я поспешу — и стыд мне не будет помехой, —
Что за народ стал приятнее всем богачам нашим римским:
60 Я от него и бегу. Перенести не могу я, квиристы,
Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
Флейтшиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок:

Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто любит
Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах!
Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом,
Знаком побед цирковых отличил умащенную шею!
Греки же все — кто с высот Сикиона, а кто амидонец,
Этот с Андрóса, а тот с Самóса, из Тралл, Алабанды, —
Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу,
В недра знатных домов, где будут они господами.
Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их,
Как у Исея, течет. Скажи, за кого ты считаешь
Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь:
Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник,
Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает
Этот маленький грек; велишь — залезет на небо;
Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат, не фракиец,
80 Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах.
Как не бежать мне от их багряниц? Свою руку приложит
Раньше меня и почетней, чем я, возляжет на ложе
Тот, кто в Рим завезен со сливами вместе и смоквой?
Что-нибудь значит, что мы авентинский воздух вдыхали
В детстве, когда мы еще сабинской оливкой питались?
Тот же народ, умеющий льстить, наверно похвалит
Неуча речь, кривое лицо покровителя-друга
Или сравнит инвалида длинную шею с затылком
Хоть Геркулеса, что держит Антея далеко от почвы,
90 Иль восхвалит голосок, которому не уступает
Крик петуха, когда он по обычаю курицу топчет.
Все это можно и нам похвалить, но им только вера.
Кто лучше грека в комедии роль сыграет Таиды,
Или же честной жены, иль Дориды нагой, не прикрытой
Даже накидкой? Поверить легко, что не маска актера —
Женщина тут говорит; до того у него все изящно,
Что и подумать нельзя, что мужчина стоит перед нами.
Греков нельзя удивить ни Стратоклом, ни Антиохом,
Ни обаятельным Гемом с Деметрием: комедианты —
100 Весь их народ: где смех у тебя — у них сотрясенье

Громкого хохота, плач — при виде слезы у другого,
Вовсе без скорби. Когда ты зимой попросишь жаровню,
Грек оденется в шерсть; скажешь: «жарко», — он уж потеет.
С ним никак не сравнимся мы: лучший здесь — тот, кто умеет
Денно и ночью носить на себе чужую личину,
Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга,
Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился,
Как он, выпитив зад, затрещал с золоченого судна.
Похоти их нет преграды, для них ничего нет святого:
110 Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь даже
Сам безбородый жених иль сын, дотоле стыдливый;
Если нет никого, грек валит и бабушку друга...
Все-то боятся его: он знает домашние тайны.
Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в гимназий, —
Слышишь, что говорят о проступках высшего рода:
Стоиком сливший старик, уроженец того побережья,
Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны,
Друг и учитель Барей, Барей угробил доносом.
Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
120 Дифил, а то — Протоген иль Гермарх, что по скверной привычке
Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся;
Стоит лишь греку вложить в легионное ухо патрона
Малую долю отрав, естественных этой породе, —
Гонят с порога меня, и забыты бывшие услуги:
Ценится меньше всего такая утрата клиента.
Чтоб и себе не польстить, — какая в общем заслуга,
Если бедняк еще ночью бежит, хоть сам он и в тоге,
К дому патрона: ведь так же и претор торопит и гонит
Ликтора, чтобы поспеть приветствовать раньше коллеги
130 Медию или Альбину, когда уж проснулись старухи.
Здесь богача из рабов провожает сын благородных —
Тоже клиент, ибо тот Кальвине иль Катиене
Столько за каждый раз, что он ей обладает, заплатит,
Сколько имеет трибун за службу свою в легионе;
Если ж тебе приглянется лицо разодетой блудницы,
Ты поколеблешься взять Хнону с высокого кресла.

- Пусть твой свидетель настолько же свят, как идейской богини
Гостеприимец, пускай выступает Нума Помпилий
Или же тот, кто спас из пламени храма Минерву, —
- 140 Спросят сперва про ценз (про нравы — после всего лишь):
Сколько имеет рабов да сколько земельных угодий,
Сколько съедает он блюд за столом и какого размера?
Рим доверяет тому, кто хранит в ларце своем деньги:
Больше монет — больше веры; клянись алтарем сколько хочешь,
Самофракийским или нашим, — бедняк, говорят, презирает
Божьи перуны, его не карают за это и боги.
Что же, если бедняк действительно служит предложом
К шуткам для всех? Ладерна его и худа и дырява,
Тога уже не чиста, башмак запросил уже каши,
- 150 Много заплат на заштопанной рвани открыто для взоров,
С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...
Хуже всего эта бедность несчастная тем, что смешными
Делает бедных людей. «Уходи, говорят, коли стыд есть,
Кресла очисти для всадников, раз у тебя не хватает
Ценза». Пускай уж в театре сидят хоть сводников дети,
Что рождены где-нибудь в непотребном доме; пускай там
Хлопает модного сын глашатая вместе с юнцами,
Коиx учил борец или вождь гладиаторской школы.
Так нас Росций Отон разместил с его глупым законом.
- 160 Разве здесь нравится зять, если он победнее невесты,
С меньшим приданым? Бедняк разве здесь бывает наследник?
Разве его на совет приглашают эдилы? Когда-то
Бедным квиритам пришлось выселяться целой толпою.
Тот, кому доблесть мрачат дела стесненные, трудно
Снова всплывает наверх; особенно трудны попытки
В Риме: ведь здесь дорога и квартира, хотя бы дрянная,
И пропитанье рабов, и самая скромная пища;
С глиняной плошки здесь стыдно и есть, хоть стыда не узнает
Тот, кто к марсам попал или сел за стол у сабеллов,
- 170 Там, где довольны простой, из грубой ткани, накидкой.
Правду сказать, в большинстве областей итальяйских не носят
Тоги, как в Риме, никто, лишь покойника кутают в тогу.

- Празднеств великих дни, что в театре дерновом справляют
И на подмостках опять играют эксодий известный,
Пастью бледных личин пугая сельских мальчишек,
У матерей на коленях сидящих, — тебе не покажут
Разных нарядов: и там, на оркестре, и здесь, у народа,
Все одинаки одежды, подходят лишь высшим эдилам
Белые тунки — знак их достоинства и благородства.
180 Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят
Больше, чем нужно, притом иногда — из чужого кармана;
Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность.
Много тут что говорить? На все-то в Риме цена есть:
Сколько заплатишь, чтоб Косса приветствовать как-нибудь лично,
Чтоб на тебя Вейентон взглянул, и рта не раскрывши?
Бреется тот, а этот стрижет волосы у любимца;
Праздничный полон лепешками дом, бери, но — за плату.
Мы ведь клиенты, должны платить своего рода подать
Даже нарядным рабам, умножая их сбереженья.
190 Тот, кто в Пренесте холодной живет, в лежащих средь горных,
Лесом покрытых кряжей Вольсиниях, в Габиях сельских,
Там, где высокого Тибура склон, — никогда не боится,
Как бы не рухнул дом, а мы населяем столицу
Все среди тонких подпор, которыми держит обвалы
Домоправитель: прикрыв зияние трещин давнишних,
Нам предлагают спокойно спать в нависших руинах.
Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов.
Укалегон уже просит воды и выносит пожитки,
Вот задымился и третий этаж, а ты и не знаешь:
200 Если с самых низов поднялась тревога у лестниц,
После всех погорит живущий под самую крышей,
Где черепицы одни, где мирно несутся голубки...
Ложе у Кодра одно (для Прóкулы — коротковато),
Шесть горшков на столе да внизу еще маленький кубок,
Там же под мрамор доски завалилась фигурка Хирона,
Старый ларь бережет сочинения греков на свитках
(Мыши-невежды грызут эти дивные стихотворенья).
Кодр ничего не имел, не правда ли? Но от пожара

Вовсе впал в нищету, бедняга. Последняя степень
210 Горя тяжелого в том, что нагого, просящего корки,
Не приютит уж никто, и никто его не накормит.
Рухни огромнейший дом, хоть Астурика, — и без прически
Матери, в трауре — знать, и претор тяжбы отложит.
Все мы вздыхаем о римской беде, проклиная пожары;
Дым полыхает еще, а уж други бегут и в подарок
Мраморы тащат с собой; обнаженные статуи блещут;
Этот творенья несет Эвфранора и Поликлета;
Эта — старинный убор божеств азиатского храма;
Тот — и книги, и полки для них, и фигуры Минервы;
220 Тот — четверик серебра. Так и Персик, бобыль богатейший,
Глядя, поправляет дела и лучше и шире, чем были, —
И подозрение растет, не сам ли поджег он хоромы.

Если от игр цирковых оторваться ты в силах, то можешь
В Соре купить целый дом в Фабратерии, во Фрузиноне;
Столько отдашь, сколько стоит на год городская каморка.
Садик там есть, неглубокий колодец (не нужно веревки),
С легким сердцем польешь ты водой простые растения;
Сельского друг жития, хозяйничай на огороде,
Где можешь пир задавать хоть для сотни пифагорейцев.
230 Что-нибудь значит владеть самому хоть кусочком земли —
Где? Да не все ли равно, хотя бы в любом захолустье.

Большая часть больных умирает у нас от бессонниц;
Полный упадок сил производит негодная пища,
Давит желудочный жар. А в каких столичных квартирах
Можно заснуть? Ведь спится у нас лишь за крупные деньги.
Вот потому и болезнь: повозки едут по узким
Улиц извивам, и брань слышна у стоящих обозов, —
Сон улетит, хоть бы спал ты, как Друз, как морская корова.

Если богач спешит по делам, над толпы головами,
240 Всех раздвинув, его понесут на просторной либурне;
Там ему можно читать, писать или спать по дороге, —
Ежели окна закрыть, то лектика и дрему наводит;
Все же поспеет он в срок; а нам, спешащим, мешает
Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою

- Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, этот палкой
Крепкой, иной по башке заденет бревном иль бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора.
Видишь дым коромыслом? Справляют в складчину ужин:
250 Сотня гостей, и каждый из них с своей собственной кухней;
Сам Корбулон не снесет так много огромных сосудов,
Столько вещей, как маленький раб, напрягши, бедняга,
Шею, несет на макушке, огонь на ходу раздувая.
Туники рвутся, едва зачиненные; елку шатает
С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;
Длинных деревьев концы, качаясь, бьют по народу.
Если ж сломается ось, что везет лигурийские камни,
И на толпу упадет, опрокинувшись, вся эта груда, —
Что остается от тел? кто члены и кости отыщет?
260 Труп простолюдина смят и, как дым, исчезнет бесследно.
Челядь уже между тем беззаботная моет посуду,
Щеки надув, раздувает огонь в жаровне, скребочком
Сальным звенит, собирает белье, наполняет кувшины:
В спешке различной рабов справляются эти работы.
Тот же, погибший, у Стикса сидит и боится Харона:
Бедному нет надежды на челн среди грязной пучины,
Нет монетки во рту, оплатить перевоз ему нечем.
Много других по ночам опасностей разнообразных:
Высытся крыши домов, и, сорвавшись с них, черепица
270 Голову всю разобьет! Постоянно из окон открытых
Вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь,
Всю мостовую сорят. Всегда оставляй завещанье,
Идя на пир, коль ты не ленив и случайность предвидишь:
Ночью столько смертей грозит прохожему, сколько
Ты по дороге своей встречаешь отворенных окон;
Вот и молись потому, вознося плачевную просьбу,
Чтоб лишь помоями ты был облит из широкого таза.
Пьяный иной нахал, никого не избивший случайно,
Ночью казнится — не спит, как Пелид, скорбящий о друге,
280 То прикорнет он ничком, то на спину он повернется...

Как по-иному он мог бы заснуть? Бывают задиры,
Что лишь поссорившись спят; но хоть он по годам и строптивый
И подогрет вином, — опасается алой накидки,
Свиты богатых людей всегда сторонится невольно,
Встретив факелов строй и яркий медный светильник.
Мне же обычно луна освещает мой путь иль мерцанье
Жалкой светильни, которой фитиль я верчу, оправляю.
Я для буяна — ничто. Ты знаешь преддверие ссоры
(«Ссора», когда тебя бьют, а ты принимаешь удары!):
290 Он остановится, скажет: «Стой!» — и слушаться надо:
Что тебе делать, раз в бешенстве он и гораздо сильнее?
«Ты откуда, кричит, на каких бобах ты раздулся?
Укус где пил, среди чьих сапог нажрался ты луку
Вместе с вареной бараньей губой?.. Чего же молчишь ты?
Ну, говори! А не то как пну тебя: все мне расскажешь!
Где ты торчишь? В какой мне искать тебя синагоге?»
Пробуешь ты отвечать или молча в сторонку отлынешь, —
Так или этак, тебя прибьют, а после со злости
Тяжбу затеют еще. Такова бедняков уж свобода:
300 Битый, он просит сам, в синяках весь, он умоляет,
Зубы хоть целы пока, отпустить его восвояси.
Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди,
Грабить готовые в час, когда заперты двери и тихо
В лавках, закрытых на цепь и замкнутых крепким засовом.
Вдруг иной раз бандит поножовщину в Риме устроит —
Беглый с Помптинских болот, из сосновых лесов галлинарских,
Где, безопасность блюдя, охрану военную ставят:
Вот и бегут они в Рим, как будто бы на живодерню.
Где паковальню найдешь или горн, где цепей не ковали б?
310 Столько железа идет для оков, что, боишься, не хватит
Плуги простые ковать, железные бороны, грабли.
Счастливы были, скажу, далекие пращуры наши
В те времена, когда Рим, под властью царей, при трибунах
Только одну лишь темницу имел и не требовал больше.
Много причин и других я бы мог привести для отъезда,
Но уже ехать пора: повозка ждет; вечереет;

Знаки своим бичом давно подает мне возница...

Помни о нас, прощай! Всякий раз, как будешь из Рима

Ты поспешать в родной свой Аквин, где ждет тебя отдых,

320 Ты и меня прихвати из Кум к Гельвинской Церере,

К вашей Диане. Приду я, послушать готовый сатиры,

Коль не гнушаешься мной, на прохладные нивы Аквина».

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

нова Криспин — и его нередко еще призову я
Роль исполнять: чудовище он, ни одна добродетель
Не искупает пороков его и большого распутства;
Только в разврате он храбр, незамужних лишь он
презирает.

Ну, так не важно, на длинном ли поле гоняет коней он,
Или раскидисты тени тех рощ, куда его носят,
Сколько домов он купил и соседних с базаром участков:
Счастлив не будет злодей, а несчастнее всех нечестивец
И совратитель, с которым недавно лежала весталка,
¹⁰ Должная заживо быть погребенной за девства потерю.
Скажем сперва о пустячных делах... И, однако, другой кто
Так поступи, как Криспин, — его нравов судья осудил бы;
То, что позорно для честных — для Тития, Сея, — Криспину
Было как будто к лицу: отвратительней всех преступлений
Гнусная личность его... Он купил за шесть тысяч барвену:
Как говорят о той рыбе любители преувеличить,
Каждый фунт у нее сестерциев тысячу стоил.
Замысел ловкий хвалю, если он подношеньем барвены
Первое место схватил в завещанье бездетного старца;
²⁰ Тоньше расчет, если он отослал ее важной подруге —
Той, что в закрытых носилках с широкими окнами носят.
Нет, ничуть не бывало: он рыбу купил для себя лишь.
Видим дела, коих жалкий и честный Апиций не делал.
Так чешую эту ценишь, Криспин, ты, что был подпоясан
Нильским родным тростником, — неужели? Пожалуй, дешевле
Стоит рыбак, чем рыба твоя. В провинции столько
Стоят поля; апулийцы дешевле еще продают их.

Что же за блюда тогда проглатывал сам император,
Можно представить себе, когда столько сестерцнев — долю
30 Малую, взятую с края стола за скромным обедом, —
Слопал рыгающий шут средь вельможей Великой Палаты!
Нынче он первый из всадников, раньше же он громогласно
Вел мелочную торговлю родимой сомовиной нильской.

О Каллиопа, начини!.. Но лучше — сиди: тут не надо
Петь, — говорится о правде. Пиэрии девы, гласите!
Пусть мне послужит на пользу, что девами вас называю.

Наполовину задушенный мир терзался последним
Флавием. Рим пресмыкался пред лысоголовым Нероном...
Камбала как-то попалась морская громадных размеров,
40 Около храма Венеры, что выше дорийской Анконы;
Рыба заполнила сеть — и запуталась в ней наподобье
Льдом меотийским покрытых тунцов (пока лед не растает),
После ж несомых на устье бурливого Черного моря,
Вялых от спячки и жирными ставших от долгих морозов.
Диво такое хозяин челна и сетей обрекает
Первосвященнику: кто ж бы посмел продавать это чудо
Или купить, когда берег — и тот был доносчиков полон.
Сыщики, скрытые в травах прибрежных, затеяли б дело
С тем рыбаком беззащитным; не совестно было б сказать им,
50 Что, дескать, беглая рыба была и долго кормилась
В цезаревых садках, удалось ускользнуть ей оттуда, —
Значит, к хозяину прежнему ей надлежит и вернуться.
Если мы в чем-либо верим Палфурию или Армиллату, —
Все, что найдется в морях красивого, видного, — это
Фиска предмет, где ни плавал бы он. Чем камбалу бросить —
Лучше ее подарить. Ведь уже уступала морозам
Вредная осень, стихала больных лихорадка, и всюду
Была уродка-зима, сохраняя свежей добычу.
Впрочем, рыбак спешит, будто Австр его подгоняет:
60 Вот и озера внизу, где — хотя и разрушена — Альба
Племя из Трои хранит и Весту Меньшую; на время
Путь загорожен при входе ему удивленным народом;
Вот расступилась толпа, открываются двери на легких

- Петлях; сенаторы ждут и смотрят, как рыбу проносят —
Прямо к Атриду. «Прими подношение, — молвит пиценец. —
Слишком она велика для других очагов. Именинник
Будь же сегодня; скорей облегчи свой желудок от пищи,
Камбалу кушай, — она для тебя сохранилась такая,
Даже поймалась сама». Открытая лесть! И, однако,
70 Царь приосанился: есть ли такое, чему не поверит
Власть богоравных людей, если их осыпают хвалами?
Блюда вот нету для рыбы такой; тогда созывают
На совещанье всех вельмож, ненавистных владыке,
Лица которых бледнели от этой великой, но жалкой
Дружбы царя. По крику Либурна: «Бегите, воссел уж!» —
Первым спешит, захвативши накидку, Пегас, что недавно
По назначению старостой стал изумленного Рима.
(Чем же другим тогда был префект?) Из них наилучший,
Верный толковник законов, он думал, что даже и в злое
80 Время во всем надлежит поступать справедливо и мирно.
Прибыл и Крисп — приятный старик, которого нрав был
Кроткой природы, подобно тому, как его красноречье.
Кажется, где бы уж лучше советник владыке народов
Моря и суши, когда бы под гнетом чумы той на троне
Было возможно жестокость судить, подавая советы
Честно; но уши тиранна неистовы: друг приближенный
Речь заведет о дожде, о жаре, о весеннем тумане,
Глядь — уж повисла судьба говорящего на волосочке.
Так что Крисп никогда и не правил против течения:
90 Был он совсем не из тех, кто бы мог в откровенной беседе
Высказать душу, готовый за правду пожертвовать жизнью;
Много уж видел он зим и лет в свои восемь десятков, —
Даже при этом дворе его возраст был безопасен.
Следом за ним поспешал такой же старый Ацилий
С юношей сыном, напрасно настигнутым смертью жестокой
От поспешивших мечей властелина. Но стала давно уж
Чуду подобной старость людей благородного звания
(Я б предпочел быть маленьким братом гиганта без предков!):
Сыну Ацилия не помогло, что он на арене

- 100 Альбы охотником голым колом нумидийских медведиц.
Кто же теперь не поймет всех хитростей патрицианских?
Кто остроумию древнему, Брут, твоему удивится?
Труд совсем невелик — обмануть царя с бородою.
Шел на совет с недовольным лицом, хоть он не из знатных,
Рубрий, виновный когда-то в проступке, сокрытом молчаньем,
Более подлый, чем некий похабник, писавший сатиры.
Вот появился и толстый Монтан, волочащий брюхо;
Вот и Криспин, с утра источающий запах амома,
Будто воняет от двух мертвецов; и Помпей, кровожадней
110 Даже Криспина, умевший душить лишь шепотом легким;
И приберегший в добычу для коршунов Дакки тело
Фуск, разбиравший сраженья на собственной мраморной вилле;
И Вейнтон осторожный, и рядом Катул смертоносный,
Страстью пылавший к девице, которой совсем не видал он.
Злое чудовище, даже в наш век выдающийся изверг,
Льстивец жестокий, слепец, — ему бы к лицу, как бродяге,
С поводырем у телег арицийских просить подаянье
Да посылать благодарность вослед уезжавшей повозке.
Камбале он удивлялся всех больше, и долго болтал он,
120 Весь обернувшись налево (а рыба лежала направо):
Так-то уж он прославлял и Килика бой, и удары,
Пегму, и мальчиков, что подлетают под занавес цирка.
Не уступал Вейнтон: пораженный жалом Беллоны,
Так говорил изувер, прорицая: «Ты в этом имеешь
Знаменье дивное, царь, великой и славной победы.
Ты полонишь другого царя: с колесницы британской,
Верно, следит Арвираг. Чужеземная рыбина эта;
Видишь шипы у нее на спине?» Фабрицию только
Недоставало бы возраст привести да отечество рыбы.
130 «Что же, как думаешь ты? Разрезать ее? было бы, право,
Это позорно, — Монтан говорит. — Пусть глубокое блюдо
Сделают, чтобы вместить в его стенки такую громаду;
Нужен для блюда второй Прометей, великий искусник.
Глину скорей доставайте и круг гончарный; отныне
Цезаря сопровождать гончарам бы нужно придворным».

Мужа достойный совет был принят: по опыту знал он
Роскошь былую двора, ночные попойки Нерона,
Похоти новый подъем, как дух от фалерна захватит.
Этак поестъ, как Монтан, в мое время никто не сумел бы:
Он, лишь едва укусив, узнавал об отечестве устриц, —
Будь у Цирцейского мыса их род, у утесов Лукрина,
Или же вынуты были они из глубин ругупийских;
Только взглянув на морского ежа, называл его берег.

Встали: распущен совет; вельможам приказано выйти.
Вождь их великий созвал в альбанский дворец изумленных,
Всех их заставил спешить, как будто бы он собирался
Что-то о хаттах сказать, говорить о диких сигамбрах,
Точно примчалось к нему с отдаленных окраин вселенной
На быстrolетном пере письмо о какой-то тревоге.

150 Если б на мелочи эти потратил он все свое время
Казней свирепых, когда безнаказанно отнял у Рима
Славных людей, знаменитых, без всяких возмездий за это!
Сгинул он после того, как его забоялась меньшая
Братия: так он погиб, увлажненный Ламиев кровью.

САТИРА ПЯТАЯ

Если не стыдно тебе и упорствуешь ты, полагая,
Будто бы высшее благо — кормиться чужими кусками,
Если ты можешь терпеть, что не спас бы Сармент
и презренный

Габба среди унижительных яств у Августа в доме, —
Я не поверю тебе, хоть бы клялся ты мне под присягой.
Знаю, желудок покладистей всех; однако представь, что
Нету того, что достаточно было б для брюха пустого, —
Разве нет места на пристани, разве мостов нет повсюду
Или рогожи клочка? Разве стоит обед униженья
10 Столького, разве так голод свиреп? Ты на улице можешь,
Право, честнее дрожать, жуя корку собачьего хлеба.
Помни всегда: раз тебя пригласили обедать к патрону,
Стало быть, ты получаешь расчет за былые услуги;
Пища есть плод этой дружбы, ее засчитает «владыка»,
Как бы редка ни была, засчитает. Ему захотелось
Месяца так через два позабытого видеть клиента,
Чтобы подушка на третьем сиденье пустой не лежала.
Он говорит: «Пообедаем вместе!» — Вот верх вождедений!
Больше чего ж? Ради этого Требий прервет сновиденье,
20 Бросит ремни башмаков, беспокоясь, что толпы клиентов
Всех-то патронов уже обегут с пожеланьем здоровья
В час, когда звезды еще не потухли, когда описует
Круг свой холодный повозка медлительного Волопаса.
Ну, а каков же обед? Такого вина не стерпела б
Для промывания шерсть. Пировать будешь ты с корибантом.
Брань — для вступления, а там, опьянясь, ты запустишь и кубком,
Раны свои отирая салфеткою, красной от крови,

Как загорится вокруг сагунтинской бутылки сражение
Между когортой отпущенников и отрядом клиентов.

- 30 «Сам» попивает вино времен консулов долгобородых,
Гроздь сберегая, которую жали в союзные войны,
Но не подумает чашу послать больному желудком
Другу; завтра он выпьет кой-что из альбанской, сетинской
Горной лозы, чье имя и родина старостью стерты
С глины старинных сосудов вина, совсем закопченных.
Вина такие Трасея пивал и Гельвидий, с венками
На головах, в дни рождения Брутов и Кассиев. Держит
Только Виррон свою крупную чашу — слезу Гелиады,
Много бериллов на ней, но золота не доверяют
40 Вам, а уж если дадут, так тут же приставлен и сторож —
Камни считать да смотреть за ногтями хищных клиентов.
Уж извини: у него знаменитая чистая яшма,
Ибо Виррон переносит на кубки камни из перстней, —
Камни, какими всегда украшал свои ножны снаружи
Юный Эней, предпочтенный Дидоной сопернику Ярбе.
Ты осушать будешь кубок сапожника из Беневента:
О четырех этот кубок носал, поломан он и попорчен,
Полуразбито стекло и нуждается в серной замазке.

- Если хозяйский живот воспален от вина и от пищи, —
50 Нужен отвар холодней, чем иней на родине гетов;
Только что я пожалел, что вино подают нам другое:
Вы ведь и воду-то пьете не ту! Тебе кубок подносит
Гетул-бегун, иль худая рука черномазого мавра,
Или такой, с кем бы ты не хотел повстречаться средь ночи,
Мимо гробниц проходя по холмистой Латинской дороге;
Перед «самим» — всей Азии цвет, что куплен дороже,
Нежели стоил весь ценз боевого Тулла иль Анка,
Или, короче сказать, всех римских царей состоянье.
После всего посмотри на гетульского ты Ганимеда,
60 Если захочется пить: этот мальчик, что куплен за столько
Тысяч, вино наливать беднякам не умеет, но облик,
Возраст — задуматься стоит. Неужто к тебе подойдет он?
Разве откликнется раб с горячей водой и холодной?

Брезгует он, конечно, служить престарелым клиентам;
Что-то ты требуешь лежачего, а он-то стоит перед тобой.
В каждом богатом доме таких гордых рабов сколько хочешь.
Вот еще раб — с какой воркотней протянул к тебе руку
С хлебом, едва преломленным: словно камня куски, на них
плесень,

Только работа зубам, откусить же его невозможно.
70 Но для хозяина хлеб припасен белоснежный и мягкий,
Тонкой пшеничной муки. Не забудь сдерживать свою руку,
Пусть сохранится почтение к корзине! А если нахален
Будешь, — заставят тебя положить этот хлебец обратно:
«Дерзок ты, гость, не угодно ль тебе из обычных корзинок
Хлеб выбирать да запомнить, какого он цвета бывает».
«Вот, значит, ради чего постоянно, жену покидая,
Через холмы я бежал к эсквилинским высотам прохладным,
В пору весны, когда небо свирепейшим градом трещало
И с плаща моего дождевые потоки стекали!»
80 Глянь, какой длинный лангуст растянулся на блюде всей
грудью!

Это несут «самому». Какой спаржей он всюду обложен!
Хвост-то каков у него! Презирает он всех приглашенных
При появлении своем на руках долговязого парня.
Ставят тебе — похоронный обед: на крошечном блюде
Маленький рак, а приправа к нему — яйца половинка.
«Сам»-то рыбу польет венафрским маслом, тебе же,
Жалкому, что подадут? Лишь бледный стебель капустный
С вонью лампадной: для вас, мол, годится и масло, какое
К Риму везет остроносый челнок камышовый миципсов,
90 Из-за которого здесь не моются с Боккаром в бане:
Тот, кто потрется им, тот и укуса змеи не боится.

Лишь для хозяина будет барвена из вод корсиканских
Или от Тавроменийской скалы: при нашем ожорстве
Все опустело до дна, истощилось соседнее море,
Рынок обшарил ближайшие воды густыми сетями
До глубины, и расти не даем мы рыбе тирренской.
В кухню припасы идут из провинции: там добывают

То, что закупит Лена ловец, а Аврелия сбудет.
Так и Виррону мурену везут преогромную прямо
100 Из сицилийских пучин: коли Австр не дает себе воли,
Временно сидя в пещере, и сушит замокшие крылья,
Смелые сети судов не боятся пролива Харибды.
Вам подадут лишь угря (это родственник змеям ползучим)
Или же рыбу из Тибра, всю в пятнах от холода, или
Даже такую еще, что жирела в пучине клоаки
И под Субурой самой проникала в подземные стоки.

Я бы сказал кое-что «самому», если ухо подставит:
«Знаешь, не просит никто, чтоб давал своим скромным
клиентам

Сенека, чем одарял их добрейший Пизон или Котта:
110 В те времена угощения слава ценилась дороже,
Нежели знатное имя и консула званье. Но только
Требуем мы одного — чтоб обедал ты, как подобает.
Будь ты богат для себя, для друзей же, как водится, беден».
Перед хозяином — печень большого гуся да пулярка
Тоже с гуся, и дымится кабан, что копыя Мелеагра
Стоил бы; там подадут трюфеля, что в весеннюю пору
После грозы вырастают желанной и круг увеличат
Яств за обедом. «Оставь себе хлеб свой, ливиец, — Алледий
Скажет, — волов распряги; только мне трюфеля посылай ты!»
120 К вящей досаде теперь созерцай разрезателя мяса,
Как он вприпляску орудует: нож его так и летает,
Все соблюдая приемы его мастерства и традиций;
И, разумеется, здесь очень важно различие жеста
В том, как он зайца разрежет и как разобьет он пулярку.

Рот, попробуй, разинь, как будто ты вольный и носишь
Имени три, и тебя, точно Кака, за ноги стащат,
Что Геркулесом сражен и выкинут за дверь. Здоровье
Пьет ли твое Виррон и возьмет ли твой кубок пригубить?
Кто же настолько забывчив из вас и так безрассуден,
130 Чтобы патрону-царю сказать: «Выпей». Ведь слов таких много,
Что и сказать не посмеет бедняк в потертой одежде.
Если какой-нибудь бог, человек ли богоподобный,

Тот, что щедрее судьбы, подарил бы четыреста тысяч, —
Стал бы каким ты тогда из ничтожества другом Виррону!
«Требию дай!.. Поставь перед Требием!.. Скушай же,

братец,

Стегнышко!» Деньги! пред вами кадит он, вы ему — братья.
Если, однакоже, стать ты хочешь царем и владыкой,
Пусть на дворе у тебя не играет малютка Энейчик
Или же дочка, нежнее еще и милее сыночка.

140 Только с бездетной женой будет дорог друг и приятен.
Правда, Микала твоя пусть рождает и сыплет на лоно
Мужнее тройню зараз: будет тешиться «сам» говорливым
Гнездышком этим, велит принести себе панцырь зеленый
Или орешков помельче, обещанный асс подарит он,
Как лишь к столу подойдет попрошайка — ребенок Микалы.
Низким друзьям подаются грибы сомнительных качеств,
Лучший же гриб — «самому», из тех, какие ел Клавдий,
Вплоть до гриба от жены, ибо после уже не обедал.
После Виррон для себя и для прочих Вирронов прикажет
150 Дать такие плоды, что и запахом ты насладишься:
Вечная осень феаков такие плоды приносила;
Можно подумать, что выкрали их у сестер африканских.
Ты ж насладишься корявым яблоком наших предместий,
Где их грызут обезьяны верхом на козлах бородатых,
В шлемах, с щитами, учась под ударом бича метать копыя.

Может быть, думаешь ты, что Виррона пугают расходы?
Нет, он нарочно изводит тебя: интересней комедий,
Мимов занятнее — глотка, что плачет по лакомству. Знай же:
Вся здесь затея к тому, чтобы желчь ты вылил слезами,
160 Чтобы принудить тебя скрежетать зубами подольше.
Ты хоть свободный и — думаешь сам — собутыльник патрону,
Все ж он считает, что ты привлечен ароматами кухни;
Не ошибается он: в самом деле, кто так беззащитен,
Чтобы два раза его выносить, если кто носил в детстве
Знак из этрусского золота или хоть кожаный шарик?
Вас обманула надежда на вкусный обед. «Вот уж он
Даст нам объедки от зайца, кой-что от кабаньего зада,

Вот уж мелкая птица дойдет и до нас». Потому вы
Молча сидите и хлеб, приготовленный вам, не жуете.
170 Этак с тобой обращаться умно. Выносить можешь все ты —
И выноси! Под щелчки ты подставишь и голову с бритой
Маковкой, не побоишься принять и удары жестокой
Плети, достоин вполне ты и пира и друга такого.

Был ты в здравом уме — и вдруг ты женишься, Постум?
Гонит тебя Тизифона, ужален ты змеями, что ли?
30 Хочешь терпеть над собой госпожу? Ведь есть же веревки
Крепкие, окна открытые есть на жутких высотах,
Вон и Эмилиев мост поджидает тебя по соседству.
Если ж из многих смертей ни одна тебе не по вкусу,
Разве не лучше тебе ночевать хотя бы с мальчишкой?
Ночью не ссорится он, от тебя не потребует, лежа,
Разных подарочков там, и тебя упрекать он не станет,
Что бережешь ты себя и ему не во всем потакаешь.

Принял Урсидий закон о женитьбе, что Юлием издан:
Хочет наследника милого дать, — забывает он горлиц,
40 Спинки барвен забывает и все поглощающий рынок.

Если кто-то и впрямь за Урсидия замуж выходит, —
Может случиться все. Давно всем известный развратник
Глупый свой рот протянул к недоузду, — и это сидевший
Столько уж раз в ларе ожидавшего смерти Латина:
Что ж, и ему захотелось жены старомодного права?
Вену открой ему, врач: надулась она чрезмерно.

Что за нелепый чужак! Если ты повстречаешь матрону
С чистой, стыдливой главой, — припади к Тарпейскому храму
Ниц и телку Юноне зарежь с позолоченным рогом:
50 Так мало женщин, достойных коснуться повязок Цереры,
Чьи поцелуи не страшны отцу их. Вот и сплетайте
Для косяков их венки, для порогов густые гирлянды.
Иль Гиберине единственный муж достаточен? Легче
Было б ее убедить с единственным глазом остаться.
Хвалят, однако, одну, что живет в отцовской усадьбе...
Пусть-ка она поживет, как жила в деревне, — в Фиденах,
В Габиях, скажем, — и я уступлю отцовский участок.
Даже и тут, кто заверит, что с ней ничего не случилось
В гротах, в горах? Разве Марс и Юпитер вконец одряхлели?

60 Где бы тебе показать под портиком женщин, достойных
Жертвы твоей? Разве можешь найти ты в театре такую,
Чтобы ты выбрал ее и мог полюбить безмятежно?
Видя Бафилла, как он изнеженно Леду танцует,

- Тукция вовсе собой не владеет, и Апула с визгом,
Будто в объятиях, вдруг издает протяжные стоны;
Млеет Тимела (она, деревенщина, учится только),
Прочие всякий раз, когда занавес убран, пустынно
В долго закрытом театре и только на улицах шумно
(После Плебейских игр — перерыв до игр Мегалезских), —
- 70 Грустно мечтают о маске, о тирсе, переднике Акка.
Урбик в экзодии всех насмешит, сыграв Автоною,
Как в ателланах; напрасно ты, Элия, Урбика любишь,
Бедная: ведь дорога застезка у комедианта!
Есть и такие, что петь не дают Хрисогону; Гиспулла
Трагика любит. Не жди, чтоб влюбились в Квинтилиана.
Женишься ты, а жене настоящим окажется мужем
Иль Эхион-кифаред, или Глафир, или флейта Амбросий.
Ставьте подмостки в длину всех улиц узких, богато
Лавром украсьте все косяки и дверные пороги:
- 80 Лентула знатный сынок в своей черепаховой люльке
Весь в Эвриала пошел и в другого еще мирмиллона!
Бросивши мужа, жена сенатора Эппия с цирком
К Фару бежала, на Нил и к славному городу Лага;
Сам Каноп осудил развращенные нравы столицы:
Эта блудница, забыв о супруге, о доме, о сестрах,
Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы,
После же — странно совсем — и Париса забросила с цирком.
С детства росла среди великих богатств у отца и привыкла
Спать на пуху своей золоченой, резной колыбели,
- 90 Но одолела моря, как раньше честь одолела
(Дешево стоило честь потерять на мягких сиденьях).
Смело и стойко она и тирренские вынесла волны
И далеко раздающийся шум Ионийского моря;
Много морей ей пришлось переплыть. Но когда предстоит им
Выдержать праведный искуc и честный, то женщины трусят:
Их леденеют сердца, и от страха их ноги не держат.
Храбрости хватит у них на постыдное только дерзанье.
Если прикажет супруг на корабль взойти, — тяжело ей:
Трюм противен, вонюч, в глазах все ужасно кружится.

- 100 Если с развратником едет, она здорова желудком.
Эта при муже блюет, а та, с моряками поевши,
Бродит себе по корме и охотно хватает канаты.
Впрочем, что за краса зажгла, что за юность пленила
Эпнию? Что увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?
Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак огромный по самому носу,
И постоянно глаза отвратительной слизью гноятся.
- 110 Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гиацинтом.
Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
Лучше, чем муж: ведь с оружием он! Получи этот Сергей
Меч деревянный — и будет он ей вторым Вейентоном.

Эпнией ты изумлен? преступлением частного дома?
Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
Ложу в Форце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;
120 Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В теплый она лупанар, увешанный ветхою тканью,
Лезла в каморку пустую свою — и голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась под именем ложным Ликиски;
Лоно твое, благородный Британник, она оскверняла,
Ласки дарила входящим и плату за это просила;
Навзничь лежащую, часто ее колотили мужчины;
Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
Грустно она после всех, запирая пустую каморку:
Все еще зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
130 Хотя утомленная лаской мужчин, уходила несытой,
Гнусная, с темным лицом, закопченная дымом светильни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа.

Стоит ли мне говорить о зельях, заклятиях и ядах,
Пасынкам в вареве данных? В припадке страсти и хуже
Делают женщины: похоти грех — у них наименьший.

Но почему не нахвалится муж на Цензеннию? — Взял он
Целый миллион состоянья за ней и за это стыдливой
Назвал ее; от колчана Венеры он худ, от светильни
Жарок ее? Нет, в приданом — огонь, от него идут стрелы.
140 Можно свободу купить, и жена подмигнет и ответит
На объяснение: вроде вдовы — богачиха за скрягой.

К Бибуле что же горит таким вождельем Сергорий?
Любит, по правде сказать, не жену он, а только наружность:
Стоит морщинкам пойти и коже сухой позавянуть,
Стать темнее зубам, а глазам потускнеть и ввалиться,
Скажет ей вольный: «Скарб забирай да вон убирайся!
Нам надоело с тобой: сморкаешься часто; а ну-ка,
Живо уйди! Вон с носом сухим приходит другая».

Жены, пока в цвету, как царицы, требуют с мужа
150 Стад канусийских овец, фалернских лоз — да чего там?
Требуют всех рабов молодых, все их мастерские;
Дома не хватит чего, но есть у соседа — пусть купит.
В зимний же месяц, когда купец Язон загорожен
И моряков снаряженных палатки белые держат, —
Им доставляется крупный хрусталь, большие из мурры
Кубки и чаши, алмаз драгоценный, тем знаменитый,
Что красовался на пальце самой Береники: когда-то
Дал его варвар блуднице, — сестре он подарен Агриппой
Там, где цари обнажением ног соблюдают субботу
160 И по старинке еще доживают до старости свиньи.

Ты из такой-то толпы ни одной не находишь достойной?
Пусть и красива она, и стройна, плодovита, богата,
С ликами древних предков по портикам, и целомудра
Больше сабинки, что бой прекращает, власы распустивши,
Словом, редчайшая птица земли, как черная лебедь, —
Вынесешь разве жену, у которой все совершенства?
— Пусть венусинку, но лучше ее, чем Корнелию, Гракхов
Мать, если только она с добродетелью подлинной вносит
Высокомерную гордость, в приданом числит триумфы.
170 Нет, убери своего Ганнибала, Сифакса и лагерь,
Где он разбит; убирайся, прошу, ты со всем Карфагеном!

«О пощади, умоляю, Пеан, и ты, о богиня,
Стрелы сложи: неповинны сыны! Только мать поражайте», —
Так кричит Амфион. Аполлон же лук натягает:
Кучу детей уж хоронит Ниоба и вместе супруга
Только за то, что считала свой род знатнее Латоны,
А плодовитость свою — как у белой свиньи супоросой.
Где добродетель и где красота, чтобы стоило вечно
Ими тебя попрекать? Удовольствия нет никакого
180 В этом высоком и редком добре, что испорчено духом
Гордым: там горечи больше, чем меда. Кто предан супруге
Вплоть до того, чтобы часто не злиться, чтоб целыми днями
Не ненавидеть жену, которую так превозносит?

Правда, иная мала, но для мужа она нестерпима.
Хуже всего, что супруга себя не признает красивой,
Если не сможет себя из этруски сделать гречанкой,
Из сультмонянки — афинянкой чистой: всё, как у греков.
Хоть и позорнее нашим не знать родимой латыни,
Греческой речью боязнь выражается, гнев и забота,
190 Радость и все их душевные тайны. Чего еще больше?
Любят, и то — как гречанки! Простительно девушкам это;
Ну, а вот ты — девяносто тебе уже скоро ведь — тоже
Хочешь по-гречески? Нет, для старух эта речь непристойна.
Сколько уж раз говоришь ты по-гречески так похотливо:
«Жизнь ты моя и душа»; при всех произносишь, что было
Под одеялом сейчас! Бесстыдно разнеженный голос
Похоть разбудит у всех, захватит, как пальцами, пусть же
Перья спадут, и лицо твои годы выдаст, хотя бы
Ты говорила нежнее, чем Гем, нежней Карпофора.

200 Ежели ты не намерен любить законной супруги,
Значит, нет и причин, чтоб тебе на ком-то жениться,
Трат не надо на пир, не нужно и винных лепешек,
Тех, что дают в конце церемонии сытому гостю,
Ни подношений за первую ночь, когда на роскошном
Блюда блестят золотые монеты — Дакиец с Германиком вместе.

Если в супружестве ты простоват и к одной лишь привязан
Сердцем, — склонись головой и подставь под ярмо свою шею:

Ты не найдешь ни одной, кто бы любящего пощадила;
Если сама влюблена, всё же рада и мучить и грабить.

210 Стало быть, меньше всего полезна жена для того, кто
Сам обещается быть желанным и добрым супругом:
Ты никогда ничего не даришь, коль жена не захочет,
Ты ничего не продашь без нее, против воли не купишь;
Даже друзей она отберет и откажет от дома
Старому другу, которого знал ты еще безбородым.
Сводники или ланисты вольны составлять завещанья,
Право такое ж дано гладиаторам — слугам арены,
Ты же добро завещай соперникам разным в наследство.

«Крестную казнь рабу!» — «Разве он заслужил наказание?
220 В чем преступленье? Свидетели кто? Кто доносит? Послушай:
Если на смерть посылать человека, — нельзя торопиться».
«Что ты, глупец! Разве раб человек? Пусть он не преступник, —
Так я хочу, так велю, вместо довода будь моя воля!»
Так она мужу велит; но скоро она покидает
Царство жены и меняет семью, затоптав покрывало,
Вновь исчезает — и вновь приходит к постылому ложу;
Свадебный дома убор покидает она, занавески,
И на пороге дверей зеленые, свежне ветви.
Так возрастает число, и уже по осени пятой

230 Восемь будет мужей — достойный надгробия подвиг!

Теща покуда жива, не надейся в семье на согласие:
Теща научит ценить разорение полное мужа,
Теща научит искусно, хитро отвечать на записки,
Что соблазнитель прислал; она расположит подачкой
Иль проведет сторожей; хоть здорова вполне ее дочка,
Теща зовет Архигена, одежды тяжелые снимет;
Скрытый меж тем в потаенных местах, любовник запрятан;
Он, нетерпения полный, молчит — и готовит оружие.
Ты не дождешься, чтоб мать дала дочери честные нравы —
240 Нравы, каких не имеет сама: ведь гнусной старухе
Полный расчет воспитать такую же гнусную дочку.

Чуть не во всех судебных делах начинается тяжба
Женщиной: где не ответчик Манилия — глядь, обвиняет.

Сами они сочинят заявленье, записку составят,
Цельзу подскажут, с чего начинать и в чем аргументы.

Кто не видал эндамид тирийских, не знает церомы,
Кто на мишени следов не видал от женских ударов?

Колет ее непрерывно она, свой щит подставляя,

Все выполняя приемы борьбы, — и кто же? матрона!

250 Ей бы участвовать в играх под трубы на празднике Флоры;

Вместо того не стремится ль она к настоящей арене?

Разве может быть стыд у эдакой женщины в шлеме,

Любящей силу, презревшей свой пол? Однако мужчиной

Стать не хотела б она: ведь у нас наслаждения мало.

Вот тебе будет почет, как затеет жена распродажу:

Перевязь там, султан, наручник, полупоножи

С левой ноги: что за счастье, когда молодая супруга

Свой наколенник продаст, затеяв другие сраженья!

Этим же женщинам жарко бывает и в тонкой накидке,

260 Нежность их жжет и тонкий платок из шелковой ткани.

Видишь, с каким она треском наносит мишени удары,

Шлем тяжелый какой ее гнет, как тверды колени,

Видишь, какая кора у нее на коленных повязках.

Смейся тому, как, оружие сложив, она кубок хватает.

Лепида внучки, Метелла слепого иль Фабия Гурга!

Разве какая жена гладиатора так наряжалась?

Иль надрывалась вот так у мишени супруга Азила?

Брачное ложе всегда бесконечных полно перебранок,

Ссор: на постели такой заснуть хорошо не удастся,

270 В тягость бывает жена, похуже бездетной тигрицы,

В час, когда стонет притворно, задумавши тайный поступок,

Или ругает рабов, или плачется, видя наложниц

Там, где их нет; ведь слезы всегда в изобилие готовы,

Ждут на своем посту, ожидая ее приказанья

Течь, как захочется ей, а ты-то, дурак, принимаешь

Слезы ее за любовь, упоен, поцелуями сушишь!

Сколько бы ты прочитал записок любовных и писем,

Если б тебе шкатулку открыть ревнивицы грязной!

Вот она спит с рабом, или всадник ее обнимает...

280 «Квинтилиан, оправдай, прикрась что-нибудь!» — «Затрудняюсь.
Ты уж ответь сама». И она говорит: «Решено ведь,
Ты поступаешь, как хочешь, и я уступаю желаньям
Так же, как ты. Негодай, баламуть хоть море, хоть небо:
Я — человек!» — Наглее не сыщешь, когда их накроют:
Дерзость и гнев почерпают они в самом преступлении.

Спросишь: откуда же гнусность такая и в чем ее корни?
Некогда скромный удел охранял непорочность латинок
И небольшие дома не давали внедряться порокам
Там, где был труд, где недолог был сон и грубые руки
290 Были от пряжи этрусской жестки, а к самому Риму
Шел Ганнибал, и мужья охраняли Коллинскую башню.
Ныне же терпим мы зло от долгого мира. Свирепей
Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побежденных:
Римская бедность прошла, с этих пор у нас — все преступления
И всевозможный разврат: на наши холмы просочился
Яд Сибариса, Родоса, Милета, отравы Тарента,
Где и венки, и разгул, и где господствует пьянство.
Деньги презренные сразу внесли иностранные нравы;
Нежит богатство, — оно развратило роскошью гнусной
300 Все поколение: нет забот у прелестницы пьяной;
Разницы меж головой и ногами своими не видит
Та, что огромные устрицы ест в полуночное время,
В час, когда чистый фалерн дает благовониям пену,
Пьют из раковин все, когда потолок закружится,
Лампы дwoятся в глазах, а стол вырастает все больше.

Вот и любуйся теперь, как с презрительной фыркнет ужимкой
Туллия, Мавры известной сестра молочная, тоже
Мавра, коль древний алтарь Стыдливости встретят дорогой.
Ночью носилки здесь остановят они — помочиться,
310 Изображенье богини полить струей подлиннее,
Ерзают в свете луны, верхом друг на друга садятся,
После уходят домой; а ты, проходя на рассвете
К важным друзьям на поклон, на урину жены наступаешь.

Знаешь таинства Доброй Богини, когда возбуждают
Флейты, и рог, и вино их пол и менады Приапа

Все в исступленье вопят и, косу разметавши, несутся:
 Мысль их горит желаньем объятий, кричат от кипящей
 Страсти, и целый поток из вин, и крепких и старых,
 Льется по их телам, увлажняя колени безумиц.

320   Здесь об заклад венка Савфея бьется с девчонкой
 Сводника — и побеждает на конкурсе ляжек отвислых,
 Но и сама поклоняется зыби бедра Медуллины:
 Пальма победы равна у двоих — прирожденная доблесть!
 То не притворства игра, тут все происходит взаправду,
 Так что готов вспылать с годами давно охладевший
 Лаомедонтов сын; и Нестор — забыть свою грыжу:
 Тут похотливость не ждет, тут женщина — чистая самка.
 Вот по вертепу всему повторяется крик ее дружно:
 «Можно, пускайте мужчин!» — Когда засыпает любовник,
 330 Женщина гонит его, укрытого в плащ с головою.
 Если же юноши нет, бегут за рабами; надежды
 Нет на рабов — наймут водоноса: и он пригодится.
 Если потребность есть, но нет человека — немедля
 Самка подставит себя и отдастся ослу молодому.

О, если б древний обряд, всенародное богослуженье
 Пакостью не осквернилось! Но нет: и мавры и инды
 Знают, как Клодий, одетый арфисткой, проник потихоньку
 В Цезарев дом на женский обряд, когда убегают
 340 Даже и мыши-самцы, где картину велят занавесить,
 Если увидят на ней фигуры неженского пола.
 Кто же тогда из людей к божеству относился с презреньем,
 Кто бы смеяться посмел над жертвенной чашей, над черным
 Нумы сосудом, над блюдом убогим с холма Ватикана?
 Ну, а теперь у каких алтарей не находится Клодий?

Слышу и знаю, друзья, давнишние ваши советы:
 «Надо жену стеречь, запираť на замок». Сторожей-то
 Как устеречь? Ведь она осмотрительно с них начинает.
 Ведь одинакова похоть у высших, как и у низших:
 350 Та, что ходит пешком по улицам грязным, не лучше,
 Нежели та, что лежит на плечах у рослых сирийцев.
 Чтобы на игры смотреть, Огульния платье достанет,

И провожатых взаймы, и носилки с подушкой, и няньку;
 Будут подруги по найму и девочка для поручений,
 Кроме того, она все серебро, от отца что осталось,
 Вплоть до последней посуды, дарит гладкокожим атлетам.

Дома пускай нищета — ни одна от нее не скромнее

И не считается с теми границами, что наложила

Бедность, данная ей. Однако мужа временами

360 То, что полезно, предвидят; иные берут руководством

Жизнь муравья, опасаясь познать и холод и голод.

Ибо мотовка жена не чует имущества гибель:

Будто в пустом ларце возрождаются новые деньги,

Будто берутся из груды, всегда остающейся полной, —

Не размышляет она, сколько стоят ее развлечения.

Женщин иных прельщают бессильные евнухи с вечно
 Пресным своим поцелуем, лицом навек безбородым:

. . . . .
 . . . . .
 370 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Тот, кто своей госпожой кастратом сделан, вступает
 В баню заметный для всех, на себя обращая внимание,
 Смело взывая к хранителю лоз. Пускай с госпожой он
 Спит себе, только ты, Постум, смотри не доверься кастрату
 Вакха, что вырос с тобой и уже приготовился к стрижке.

Если жена увлекается пеньем, — никто не спасется
 380 Из продающих свой голос претору: их инструменты
 Вечно у ней в руках, сардониксы сверкают на лире
 Сплошь, и дрожащий плектр постоянно порхает по струнам, —
 Нежного плектр Гедимела, пред ней исполнявшего песни:
 Держит его, утешается им и целует в восторге,
 Женка из Ламиев рода, фамилии Аппиев, молит,
 Януса с Вестой мукой осыпая, вином орошая, —
 Дать Полиону дубовый венок, чтобы струны украсить
 На состязаниях капитолийских. Не сделала б больше,

- Муж захворай у нее, беспокойся врачи о сынишке.
390 Пред алтарем предстоя, она не считает зазорным
Ради кифары закрыть себе голову, как подобает
Произнести мольбу, побледнеть при вскрытии агнца.
Ты, из богов древнейший, скажи, прошу тебя, Янус
Отче, скажи, отвечаешь ты ей? Верно, на небе скучно;
Делать там нечего вам, небожителям, как посмотрю я:
Эта о комиках просит тебя, а та предлагает
Трагика взять; между тем у гарусника ноги опухнут.
Пусть она лучше поет, чем по городу шляется всюду,
Наглая, в кучки мужчин вмешаться готовая смело,
400 Или в присутствии мужа ведет разговоры с вождями
(Прямо с похода), глядя им в лицо и ничуть не краснея.
Этакой все, что на свете случилось, бывает известно:
Знает она, что у серов, а что у фракийцев, секреты
Мачехи, пасынка, кто там влюблен, кто не в меру развратен.
Скажет она, кто вдову забрюхатил и сколько ей сроку,
Как отдается иная жена и с какими словами;
Раньше других она видит комету, опасную царству
Парфов, армян; подберет у ворот все слухи и сплетни
Или сама сочинит, например, наводнение Нифата,
410 Хлынувшего на людей и ужасно залившего пашни,
Будто дрожат города, оседает земля, — и болтает
Эта сорока со встречным любим на любом перекрестке.
Впрочем, жена и с пороком таким не столь нестерпима,
Как приобывшая драться с соседями, бить их ремнями,
Бедных, вопящих; когда ее сон прерывается лаем, —
«Палок давайте, кричит, живей!», и велит она раньше
Ими хозяина бить, а потом уже бить и собаку.
Страшно и встретиться с ней; она отвратительна с виду.
Моется в бане она по ночам: вдруг прикажет тревогу
420 Бить, свои шайки нести — парится с шумом великим;
Руки когда упадут у нее, утомленные гирей,
Ловко ее щекотать массажист начинает проворный,
Хлопая громко рукой по ляжкам довольной хозяйки;
Голодны гости меж тем, несчастные, хочется спать им;

Вся раскрасневшись, приходит она, наконец, и готова
Выпить корзину вина вместимостью в целую урну;
В ноги поставив ее, она тянет второй уж секстарий
Перед едой, аппетит возбуждая поистине волчий;
После ж, когда все вино изрыгнет, промывая желудок,
430 Мрамор потоки зальют, золотая лоханка фалерном
Пахнет; подобная длинной змее, свалившейся в бочку,
Женщина пьет и блюет. Тошнит, понятно, и мужа:
Он, закрывая глаза, едва свою желчь подавляет.

Впрочем, несноснее та, что, едва за столом поместившись,
Хвалит Вергилия, смерти Элиссы дает оправдание,
Сопоставляет портов друг с другом: Марона на эту
Чашу кладет, а сюда на весы полагает Гомера.
Риторы ей сражены, грамматики не возражают,
Все вокруг нее молчат, ни юрист, ни глашатай не пикнут,
440 Женщины даже молчат, — такая тут сыплется куча.
Слов, будто куча тазов столкнулась с колокольцами;
Тут уж не станет никто насиловать медные трубы,
Так как она и одна помогает луне при затменье.
Мудрый положен предел увлечениям самым почтенным:
Та, что стремится прослыть ученой, речистой не в меру, —
Выше колена должна подпоясывать тунику, в жертву
Резать Сильвану свинью и платить по квадранту за баню.
Пусть же матрона, что рядом с тобой возлежит, не владеет
Стилем речей, энтимемы кудрявые не запускает .
450 Средь закругленных словес и не всё из истории знает.
Пусть не поймет и из книг кой-чего; мне прямо противна
Та, что твердит и еще раз жует Палемона «Искусство»,
Вечно законы блюда и приемы правильной речи,
Та, что, древность любя, неизвестный нам стих всцоминает
Или напрасно слова поправляет простушки-подруги;
Нет, уж позвольте мужьям допускать обороты любые.

Женщина все позволяет себе, ничего не считает
Стыдным, лишь стоит на шею надеть изумрудные бусы
Или же ухо себе оттянуть жемчужной сережкой.
460 Что может быть несноснее, чем... богатая баба:

Видом противно лицо, смехотворно, от множества теста
Вспухшее все, издающее запах Поппеиной мази, —
Губы марают себе несчастный муж в поцелуе.
С вымытой шеей она к блуднику лишь пойдет: разве дома
Хочет казаться красивой она? Блудникам — благовонья!
Им покупается все, что пришлют нам инды худые.
Вот показала лицо и снимает свою подмалевку, —
Можно узнать ее; вот умывается в ванне молочной,
Ради которой она погнала бы ослиное стадо

470 Даже в изгнание вплоть до полярных Гипербореев.
Это лицо, что намазано все, где меняется столько
Снадобий разных, с припарками из подогретого теста
Или же просто с мукой, — не лицом назовешь ты, а язвой.

Стоит труда изучить хорошенько, что делают жены,
Чем они заняты целые дни. Если ночью ей спину
Муж повернет — беда экономке, снимай гардеробщик
Туннику, поздно пришел носильщик будто бы, значит
Должен страдать за чужую вину — за сонливого мужа:
Розги ломают на том, этот до крови исполосован

480 Плетью, кнутом (у иных палачи нанимаются на год).
Лупят раба, а она себе мажет лицо да подругу
Слушает или глядит на расшитое золотом платье;
Порют — читает она поперечные строчки на счетах;
Порют, пока палачам изнемогшим хозяйка не крикнет
Грозное «вон!», увидав, что закончена эта расправа.
Домоправление жены — не мягче двора Фаларида.

Раз уж свиданье назначено ей, должно нарядиться
Лучше обычных дней — и спешит к ожидающим в парке
Или, быть может, скорей, у святилища сводни — Изиды.

490 Волосы ей прибирает несчастная Псека, — сама-то
Вся растрепалась от таски, и плечи и груди открыты.
«Локон зачем этот выше?» — И тут же ремень наказует
Эту вину волоска в преступно неверной завивке.
Псеки в чем недосмотр? Виновата ли девушка, если
Нос твой тебе надоел? — Другая налево гребенкой
Волосы тянет, и чешет, и кольцами их завивает.

Целый совет: здесь старуха рабыня, что ведает пряжей,
Больше, за выслугой лет, не держащая шпилек хозяйки, —
Первое мнение будет ее, а потом уже скажут

500 Те, что моложе годами и опытом, будто вопрос тут —
Доброе имя и жизнь: такова наряжаться забота.

Ярусом сколько, надстроек возводится зданьем высоким
На голове; поглядишь — Андромача с лица, да и только!
Сзади поменьше она, как будто другая. А ну как
Ростом не вышла она в Андромачу и, став без котурнов,
Будет не выше, чем дева пигмейской породы: тогда ведь
Для поцелуев-то ей подыматься на цыпочки нужно.

Нет у такой жены ни заботы о муже, ни мысли
О разоренье: живет она просто, как мужа соседка,
510 Ближе к нему только тем, что друзей и рабов его хает,
Тяжко ложась на приход и расход. Исступленной Беллоны
Хор приглашает она иль Кибелы, — приходит огромный
Полумужик, что в почете у меньшей брати бесстыдной,
С давних времен оскопивший себя черепком заостренным;
Хриплая свита дает ему путь, отступают тимпаны.
Толстые щеки его — под завязкой фригийской тиары;
Важно кричит он, велит сентября опасаться и Австра,
Если она не пожертвует сотню яиц в очищение
И самому не отдаст багряниц поношенных, дабы
520 Все, что внезапной и тяжелой опасностью ей угрожает,
В эти одежды ушло, принося искупление за год.
Ради того и зимой через лед нырнет она в реку,
Трижды поутру в Тибр окунется, на самых стремнинах
Голову вымоет в страхе — и голая, с дрожью в коленях,
В кровь исцарапанных, переползет все Марсово поле
(Гордого поле царя); прикажет ей белая Ио —
Вплоть до Египта пойдет и воду от знойной Мероп
Взяв, принесет, чтобы ей окропить богини Изиды
Храм, — возвышается он по соседству с древней овчарней:
530 Верит она, что богиня сама насылает внушенья;
Будто с ее-то душой и умом не беседуют боги!

Вот почему наивысший почет особливо имеет
Тот, кто в плешивой толпе, разодетый в льняные одежды,
Ходит Анубисом-псом, глумясь над поникшим народом;
Молится он о жене, что нередко была неводержжна
В совокупленье на праздничный день или на день запретный:
Тяжкая кара грозит за поправление брачного ложа, —
Кажется, точно серебряный змей шевельнул головою...
Слезы жреца и заученный шепот приводят к тому, что
540 Женщины грех отпустить согласится Озирис, — конечно,
Жирным гусём соблазненный и тонкого вкуса пирожным.

Этот уйти не успел, как еврейка-старуха, оставив
Сено свое и корзину, нашепчет ей на ухо тайны,
Клянча подачку, — толмач иерусалимских законов,
Жрица великая древа и верная вестница неба;
Будет подачка и ей, но поменьше: торгуют евреи
Грезами всякого рода за самую низкую плату.

Вот из Армении иль Коммагены гадатель посмотрит
В легкие теплой голубки — и милого друга сулит ей,
550 Смерть богача холостого и крупные деньги в наследство;
Перекопает он груди у кур и нутро собачонки,
Даже иной раз младенца, — и сам же доносит на жертвы.

Большая вера халдеям: чего ни наскажет астролог —
Жены поверят, что это вещает источник Аммона,
Раз уж Дельфийский оракул умолк, а роду людскому
Леетно в грядущую тьму заглянуть, насколько возможно.
Выше всех ценится тот, кого несколько раз высылали,
Чье дружелюбие и чей гороскоп погубили недавно
Славную жизнь гражданина, внушившего ужас Отону.
560 Верят искусству его, хотя б кандалами гремел он
Справа и слева, хотя б сидел он в остроге военном.
Неосужденный астролог совсем не имеет успеха:
Гений лишь тот, кто едва не погиб, попав на Циклады
В ссылку, кто, наконец, избегнул теснины Серифа.
Спросит его и о медленной смерти желтушной мамыши
И о тебе Танаквила твоя, да скоро ли сестры,
Дяди помрут, да любовник ее — проживет ли он дольше,

Чем Танаквила сама; чего еще боги даруют?

Впрочем, иные не знают, чем мрачный Сатурн угрожает

570 Или в каком сочетании звезд благосклонна Венера,

Месяц к убытку какой, какое к прибыли время.

Не забывай избегать даже встречи с женщиной, если

Виден в руках у нее календарь, что лоснится, будто

Жирный янтарь: уж она у других не попросит совета, —

Спросят ее самоё; она не пойдет с своим мужем

В лагерь, домой: не пускают ее вычисленья Трасилла.

Если захочется ей хоть до первого камня доехать —

Время берется по книге, а если зачешется веко,

Мази попросит она, посоветовавшись с гороскопом.

580 Если больная лежит, то часы для принятия пищи

Выберет только такие, которые дал Петосирис.

Если она небогата, она, пробежавши пространство

Между столбами, отдаст свой жребий, и руку протянет,

И предоставит лицо — прорицателю: любит он чмокать.

Тем, кто богаты, тем авгур фригийский дает разъясненья,

Или индус нанятой, что сведущ и в небе и в звездах,

Или этрусский старик, что молнии в Риме хоронит.

Жребий плеебек сокрыт на окраинах города, в цирке:

Женщины эти, надев золотую цепочку на шею,

590 Возле столбов цирковых и колонн с дельфином гадают,

Бросить кабатчика ль им да пойти за старьевщика замуж.

Бедные хоть переносят опасности родов и терпят

Тяжкий кормилицы труд, принужденные долей замужних.

На позолоченном ложе едва ль ты найдешь роженицу:

Слишком лекарства сильны, и слишком высоко искусство

Той, что бесплодие дает и приводит к убийству во чреве

Женщин. Ликуй же, несчастный, любое питье подавая:

Если бы вдруг захотела жена растянуть себе брюхо,

Мучась толчками младенца, то, может быть, ты эфиопа

600 Станешь отцом — и чернявый наследник, которого утром

Видеть противно тебе, не замедлит войти в завещанье.

Что говорить о подкидышах нам? У ямин зловонных

Их подбирают, на радость мужьям, и понтифики часто,

Салии родом оттуда, и Скавров подделано имя
В теле чужом. Сторожит по ночам, улыбаясь младенцам
Голым, Фортуна коварная, греет их всех, завернувши
В пазуху, вводит потом голышей в родовитые семьи.
Втайне забаву готовя себе, она их лелеет,
Возится с ними, всегда выдвигает их, будто питомцев.

610 Кто принесет заклинанья, а кто фессалийского яду
Женке продаст, чтоб супруга она, совсем одурманив,
Смело пинала ногой. Потому-то и стал ты безумен,
Вот потому и туман в голове и забыл ты о деле
Сразу. Но это еще переносно, пока не впадешь ты
В бешенство, вроде того опоенного дяди Нерона,
Мужа Цезонии, что налила ему мозг жеребенка
(Всякая женщина то же, что царские жены, содеет).
Всё пред Калигулой было в огне, все рушились связи,
Точно Юнона сама поразила безумием мужа.

620 Право же, менее вредным был гриб Агриппины, который
Сердце прижал одному старику лишь и дал опуститься
Дряхлой его голове, покидавшей землю для неба,
Дал опуститься рту со стекавшей длинной слюною.
Зелье такое вызывает к огню и железу и мучит,
Зелье терзает сенаторов кровь и всадников жилы:
Вот чего стоит отродье кобылы да женщина ведьма!

Жены не терпят детей от наложниц. Ни спорить нельзя тут,
Ни запрещать: ублюдка (да, да) надлежит уничтожить;
Вас, малолетки с большим состоянием, предупреждаю:
630 Жизнь берегите, отнюдь не имейте доверия к пище:
В этих бледных лепешках кипят материнские яды.
Пусть-ка откусит сперва кто-нибудь от того, что предложит
Мачеха; пусть-ка пригубит питье опасливый дядька.

Вдумка это, конечно? Сатира обулась в котурны,
Мы преступили, конечно, границы и правила предков:
Точно в Софокловой маске безумствует стих нарочитый,
Чуждый рутульским горам, незнакомый латинскому небу...
Пусть бы мы лгали, пусть! Но Понтия вслух заявляет:
«Да, сознаюсь, приготовила я аконит моим детям;

640 Взяли с поличным меня, — преступленье свершила сама я).
— Злая гадюка, обедом одним умертвила двоих ты,
Сразу двоих? — «Будь семеро их, семерых бы я тоже...»
Лучше поверить всему, что поведал нам трагик о Прокне
И о колхидянке лютой; я их не могу опровергнуть,
В те времена совершали они чудеса злодеяний
Не из-за денег совсем; изумления меньше достоин
Верх злодеяний: ведь женщин всегда к преступленью приводит
Гнев, и, пылая от бешенства сердцем, они понесутся
Вниз головой, как скала летит, сорвавшись с вершины,
650 Если осядет гора и обрушится скользким уклоном.
Нет, нестерпимы мне те, что с расчетом свои злодеянья
В здравом уме творят. Они смотрят «Алкесту», что мужа
Смерть приняла; а вот если бы им предложили замену,
Мужниной смертью они сохранили бы жизнь собачонки.
Ты, что ни день, Данаид повстречаешь, найдешь Эрифилу,
Каждая улица Рима имеет свою Клитемнестру;
Разница только лишь в том, что та Тиндарида держала
Правой и левой рукой топор нелепый и грубый,
Нынче же дело решит незаметное легкое жабы;
660 Ну, а железо — лишь там, где Атрид осмотрительно принял
Противоядие битого трижды царя Митридата.

САТИРА СЕДЬМАЯ

Только в Цезаре — смысл и надежда словесной науки:
Он ведь один почтил печальных Камен в это время, —
Время ненастья, когда знаменитые наши поэты
Брали на откуп то в Габиях баню, то в Риме пекарню
И не считали позором и срамом глашатая дело,
Время, когда из долин Аганиппы, покинув их, Клио,
Вовсе голодная, переселилась в приемные залы.
Если нельзя увидеть и гроша в тени Пиэрии,
Ты поневоле возьмешь ремесло и кличку Махеры:
10 Выйдешь толпе продавать на комиссию взятые вещи —
Мебель, посуду для вин, треноги, комоды, шкатулки,
Пакция, Фавста стихи — «Алкитою», «Фивы», «Терея».
Лучше уж так, чем в суде заявлять, что ты очевидец,
Сам ничего не выдав; хоть и так поступают вифинцы,
Разные всадники там азиатские, каппадокийцы
Да голопятый народ, что Галлия нам поставляет.
Только лишь с этой поры наукам противной работы
Взять не захочет никто, вилетающий звучные речи
В мерно-певучий размер, ни один из отведавших лавра.
20 Помните, юноши: смотрит на вас и вас поощряет
Благоволение вождя, готового дать вам награду.
Если же ты, Телесин, еще откуда-то мыслишь
Помощи ждать в делах, заполняя стихами пергамент
Книги шафранной, то лучше потребуй немедленно дров ты,
Свиток в дар принеси огневому супругу Венеры
Или запри его, брось и отдай на съедение моли:
Ты, создатель высоких стихов в своей маленькой келье
С целью плющ заслужить и тощее изображение,

Жалкий, сломай-ка перо и покинь бессонные битвы:

30 Больше надежды нам нет, — скупой богатей научился
Авторов только хвалить, поэтам только дивиться,
Как на павлина дивится юнец. А годы уходят —
Возраст, который сносил и море, и шлем, и лопату,
В душу тогда проникает тоска, и красноречивый
Голый старик проклинает себя и свою Терпсихору.

Знай же уловки того, кого чтишь вместо муз, — Аполлона,
Как он хитрит для того, чтоб тебе поменьше досталось:
Сам он пишет стихи, одному уступая Гомеру
(Ради тысячи лет), и, если ты, сладостью славы

40 Пылкий, читаешь, — тебе приспособит он для выступления
Дом заброшенный, что уж давно за железным засовом,
С дверью, подобной воротам, замкнувшимся перед осадой,
Даст и отпущенников рассадить на последних скамейках,
Громкие даст голоса из среды приближенных, клиентов;
Но ведь никто из царей не оплатит цену сидений,
Цену подмостков, стоящих на брусьях, что в долг были взяты,
Или оркестры, где кресла стоят — заемные тоже.

Всё же мы дело ведем и по тощему пыльному слою
Ташим плуг бороздой на пашне бесплодного поля;
50 Мы как в петле привычки к тщеславному делу; свободы
Нам не дано, а зараза писать повальнойю стала.
Болью души она держит людей и в них матерее.

Лишь выходящий из ряда поэт, особенной крови,
Что не выводит на ткани привычный узор, не чеканит
Пошлых стихов одинакой для всех разменной монетой, —
Этот поэт — я не знаю его, а чувствую только —
Создан духом превыше забот, без горечи вовсе;
Он стремится в леса и жадно пьет, вдохновенный,
Из родника Аонид. Не споев в пиэрийской пещере,

60 Тирса не сможет держать — бедняк печальный, лишенный
Всех тех средств, что нужны бывают и днём и ночью
Телу его: был сыт, восклицая «эвбэ» Гораций.
Есть ли таланту простор, когда не только стихами
Сердце полно и стремленьем к владыкам Кирры и Нисы, —

Сердце, которому трудно нести двойную заботу?
 Дело великой души — не забота купить покрывало,
 Но созерцанье коней, колесниц, божественных ликов,
 Той Эринии, кем приведен в смятение Рутул.
 Если б Вергилий был без слуги, не имел бы жилища

70 Сносного, то из волос Эриний все гидры упали б,
 Мощным звуком труба, онемев, не выиграла бы; можно ль
 Требовать с Лаппы Губрена все качества древних трагедий,
 Если «Атрей» отдает под заклад и плащи и посуду?

Сам Нумитор не бедняга ль? Послать ему нечего другу,
 Ну а Квинтилле дарить, — на это находятся деньги;
 Есть и на то, чтобы льва приобрести ручного, что мясо
 Жрет помногу: ведь зверь, как известно, стоит дешевле,
 Нежели брюхо поэта, который съест что угодно.

Пусть преславный Лукан возлежит среди мраморов сада:
 80 Что для Серрана вся слава его, коль она только слава?
 Что в ней бедняге Салею, хоть это и слава поэта?
 Смотришь, на чтение бегут приятной для всех «Фиваиды»,
 Только лишь Стаций назначил день и обрадовал город.
 Что за нежностью он охватил плененные души,
 Что за страсть у толпы послушать эту поэму!
 Но хоть скамьи и трещат под народом, — а Стацию кушать
 Нечего, коль не продаст он новинку «Агаву» Парису:
 Должности тот раздает почетные часто и щедро
 И на полгода кольцом золотым обручает поэтов.

90 То, чего знатный не даст, даст актер, чего ж ты хлопочешь
 У Камеринов, Барей, в просторных приемных вельможи?
 Ведь «Пелопея» префектов дает, «Филомела» — трибунов,
 Но не завидуй поэтам, которых лишь сцена питает:
 Где у тебя Меценат, кто будет тебе Прокулеем,
 Фабием кто? Где Котта второй и новый где Лентул?
 В те времена по таланту была и награда; для многих
 Было полезно бледнеть, в декабре без вина оставаясь.

Далее, ваши труды, летописцы, на много ль доходней?
 Больше и времени нужно на них и масла для лампы.
 100 Меры не знаете вы; уже тысячный лист громоздится,

И вырастает у всех зловещая груда бумаги:

Так изобилие дел и законы науки велели.

Жатва у вас какова? И дает ли плоды эта почва?

Кто же историк у даст, сколько тот — собирателю справок?

Вы, мол, ленивый народ, довольный покоем и тенью.

Ну, а дают что-нибудь для ходатаев наших гражданских

Спутницы их, деловые бумаги в огромных обложках?

Эти красно говорят, когда кредиторы их слышат, —

Пуше всего, если их за бока возьмет тот, кто покруче,

110 За должником ненадежным придя с объемистым списком:

Тут они, как из мехов, изрыгают безмерные враки,

Брызжа на платье слюной; но если ты хочешь проверить

Цену их жатвы, сюда положи достояние сотни

Этих юристов, туда — одного лишь Лацеры из «красных».

Вот уж уселись вожди: встает побледневшим Аяксом

Спорной свободы защитник пред ликом судьи-свинопаса;

Грудь надрывай, несчастный, чтоб после, когда изнеможешь,

Пальму зеленую дали тебе — украшение лестниц.

Что же в награду за речь? Сухая грудинка да блюдо

120 Рыбок, иль высохший лук — мясина рабов мавританских,

Или штук пять бутылей вина, подвезенного Тибром.

Если четырежды ты выступал, заработал червонец,

То и с него кое-что попадет прагматикам в долю.

Платят Эмилию, сколько должны, хотя бы он хуже

Нас говорил, потому что в передней его колесница

С рослой четверкой коней из бронзы и сам он, на дикой

Воинской лошади сидя, грозитя копьём дальнометным,

Будто бы бой выбирая своей одноглазой фигурой.

Так-то беднеет Педон и Матон разоряется, близок

130 К краху Тонгилий с его притираниями из носорога,

С шумной толпой неопятных клиентов, когда через площадь

Слуги мидийские в длинной лектике несут его, с целью

Вилл накупить, серебра, и рабов, и сосудов из мурры,

Пурпуром ткани из Тира прельстительно вас убеждая.

Выгодно это для них: дороже в пурпуре стряпчий,

Цену дает фиолетовый плащ; им нужно жить с треском,

- Жить под личиною средств, превышающих их состояние;
Но расточительный Рим не знает предела издержкам.
Разве мы верим речам? Ведь никто не доверил бы нынче
140 Двести монет Цицерону, когда бы не перстень блестящий.
Смотрит сначала истец, имеешь ли восемь рабов ты,
Есть ли лектика с тобой, десяток вожатых, клиенты
В тогах или нет. Недаром в чужом выступал сердолике
Павел, ведь этим дороже он стоил Басила с Галлом.
Редко речь бывает красна в убогих лохмотьях.
Басилу разве дадут показать материнские слезы?
Кто б красноречие вынес его? Пускай уже лучше
Галлия примет тебя, чтоб тебе и за речи платили,
Или же Африка — мамка юристов красноречивых.
150 Ты декламации учишь? Какая железная глотка,
Веттий, нужна, чтоб твой класс, наконец, уничтожил тираннов!
Сидя читается речь, а потом то же самое стоя
Ритору класс преподносит, и то же стихами поет он:
Теми же щами совсем убивают наставников бедных.
Что за оттенок да что за причина и корень вопроса,
Далее, где б усмотреть возможные стрелы ответов, —
Всем ведь желательно знать; а платить — никто не желает.
«Платы? Да разве я что изучил?» Иными словами,
Сам виноват ты, учитель, когда у аркадского парня
160 Сердце еще не взыграло, хотя бы он еженедельно
Бедную голову нам забивал «Ганнибалом» ужасным,
Что ни задумал бы он: устремиться ли после сраженья
В Каннах на Рим, или после дождей и гроз осторожно
Войско свое отвести, отсыревшее от непогоды.
Хочешь, побьюсь об заклад — и немедля наличными выдам,
Ежели парня отец столько раз его сможет прослушать.
То же все шесть или больше софистов кричат в один голос
И, побросавши вояк, занимаются подлинным делом:
С них уж довольно отрав да мужей этих неблагодарных
170 Или котлов, что слепым старикам возвращают здоровье.
Ритор в отставку уйдет, коль поступит по нашим советам,
Вступит на пестрый жизненный путь, от школьного мрака

В битву жизни сойдет: у него не погибнут деньжонки,
Раз он достанет себе тессеру на выдачу хлеба.
Это ведь самый высокий доход для ритора. Спросишь,
Учит почем Хрисогон, почем Поллион богатеев,
И от досады порвешь весь учебник речей Феодора.

Тысяч шестьсот стоит баня, да портик — еще подороже,
Где господину понежиться в дождик, не дожидаясь
180 Ясной погоды, носилки свои не забрызгавши грязью
(Так-то лучше блестят копыта нарядного мула).
Сзади — столовый зал, на больших нумидийских колоннах,
Высю своей собирает лучи заходящего солнца.
Сколько за дом? И сколько тому, кто умеет расставить
Кушанья, или тому, кто сладкое к пиру готовит?
Перед лицом этих трат полагают, что пары червонцев
Хватит вполне заплатить хотя бы Квинтилиану.
Сын для отца дешевле всего. «Откуда же столько
Квинтилиан имеет лесов?». Не надо примеров
190 Редкой удачи: кому повезет, тот мудр и прекрасен,
Красноречив; кому повезет — родовит, благороден
И, как сенатор, обут в сапоги с застёжками лункой;
Раз повезло — он великий оратор, искусный стрелок он,
Чудно поет (даже если охрип). Вся разница в том лишь,
Что за светила тебя с материнского лона приемлют,
Слыша твой первый крик рожденного только младенца.
Если захочет Судьба, ты из ритора консулом станешь;
Волею той же Судьбы ты не консул будешь, а ритор.
Хоть бы Вентидий — кто? Кто Туллий? Ими звезда лишь
200 Добрая правит да сила чудесная темного рока;
Рок дает царства рабам, доставляет пленным триумфы.
Впрочем, счастливцев такой реже белой вороны бывает.
Многих сомненье берет в их пустой и бесплодной учебе:
Плохо свой кончили век Лисимах, Секунд Карринатский;
Видели вы бедняком, Афины, даже того, кто
С вас не имел ничего, кроме чаши холодной цикуты.

Пусть же, о боги, теням наших предков земля будет легкой,
Пусть благовонный шафран и весна пребывают в их урнах

В честь их желанья, чтоб место отца заступал лишь наставник.

210 Взрослый уже Ахиллес боялся розги, когда он
Пенью учился в родимых горах: он не стал бы смеяться
Даже теперь над хвостом кентавра, учителя пеня. —
Нынче же ученики колотят Руфа и прочих, —
Руфа, которого все Цицероном — аллоброгом звали.

Кто же Келаду отдаст, Палемону ученому столько,
Сколько грамматика труд заслужил? А из этой
Мелочи (плата у них куда чем у риториков меньше!)
Кой-что откусит себе еще и дядька безмозглый,
Им выдающий, урежет себе. Палемон, уступи же,
220 Платы убыток стерпи, подобно тому торгашу, что
Продешевит простыни, одеяла дешевле уступит, —
Лишь бы совсем не пропала работа твоя среди ночи,
Труд спозаранку, когда не проснулись и мастеровые,
Те, что шерсть начинают чесать кривыми гребнями;
Только бы вонь от стольких лампад, сколько было мальчишек,
Зря не пропала, когда по ночам казался Гораций
Вовсе бесцветным и копотью весь покрывался Вергилий.
А для полочки твоей ведь еще у трибунов дознанье
Нужно! Вот так и блюда суровой науки обычай,
230 Ибо учителя долг — языком в совершенстве владея,
Помнить историю всю и авторов литературных
Знать как свои пять пальцев всегда; и ежели спросят
Хоть по дороге в купальню или в баню, кто у Анхиза
Мамкой была, как мачеху звать Анхемола, откуда
Родом она, — скажи; да сколько лет было Ацесту,
Сколько мехов сицилийских вин подарил он фригийцам;
Пусть, мол, наставник оформит рукой еще мягкий характер,
Лепит из воска лицо, как скульптор; пусть своей школе
Будет отцом, чтоб питомцы его не шалили позорно,
240 Не предавались порокам. Легко ль за руками мальчишек
Всех уследить, когда, наблюдив, они прямо не смотрят?
Вот, мол, забота тебе. А кончится год, получай-ка,
Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка.

САТИРА ВОСЬМАЯ

то в родословных за толк? Что пользы, Понтик,
считаться
Древних кровей, выставять напоказ своих предков
портреты —
Эмилианов род, стоящих на колесницах,
Куриев жалких остатки, Корвина, что стер уже плечи,
Гальбу, совсем без ушей и вовсе лишенного носа?
Что из того, что в большущей таблице хвастливо укажешь
Ты на Корвина, сплетаясь на древе с иными ветвями,
Где потемнел уже конный начальник с диктатором вместе, —
Если порочишь ты Лепидов честь? К чему эти лица
10 Стольких вояк, если ты пред лицом Сципионов играешь
В кости всю ночь, засыпаешь же только с восходом денницы —
В час, когда эти вожди пробуждали знамена и лагерь?
Стоит ли, Фабий, — хоть ты Геркулесова рода потомок, —
Радоваться аллобробгам, большим алтарем восхищаться,
Раз ты и жаден, и пуст, и слаб, как евганский ягненок?
С кожей изнеженной, пемзой катинской натертой, позоришь
Ты волосатых отцов и, точно преступник, бесчестишь
Весь свой несчастный род портретом своим недостойным.
Хоть твоя зала полна восковыми ликами предков, —
20 Знатности нету нигде, как только в доблести духа:
Нравом, характером будь иль Коссом, иль Друзом, иль Павлом,
Вот кого выставляй ты пред ликами собственных предков,
Вот кто, если ты консул, тебе вместо ликторов будут.
Выкажи прежде всего богатства души: заслужил ли
Праведность ты, за правду держась на словах и на деле?
Да? Так ты знатен. «Привет тебе, Лентул, привет тебе, Юний,

Кто б ты ни был, хоть крови другой, гражданин необычный,
Редкий муж, для родины всей предмет ликованья!» —
Так бы и крикнул, совсем как народ, обретя Озириса.

30 Разве можно назвать родовитым того, кто не стоит
Рода и только несет с собой знаменитое имя?

Правда, и карлика мы иногда называем Атлантом,
Лебедем негра зовем, хромую девчонку — Европой;
А у ленивых собак, паршивых от старой чесотки,
Лижущих край фонаря, в котором нет уже масла,
Кличка бывает и «Барс», и «Тигр», и «Лев», и еще там —
Кто погромче рычит из зверей. Поэтому бойся,
Остерегайся, чтоб не был и ты «Камерин» или «Кретик».

Речь для кого я веду? Я к тебе обращаюсь, Рубеллий
40 Бланд. Ты на древнем надут родословном дереве Друзов,
Будто бы сам совершил кое-что, благородный заслугой, —
Дуешься тем, что рожден от блестящего семени Юла,
А не от пряхи наемной, живущей у самых окраин.

«Подлые вы, говоришь, вы из низшего слоя народа;
Можете ль вы указать нам, откуда родители родом?

Я же Кекропов внук!» Живи себе и услаждайся,
Раз ты уж так родовит. И, однако, в низах у плебеев

Скрыт тот речистый квирит, что умеет поддерживать тяжбу
Знатного неуча; также плебеи, одетые в тоги,

50 Права узлы расплетут, разрешат загадки закона.

Юноша-воин спешит на Евфрат иль к орлам, стерегушим
Смятых батавов: силен он оружием; а ты что такое?

Внук Кекропа, ты только подобье обрубленной гермы.

В чем твоя разница с ней? Да только лишь в том, что у этой
Каменная голова, у тебя же фигура живая.

Тевкров, потомок, скажи, разве кто бессловесных животных
Кровными будет считать, если нет у них силы? Мы хвалим
Борзых коней, на бегу столь легких, что хлопать устанешь
В цирке, охрипшем от криков, когда там ликует Победа.

60 Тот лишь породистый конь (с каких бы ни был он пастбищ),

Кто впереди всех бежит, кто первый пылит на равнине.

Конь от кровей Корифея иль хоть бы Гирпина — продажный

Скот, если редко Победа стоит на его колеснице.
Нет ведь у них почитания предков, нет снисхожденья
К тениям: прикажут — они по дешевке меняют хозяев;
Шею стереж хомутом, их потомки тянут телегу
Или крутят жернова на мельнице, на ноги слабы.

Чтобы дивиться тебе, — не твоим, — свое покажи нам,
То, что можно как надпись врезать, помимо почета,
70 Что воздаем мы всегда тому, кому всем ты обязан.

Этого хватит юнцу, который, как слышно, зазнался,
Высокомерен и горд от того, что родня он Нерону.
Верно, что здравый смысл у Судьбы бывает не часто.
Мне не хотелось бы, Понтик, чтоб ты ценился за то лишь,
Что было славой предков твоих, без того, чтобы сам ты
Честь заслужил. На славу других опираться позорно,
Чтоб не упасть и не рухнуть, как крыша, утратив подпору.
Так и лоза, стелясь по земле, тоскует по вязу.

Будь же добрый солдат, опекун, судья беспристрастный;
80 Если ж свидетелем будешь в делах неясных и темных,
То хоть бы сам Фаларид повелел показать тебе ложно
И, угрожая быком, вынуждал бы тебя к преступленью, —
Помни, что высший позор — предпочесть бесчестие смерти
И ради жизни сгубить самое основание жизни.
Смерти достойный — погиб, хоть бы сотню устриц лукринских
Он поедал за обедом и в Космов котел погружался.

В день, когда ты правителем станешь желанных провинций,
Нрав свой крутой сумей обуздать, умерь раздражение,
Алчность свою сократи и жалея союзников бедных:

90 Нет ведь у них ничего — только кости, даже без мяса.
Что говорят законы, следи, что тебе поручает
Курия: сколько наград ожидает правителей добрых,
Как от сенатских правых громов Капитон и Нумитор
Пали за свой киликийский грабеж. Да что в этом толку?
Право, Херипп, продавай-ка с торгов последнюю рухлядь
Да помолчи, ибо Панса возьмет то, что Натта оставил:
Просто безумье терять даже то, что есть на дорогу.

Вот в старину процветал покоренный нами союзник:
Не было стонов и не было ран понесенной утраты;
100 Полной чашей был дом, повсюду лежали большие
Деньги, из Спарты плащи, пурпурные ткани из Коса,
И со скульптурой Мирона, с картиной Паррасия жив был
Фидий в слоновой кости, и много работ Поликлета;
Редкий стол обходился без Ментора славных изделий.
Вот откуда тащил Антоний, тащил Долабелла,
Веррес безбожный тащил: в глубине корабельного трюма
Тайно добычу везли побольше военных триумфов.
Что ж у союзников ныне? Лишь пара волов, табунок лишь
Конский, стада вожак, участочек поля — все взято
110 Вплоть до ларов самих, коль статуя есть повиднее,
Хоть бы одно божество в кивоте: ибо и это
Ценно теперь и считается главным. Может быть, прав ты,
Что презираешь бессильный Родос и Коринф умащенный;
Прав ты: бояться ль тебе смолою покрытых мальчишек
Или народа, что весь на голених выщипал волос?
Лишь избегай ты суровых испанцев и области галлов
Да берегов иллирийских, щадя и жнецов, что питают
Рим, пока отдает он досуги театру и цирку,
Да и какие награды возьмешь ты за счет преступления,
120 Раз так недавно Марий раздел догола африканцев?
Прежде всего воздержись обижать союзников бедных,
Но храбрецов; отбери хоть бы золото все, что имеют,
И серебро, однако оставь и щиты и мечи им,
Дротик и шлем, чтоб оружие все ж у ограбленных было.
То, что я высказал здесь, не только суждение, — правда:
Верьте, что я прочитал пророческий свиток Сивиллы.
Если чиста твоих присных толпа, и если решений
Не продает твоих долговолос, если нет за супругой
Вовсе проступков, и Гарпия эта с когтями кривыми
130 По городам не гуляет твоим, на сборищах грабя, —
То хоть от Пика свой род исчислай, и если прельщают
Древних тебя имена,ставляй хоть все войско титанов
Как твоих предков и с ними возьми самого Прометея

Или же пращура сам выбирай из любой родословной.
Если ж тебя увлекают стремительно гордость и страсти,
Если ломаешь ты прутья в крови союзников, льстясь
Тем, что секиры тупятся в руках твоих ликторов, — значит,
Знатность предков самих восстает на тебя и предносит
Яркий светоч твоим постыдным делам и поступкам.

140 Ясно, — чем выше считается тот, кто грешит, тем заметней
Всякий душевный порок, таящий в себе преступление.
Что в тебе, если привык ты подписывать ложные акты
В храмах, что дед воздвиг, пред лицом отцовской почетной
Статуи, прелюбодей, ночной гуляка, укрывший
Рожу свою под плащом из грубой шерсти сантонской?

Вот мимо праха отцов и костей их в лихой колеснице
Скачет толстяк Латеран и сам, хоть консул, колеса
Тормозом сильным жмет, как возница, правда, среди ночи;
Но это видит луна, и звезды-свидетели смотрят.

150 Только лишь кончится срок Латерана службы почетной,
Он среди бела дня возьмется за бич, не стыдяся
Встретиться так с одним из друзей, уже престарелым,
Первый хлыстом взмахнет в знак привета, сена достанет,
Всыплет сам ячменя своей уставшей запряжке.
Он пред Юпитеровым алтарем, по обычаю Нумы,
В жертву мохнатых овец принося и бурую телку,
Только Эпоной клянется и писанными на конюшнях
Мордами. Если ж пойти он захочет в ночную харчевню,
Тут навстречу ему выбегает сирофиникиец,
160 Весь раздушенный, как бывший жилец ворот Идумейских;
Этот харчевник приветствует гостя «царем» и «владыкой»,
С ним и Киана с коротким подолом вино предлагает.
Скажет защитник греха: «И мы, молодые, такими ж
Были». Пусть так; но ведь ты перестал и больше ошибкам
Не потакаешь? Пусть будет недолгой позорная удаль:
Шалости разные надо сбивать нам с первой бородкой.
Только к юнцам снисходи; Латеран же стремится к холщовым
Вывескам с надписью, к чаше вина в дешевой харчевне
В пору, когда он созрел для военного дела, охраны

170 Рек армянских, сирийских, для службы на Рене, на Истре,
В возрасте мощном, способном хранить безопасность Нерона, —
В Остию, Цезарь, его посылай; но легата в харчевне
Надо искать: он там выпивает с каким-то бандитом,
Вместе с матросами, вместе с ворами, с рабами из беглых,
Меж палачей, мастеров гробовых носилок, средь смолкших
Бубнов Кибелы жреца, что лежит на спине, растянувшись.
Все там вольны равно, и кубок общий, особых
Кресел нет никому, и стол ни к кому не подвинут.
С этаким вот рабом ты, Понтик, как поступил бы?

180 Верно, в этрусский острог посадил бы, сослал бы к луканам.
Вы же, потомки троян, себе позволяете гадость:
То, что сапожнику срам, достойно Волесов и Брута?

Что, если сверх приведенных примеров, постыдных и гнусных,
Есть примеры, что нам говорят о худших пороках?
Вот Дамасипп, добро расточив, свой голос подмосткам
Отдал, желая играть в «Привиденье» крикливом Катулла:
Также и Лентул проворный в «Лаврёоле» выступил ловко,
Став достойным креста не только на сцене — и в жизни.
Ты извиняешь народ? Извинения нет меднолобым:

190 Смотрят, сидят, как патриции их скоморохами стали,
Фабиев смотрят босых, и звук оплеухи Мамеркам
В них вызывает лишь смех. И зачем продают свою гибель
Эти патриции? Разве Нерон их к тому принуждает?
Зря продают, для игры перед претором, севшим высоко.
Даже представь, что здесь — мечи, а там вон — подмости:
Что предпочесть? Кому смерть страшна настолько, что станет
Мужем ревнивым Тимелы, товарищем глупым Коринфа?
Впрочем, странного нет в вельможном актере, коль скоро
Цезарь кифару взял. Остались дальше лишь игры,

200 Новый для Рима позор. Не в оружьи хотя б мирмиллона,
Не со щитом выступает Гракх, не с изогнутой саблей;
Он не хочет доспехов таких, отвергает с презреньем,
Шлемом не скроет лица; зато он машет трезубцем;
Вот, рукой раскачав, висящую сетку он кинул;
Если врага не поймал, — он с лицом, открытым для взоров,

Вдоль по арене бежит, и его не узнать невозможно:
 Туника, до подбородка расшитая золотом, с крупной
 Бляхой наплечной, с которой висит и болтается лента.
 Даже секутор, кому приказано с Гракхом сражаться,
 210 Худший позор при этом несет, чем рана любая.

Если б народу был дан свободный выбор, то кто же —
 Разве пропащий какой — предпочел бы Нерона Сенеке?
 Чтобы его казнить, не хватит одной обезьяны,
 Мало одной змеи, одного мешка для зашивки.
 Сын Агамемнона то же соделал, но повод другой был:
 Разница в том, что по воле богов за родителя мстил он.
 Был Агамемнон убит среди пира; Орест не запятнан
 Кровью Электры-сестры, ни убийством супруги-спартанки,
 Он не подмешивал яд никому из родных или близких.
 220 Правда, Орест никогда на сцене не пел и «Троады»
 Не сочинял. За какое из дел, совершенных Нероном
 В годы его свирепств, кровавой его тирании,
 Больше должны были мстить Вергиний и с Виндиком Гальба?
 Что за деяния, что за художества в цезарском роде:
 Радость позора от скверного пенья на чуждых подмостках,
 Данная греками честь — заслужить венок из петрушки!
 Предков портреты укрась призами за собственный голос
 И положи ты к ногам Домиция сирму Тиеста,
 Маску, в которой играл Антилону ты иль Меланиппу,
 230 Ну, а кифару повесь хоть на мрамор родного колосса.

Можно ль, скажи, Катилина, найти родовитость такую,
 Как у тебя, у Цетега? И все ж вы, как варваров дети,
 Точно отродье сенонов, готовите ночью оружие,
 Пламя несете домам, угрожаете храмам пожаром —
 Дерзость, что кару несет зажженных, как факелы, туник!
 Консул, однако, бдит, укрощает ваши знамена:
 Новый, незнатный совсем человек из Арпина, недавно
 Всадником бывший простым, повсюду ставит заставы,
 Трудится по семихолмому Риму среди граждан смятенных...
 240 Подвиг такой в стенах столицы принес ему славу
 С именем, равным тому, что после добыл Октавий

Близ Левкады, в полях фессалийских мечом, обогренным
Цепью убийств, — и Рим, свободный тогда, Цицерона
Провозгласил отцом, отцом отечества даже.

В вольских горах другой арпинец, над плугом наемным
Изнемогая, просил за работу поденную плату;
После того по башке получал суковатою палкой,
Если ленилась кирка и медленно шло укрепление.

Он-то и взял на себя опасность великую в деле
250 С кимврами и лишь один защитил весь Рим трепетавший.

После побоища кимвров, что поле устлали телами, —
Более крупных клевать даже ворону не доводилось, —
Знатный товарищ героя имел лишь вторую награду.

Дециев дух был плебейским, плебейскими были и сами
Их имена, но богам преисподней, земле их отчизны
Было довольно двоих за все легионы и войско
Римских союзников всех и за все поколение латинов.

Деции сами дороже, чем все, что они сохранили.

Самый последний из добрых царей, заслуживший трабею,
260 Прутьев пучки, диадему Квирина, был сыном служанки.

Консула же сыновья, которым надо бы сделать
Нечто великое ради свободы, что превзошло бы
Подвиг Коклекса и Муция подвиг или же девы,
Тибр переплывшей, тогда границу всего государства, —
Тайно изъяли засов у ворот для возврата тираннов.

Раб сенату открыл преступление, зревшее втайне:
Плачьте, матроны, об этом рабе! А тех справедливо
Палок карает удар и первая римская плаха.

Лучше отцом тебе был бы Терсит, лишь бы сам с Ахиллесом
270 Сходен ты был и владел оружием работы Вулкана,
Чем Ахиллес породил бы тебя на Терсита похожим.

Сколь далеко бы ни взял и сколь в глубь веков ни подвинул
Имя свое, — ты ведешь свой род от подлого сброда.

Первый из предков твоих, кто бы ни был он, пусть пастухом был
Или таким, что о нем и вовсе думать не стоит.

САТИРА ДЕСЯТАЯ

Всюду, во всякой стране, начиная от города Гадов
Вплоть до Востока, до Ганга, немногие только
способны
Верные блага познать, отличив их от ложных и сбросив
Всех заблуждений туман. В самом деле, чего мы боимся

Или разумно хотим? К чему приступить так удачно,
Чтобы потом не понять, когда совершится желанье?

Боги нередко весь род губили, внимая молениям
Этого рода. Ища гражданской и воинской славы,
Ищем себе мы вреда. Смертоносно для многих искусство
10 Стройных и страстных речей. Иной, полагаясь на силу
Рук, изумленья достойных, погиб. Еще чаще гораздо
Душат богатства людей, когда с чрезмерной заботой
Их накопили и так их имущество все превосходит,
Как из Британии кит простых превосходит дельфинов.
Так вот в жестокое время Нерона его приказаньем
Целая рота солдат заперла Лонгина, замкнула
Сенеки пышного парк, заняла Латераново зданье
Чудное; ну, а в каморки солдаты обычно не входят.
Если ты ночью, отправившись в путь, захватишь немного
20 Утвари из серебра, ты меча и копья побоишься
И задрожешь, коли тень тростника при луне шевельнется.
Идя ж без клади, поет и разбойников встретивший путник.

Первая наша мольба, прекрасно известная храмам, —
Это богатство: чтоб средства росли, чтоб был самым полным
Наш на всем рынке сундук. Но яд не подносится в кружке
Глиняной: страшен нам яд, когда чашу с геммами примешь
Или сотинским вином золотой заискрится кубок.

Значит, похвально и то, что один-то мудрец все смеялся,
Как поднимал от порога, вперед вынося, свою ногу,
30 Ну, а другой был совсем не таков: он больше все плакал.
Но ведь любому легко все хулить со строгой насмешкой;
Даже чудно, откуда бралась для глаз его влага.
В их городах не водилось претекст, трабей, трибунала,
Ликторских связей, лектiк — и, однако, веселый учитель,
Все сотрясал Демокрит свои легкие смехом привычным.
Вот если б он увидал, как претор торчит в колеснице,
Двигаясь вжню в толпе посреди запыленного цирка;
Туника бога на нем точно занавес с плеч ниспадает,
Тога с роскошным шитьем, а сверху венок, столь огромный,
40 Что никакой голове снести его не под силу!
Держит, потея, его государственный раб и, чтоб консул
Не зазнавался, стоит вместе с ним на одной колеснице;
Птицу-орла не забудь на жезле из кости слоновой,
Там — трубачей, а здесь — вереницей идущую свиту
И под уздцы проводящих коней белоснежных квиритов:
Их превратила в друзей подачка пустому карману.
Но и в его времена Демокрит находил для насмешек
Темы, встречая различных людей; говорит его мудрость,
Что величайшие люди, пример подающие многим,
50 Могут в бараньей стране и под небом туманным рождаться.
Он осмел и заботы у черни и радости тоже,
А иногда и слезу; сам же он угрожавшей Фортуне
В петлю советовал лезть и бесстыдно показывал кукиш.

Так-то к излишнему все и к гибели даже стремятся,
Набожно воском колени у статуй богов залепляя.
Власть низвергает иных, возбуждая жестокую зависть
В людях; и почестей список, пространный и славный, их топиг.
Падают статуи вслед за канатом, который их тащит,
Даже колеса с иной колесницы срубает секира,
60 И неповинным коням нередко ломаются ноги.
Вот загрещали огни, и уже под мехами и горном
Голову плавят любимца народа: Сеян многомошный
Загрохотал; из лица, что вторым во всем мире считалось,

Делают кружки теперь, и тазы, и кастрюли, и блюда.
Дом свой лавром укрась, побелив быка покрупнее,
На Капитолий веди как жертву: там тащат Сеянов
Крючьями труп напоказ. Все довольны. «Вот губы, вот рожа!
Ну и Сеян! Никогда, если сколько-нибудь мне поверишь,
Я не любил его. Но от какого он пал преступленья?

- 70 Кто же донес? И какие следы? И кто был свидетель?»
«Вовсе не то: большое письмо пришло из Капрен,
Важное». — «Так, понимаю, все ясно. Но что же творится
С этой толпой?» — «За счастьем бежит, как всегда, ненавидя
Падших. И той же толпой, когда бы Судьба улыбнулась
Этому туску, когда б Тиберия легкую старость
Кто придавил, — ею тотчас Сеян был бы Августом назван.
Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы
Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то
Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связки,
80 Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокожно мечтает:
Хлеба и зрелищ!» — «Грозит, наверное, многим уж гибель».
«Да, без сомненья: ведь печь велика». — «Где жертвенник Марса,
Встретился мне мой Бруттидий, совсем побледневший, бедняга.
Как я боюсь, что Аякс побежденный примерно накажет
Нас за плохую защиту! Бежим поскорее, куда
Труп на побережье лежит, и недруга Цезаря — пяткой!
Пусть только смотрят рабы, чтобы кто отказаться не вздумал,
Не потащил, ухватив за шею, к суду господина», —
Вот как болтали и тайно шептались тогда о Сеяне.
90 Хочешь ли ты, как Сеян, быть приветствуем, так же быть в силе,
Этих на кресла сажать курульные ради почета,
Тем войсковую команду давать, императорским зваться
Опекуном, пока сам пребывает на тесной Капрее
С кучкой халдеев? Ты хочешь, конечно, конвоя и копий,
Всадников лучших и войск в столице, — не правда ли, хочешь?
Хочется власти и тем, кто совсем убивать не хотел бы.
Что же настолько блестяще и счастливо в жизни, что мера
Радостных этих вещей равнялась бы мере несчастий?
Что предпочтешь ты — одеться в претексту хотя бы Сеяна

- 100 Или начальством в Фиденах и Габиях быть деревенским,
Жалким эдилом служить в захолустье улубрском и кружки
Неполномерные бить, учиняя над ними расправу?
Стало быть, ты признаешь, — неизвестным осталось Сеяну
То, чего надо желать: добиваясь почета не в меру,
К власти чрезмерной стремясь, готовил себе он ступени
Многие башни высокой, откуда падение глубже
В пропасть бездонную, как от толчка развалилась постройка.
Что погубило вконец Помпеев и Крассов и свергло
Даже того, кто посмел бичевать покоренных квиритов?
- 110 Высшее место, конечно, добытое хитрым искусством,
Слишком большие желанья; им вияли коварные боги.
Редко царей без убийства и ран низвергают к Плутону,
Смерть без насилия к нему отправляет немногих тираннов.
Слава и сильная речь Демосфена иль Цицерона
Станет все больше желанной в течение целых квинкватрий
Тем, кто лишь ассом одним почитает скромно Минерву,
Тем, кого дядька ведет, их маленькой сумки хранитель.
Но ведь оратора оба погибли виной красноречья:
Предал их смерти талант, избыльным стремившийся током.
- 120 У Цицерона рука отрезана, он обезглавлен,
Но не купалась в крови ничтожных юристов трибуна.
«О счастливый Рим! Ты творишь моей консульской властью».
Если бы *так* Цицерон говорил, то Антоний не страшен
Был бы ему. И, по мне, стихи смехотворные лучше,
Чем вдохновенная ты, Филиппика, с честью и славой
В свитке идущая вслед за первой. Конец был жестоким
И для того, кто бурлил как поток, восхищавший Афины
В дни, когда полный театр он держал в узде своей речью.
Он ведь родился под гневом богов и под роком недобрым.
- 130 Полуослепший отец среди сажи руды раскаленной
К ритору сына учиться послал — от клещей и от угля,
От наковальни дляковки мечей и от копоти черной.
Знаки военных побед — приколоченный к дереву панцырь
Или нащечник, висящий с разбитого шлема, и с дышла
Сорванное ярмо, и значок побежденной триремы,

А на вершине всей арки — фигура, сумрачный пленник, —
Сверхчеловеческим счастьем считаются. К этим трофеям
Римский и греческий вождь, вождь варваров равно стремятся:
Это — причина для них подвергаться опасностям, мукам:

140 Жажда славы у них сильнее, чем военная доблесть.
Кто, в самом деле, к одной стремится доблести, если
Нет у наград? И порой отчизну, однако, губила
Слава немногих и страсть похвалы, чтоб почетная надпись
Врезана в камень была, — хранитель пепла, который
Могут разрушить и корни дрянные смоковницы дикой,
Так как гробницам самим ведь тоже даны свои судьбы.

Взвесь Ганнибала: в вожде величайшем много ль найдешь ты
Фунтов? И это ли тот, кого Африка еле вмещала,
От берегов океана Маврийского к теплому Нилу

150 Лынушая, к странам слонов, к племенам эфиопов далеких.
Взята Испания им, хребет Пиренеев им пройден;
Против него выдвигает природа покрытые снегом
Альпы — он скалы дробит и укусом горы взрывает;
Вот уж Италию взял, но все дальше стремится проникнуть.
«Все ни к чему, — говорит, — коль солдат карфагенский ворота
Не сокрушит и знамен на Субуре самой не поставлю».
О, что за образ, достойный картины, когда гетулийский
Слон был оседлан вождем, на один уже глаз окривевшим!
Ну, а какой же конец? О слава! его победили.

160 Ясно, в изгнание стремглав он бежит, и там, он, великий,
Всем на диво клиент, сидит возле царской палатки,
Ждет, пока будет угодно проснуться вифинцу-тиранну.
Жизни его, потрясавшей когда-то судьбы людские,
Что положило конец? Не мечи, не каменя, не копыя,
Но незаметный отмститель за Канны, за кровь пролитую —
Перстень. Безумец, ступай, беги чрез суровые Альпы,
Чтобы ребят восхищать и стать декламации темой!

Юноша родом из Пеллы и кругом земным недоволен:
Жалкий! Он места себе не находит в тесной вселенной,
170 Будто бы в скалах Гиар заключен иль на малом Серифе.
Только когда он войдет в кирпичные стены столицы,

Хватит и гроба ему. Насколько ничтожно людское
 Тело — одна только смерть доказует. А многие верят,
 Будто когда-то Афон переплыли, и верят всем басням
 Греции лживой — что был Геллеспонт весь устлан судами,
 Образовавшими мост колесницам. Мы верим, что реки
 Вместе с потоками высохли все: их выпил мидиец
 Враз за едой, как болтает Сострат с крылом отсыревшим.
 Ну, а каким возвращается Ксеркс, Саламин покидая, —
 180 Варвар, во гневе плетьюм бичевавший и Кора и Эвра,
 Даже в тюрьме у Эола того никогда не терпевших,
 Он, в кандалы заковавший и бога Энносигея?
 Этого мало: ведь он дошел до того, что решился
 Море клеймить: из богов кто ему послужить захотел бы?
 Но возвращался каким он? Один лишь корабль на кровавых
 Волнах тащился едва с своим трюмом, тяжелым от трупов.
 Вот наказаний каких столь желанная требует слава!

«Дай мне побольше пожить, дай мне долгие годы, Юпитер!» —
 Только об этом одном, и здоровый и хворый, ты молишь.
 190 Но непрестанны и тяжки невзгоды при старости долгой.
 Прежде всего безобразно и гадко лицо, не похоже
 Даже само на себя; вместо кожи — какая-то шкура.
 Щеки висят, посмотри, и лицо покрывают морщины
 Те же, какие себе в тенистых долинах Табраки
 Чешет на дряблых щеках престарелая мать-обезьяна.
 Много у юношей есть различий: красивее этот,
 Нежели тот, и иной гораздо сильнее другого.
 Все старики — как один: все тело дрожит, как и голос,
 Лысая вся голова, по-младенчески каплет из носа,
 200 И безоружной десной он, несчастный, жует свою пищу;
 В тягость старик и себе самому, и жене, и потомству,
 Даже и Коссу-ловцу он и то отвращенье внушает.
 Небо его притупилось, — не та уже радость от пищи
 Иль от вина; и давно позабыты им женские ласки:

. . . . .
 . . . . .

Есть ли надежда какая ему при болезненных, дряблых

Чреслах? Конечно, всегда подозрительной кажется похоть,
Что не имеет уж сил, а любви домогается. Дальше
210 Рода другого ущерб посмотри: удовольствия нету
В пении лучших певцов, хотя б кифареда Селевка
Или же тех, что всегда щеголяют плащом золоченым.
Не безразлично ли, где сидеть на ступенях театра,
Если не слышит старик ни горнистов, ни музыки трубной?
Чтоб старику услышать что-нибудь, слуге его нужно
В ухо кричать, кто пришел или сколько часов пополудни.
Скудная кровь у него разгорается в теле остывшем
От лихорадки одной, и грозят ему сомкнутым строем
Всякого рода болезни: попробовать их перечислить
220 Было б труднее, чем всех, кто в любовниках Опии были,
Иль Темизона больных, за одну только осень умерших,
Иль малолетних, что Гирр обобрал, или жертвы Басила,
Или мужчин, изнуренных за день долговязою Маврой,
Иль, наконец, совращенных Гамиллом его же питомцев.
Я бы скорей сосчитал все усадьбы во власти того, кто
Звонко мне, юноше, брил мою бороду, ставшую жесткой.
Этот болеет плечом, тот — ляжкой, коленями — этот;
Тот потерял оба глаза и зависть питает к кривому;
Этого бледные губы из пальцев чужих принимают
230 Пищу, и он, раскрывавший свой рот при виде обеда,
Только зевает, как птенчик касатки, к которому с полным
Ртом подлетает голодная мать. Но хуже ущерба
В членах любых — слабоумье, когда ни имен не припомнишь
Слуг, не узнаешь ни друга в лицо, с которым вчера лишь
Вечером ужинал ты, ни собственных чад и питомцев.
Став слабоумным, старик в завещанье жестоком лишает
Всех их наследства; права на имущества передаются
Только Фиае — награда искусства приученных к ласке
Губ, что года продавались в каморке публичного дома.
240 Пусть не потерял смысл, — все равно схоронить вам придется
Ваших детей и увидеть костер для любимой супруги,
Урны придется узреть и с братним и с сестриным прахом.
Вот наказание долго живущим: влачить свою старость

- При беспрестанных семейных потерях, во многих печалях,
Средь постоянного горя и в траурных черных одеждах.
Пилоса царь, если только великому верить Гомеру,
Дал нам, как вещая птица, пример долголетия жизни.
Счастлив, конечно, кто смерть отложил до других поколений,
Годы считая свои уж на правой руке, не на левой!
- 250 Сколько он раз испивал ежегодно вино молодое!
Но лишь подумай о том, как Нестор на судеб законы
Ропщет, как долгую жизнь он клянет, когда бороду сына,
Яростного Антилоха, он видит горящей и друга
Каждого просит сказать, почему его тянутся годы,
Что за проступок свершил он, достойный столь долгого века.
Так же рыдает Пелей, сокрушаясь о смерти Ахилла,
Иль обреченный судьбой на плач об отплывшем с Итаки.
Без разрушения Трои Приам бы к теням Ассарака
Мог отойти при большом торжестве; его тело бы поднял
- 260 Гектор на плечи свои с сыновьями другими при плаче
Жен илионских; тогда начала бы заплачку Кассандра,
И Поликсена за ней, раздирая одежды, рыдала,
Если скончался бы он в то время, когда еще строить
Не принимался Парис своих кораблей дерзновенных.
Что принесла ему долгая жизнь? Довелось ему видеть
Азии гибель, мечом и огнем дотла разоренной.
Дряхлый тиару сложил, за оружие взялся, как воин,
Пал пред Юпитера он алтарем, как бык престарелый,
Что подставляет хозяйским ножам свою жалкую шею,
- 270 Тошную, ставши ненужным для неблагодарного плуга.
Всякому смерть суждена, но по смерти Приама супруга
Дико залаяла, точно собака, его переживши.
Перехожу к землякам. Пропускаю владыку я Понта,
Также и Креза, кого справедливое слово Солона
Ясно заставило видеть конец своего долголетия.
Мария возраст чрезмерный явился причиной изгнания,
Цепи, Минтурнских болот, из милости данного хлеба,
Что побежденный ему Карфаген уделял. Совершенней
Не было б дара природы земле и счастливому Риму,

280 Если бы он испустил свой дух, насыщенный славой,
Пленных толпой окружен, средь пышности воинской помпы,
Как триумфатор желая сойти с колесницы тевтонской.
Будто предвидя судьбу, лихорадку послала Кампанья
К благу Помпея; но верх одержали моления народа,
Глас городов, — и Судьба Помпея, Фортуна столицы
Голову, что берегла, сняла с побежденного. Муки
Лентул такой избежал, Цетега предали казни
Без поруганья, и труп Катилины целым остался.

Видя Венеры алтарь, озабоченно матери молят
290 О красоте своих чад: о сынах они шепчут, о дочках
Громче гласят, доходя до смешного в обетах: «К чему же
Нас упрекать, если рада Латона красивой Диане?»
Ну, а Лукреция ставит запрет на желанье — не хуже,
Чем у нее, наружность иметь; и Виргиния хочет
Взять хоть бы Рутилы горб, поменявшись с ней красотой.

Сына красивого жалки родители: вечно трепещут,
Зная, как редко живут красота со стыдливостью вместе.
Пусть же семейство ему передаст благолепные нравы
Строгого рода, заветы хранящего древних сабинов;
300 Пусть благосклонной рукой природа дарит его щедро,
Пусть целомудренно лик его рдеет скромным румянцем, —
Разве что большее дать способна ребенку природа,
Всякого стража сильнее и заботливей всякой заботы?
Мужем остаться нельзя: совратитель, в разврате бесстыжий,
Смеет в соблазны вводить и самих родителей даже;
Тверд их расчет на подарки. Жестокый тиранн в своем замке
Не оскотлял никогда безобразного юноши, даже
Сам император Нерон не крал кривоногого парня,
Или зобатого, или с горбом и с брюхом раздутым.
310 Вот упивайся теперь красотой сыновней, — опасность
Больше еще ожидает его: он станет известным
Прелюбодеем, он будет бояться расправы женатых,
В ревности злых, и судьба его будет несчастнее Марса,
В сети попавшего. Эта расправа иной раз бывает
Более жесткой, чем то допускают любые законы:

Тот убивает мечом, а этот плетьюм засекает
В кровь; любodeям иным и ерша порой загоняют.
Эндимион твой, конечно, сначала любовником будет
Мужней жены, а потом, лишь Сервилия даст ему денег,
320 Живо сойдется с такой, кого вовсе не любит, и снимет
Он все уборы ее: отказать разве женщина может,
Тая от похоти? Будь то Оппия, будь то Катумла,
Будь и похуже, — всегда управляет женщиной похоть.

«Чистому чем же вредит красота?» — Ну, а пользу принес ли
Строгий зарок на любовь Гипполиту и Беллерофонту?

Вспыхнула Федра, когда с презрением ей отказали,
И Сфенебея не меньше ее запылала, — и обе
В дикую ярость пришли. Ибо больше всего свирепеет
Женщина, если стыд возбудит в ней ненависть. Что же

330 Ты посоветовать мог тому, кого хочет супруга
Цезаря взять в мужа? Он всех лучше, всех он красивей,
Родом патриций, — и вот влечется несчастный на гибель
Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
Будто невеста; в саду у всех на глазах постилают
Ложу тирийским бельем, по обряду в приданое будет
Выдан миллион, и придут и жрец и свидетели брака...
Думаешь, это секрет и доверено это немногим?

Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?
В повиновенье откажешь — придется погибнуть до ночи;

340 На преступленье пойдешь — ты получишь отсрочку, покуда
Дело, известное всем, до ушей не достигнет владыки;
Он о позоре своем домашнем узнает последним.

Ну, а тем временем ты подчиняйся, раз столько стоят
Несколько дней. Что бы ты ни считал легчайшим и лучшим —
Нужно подставить под меч свою белую нежную шею.

«Значит, нельзя и желаний иметь?» — Если хочешь совета,
Лучше самим божествам предоставь на решение выбор,
Что подходяще для нас и полезно для нашего дела,
Ибо взамен удовольствий дадут нам полезное боги.

350 Мы ведь дороже богам, чем сами себе; увлекаясь
Неким порывом души или страстью слепой и могучей,

К браку стремимся, к потомству от жен; богам же известно,
Что это будут за жены и что это будут за дети.
Ежели просишь чего и святилищам жертвы приносишь
Ты — потроха, колбасу, что из белой свиньи приготовил, —
Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом.
Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью,
Что почитает за дар природы предел своей жизни,
Что в состоянье терпеть затрудненья какие угодно, —
360 Духа, не склонного к гневу, к различным страстям, с предпочтением
Тяжких работ Геркулеса, жестоких трудов — упоенью
Чувством любви, и едой, и подушками Сарданапала.
Я указую, что сам себе можешь ты дать; но, конечно,
Лишь добродетель дает нам дорогу к спокойствию жизни.
Нету богов у тебя, коль есть разум; мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством, помещая в обители неба.

САТИРА ОДИННАДЦАТАЯ

Если роскошный у Аттика стол, то слывет он великим;
Ну а Рутил — дураком. А какой у толпы возбуждает
Хохот бедняга Апиций! За всяким обедом и в бане,
На перекрестках, в театрах — повсюду молва о Рутиле.

Он, говорят, пока тело его и юно и крепко,

Чтобы оружие носить, пока кровь горяча и кипуча,
Без принужденья извне, но, конечно, с согласия трибуна,
Хочет писать договор и предаться тиранству ланисты.

Да и немало таких, кого часто у самого входа

¹⁰ К рынку мясному ждет кредитор, обманутый ими:

В жизни одна у них цель — поесть и попить повкуснее.

Лучше, отменнее всех их ест наиболее жалкий,

Тот, кому пасть суждено, кто того и гляди разорится.

Ну, а пока они ищут закусок во всяких стихиях:

Прихотям их никогда не послужат препятствием цены;

Правду сказать, им приятнее то, что стоит дороже.

Вовсе не так уже трудно найти себе средства к растрате, —

Блюда отдавши в залог иль поломанный бюст материнский,

Этак монет на четыреста сдобрить горшок свой обжорный;

²⁰ Этим путем и доходят они до окрошки ланисты.

Разница есть среди тех, кто ест одинаково: роскошь

То для Рутила, что даст Вентидию славное имя

И возвеличит его состоянье. Презренья достоин

Тот, кто умеет сказать, насколько возвышенной Атлас

Ливии гор остальных, и при этом все же не видит,

Чем его тощий кошель не похож на сундук, что окован.

Древний завет «познайте себя» нам дан небесами:

Вот, заруби на носу, сохрани и в уме и на сердце,

- В брак ли вступаешь, иль ищешь в сенате священном местечка;
30 Не добивается жалкий Терсит Ахиллеса доспехов, —
Сам Одиссей из-за них осрамился и стал смехотворным;
Хочешь ли ты защищать сомнительной ясности дело,
Или опасное, — сам рассуди и скажи себе, кто ты:
Сильный оратор иль ты, как Матон да Курций, — кликуша.
Меру свою надо знать, наблюдательным быть и в великом
Деле, и в малом, и даже когда покупаешь ты рыбу:
Ежели есть на гольца у тебя, — не тянись за барвенной;
Что за конец тебя ждет, когда истощатся карманы,
А аппетит вырастает, когда и отцовские деньги
40 И состоянье живот поглотил, куда все доходы
Канули, и серебро, и стада, и поля родовые?
Самым последним от этих господ уходит и перстень
Всадника: так Поллион подаянния просит без перстня.
Надо бояться не ранней могилы, не горькой кончины,
Нет: страшнее, чем смерть, для роскоши — нищая старость.
Путь большей частью таков: заемные деньги истратят
В Риме при займодавцах, затем, когда остается
Самая малость уже и ссудивший деньги бледнеет,
Вместо изгнания бегут все в Байи к устрицам жирным, —
50 Ибо от денежной биржи уйти теперь уже лучше,
Чем перебраться на холм Эсквилина из шумной Субуры.
У покидающих родину только и горя бывает,
Что, к сожалению, в цирк не пойдут в течение года;
Не покраснеют нисколько они, немногие только
Стыд сохранят осмеянья и бегства их из столицы.

- Нынче ты, Персик, узнаешь, действительно ль я исполняю
В жизни, в обычаях, в деле все то, что считают прекрасным,
Или, как тайный кутила, при всех стручки восхваляю,
Повару их заказав, но шепчу на ушко я: «Пирожных!»
60 Раз уж ты обещал прийти ко мне в гости, я буду
Гостеприимным Эвандром, придешь ли ко мне Геркулесом,
Или Энеем, но так или иначе родственным небу:
К звездам восхищен один был огнем, другой же — водами.
Блюда у нас каковы, не с рынка мясного, послушай:

Из Тибуртинских лугов будет прислан жирнейший козленок,
Самый нежный из стада всего, травы не щипавший,
Веток еще не обглаживал он на раkitнике низком,
В нем молока еще больше, чем крови. Вот горная спаржа:
Веретено отложив, ее старостиха собирала.

- 70 Крупные, кроме того, еще теплые (в сене лежали)
Яйца получим и кур; затем виноград, сохраненный
С прошлого года таким, как он наливался на лозах;
Сигнии группы, Тарента (сирийские), в тех же корзинах
Яблоки с запахом свежим, нисколько не хуже пиценских,
И для тебя не вредны: после холода стала сухая
Осень, и в них уже нет опасности сока сырого.
Некогда это считалось роскошным обедом у наших
Первых сенаторов: Курий срывал в небольшом огороде
И на очаг небольшой он ставил капусту, что нынче
- 80 Грязный презрел землекоп в своих тяжелых колодках,
Знающий вкус подчеревка свиного по теплой харчевне.
Вяленой спинку свиньи, на стропилах висевшую редких,
К праздничным дням сохранять в обычае некогда было
И, угощая родных, подавать в дни рождения сало
Вместе с мясом парным, коль оно оставалось от жертвы.
Прежде кой-кто из родных, уже трижды консулом бывший,
Восначальник былой, облеченный диктаторской властью
Некогда, шел пировать к такому столу спозаранку,
Заступ себе на плечо после горной работы закинув.
- 90 В годы, когда трепетали пред Фабием, твердым Катонем,
Скавром, Фабрицием все, когда предписаний суровых
Цензора строгого сам соправитель его опасался,
Делом серьезным тогда никто не считал и заботой
Думать о том, какова в Океане плывет черепаха
Для украшения лож достославных детям троянцев;
Медное в те времена изголовье скромной кровати
Лишь головою осла в веночке украшено было,
Возле которой, резвясь, играли питомцы деревни.
Пища была такова ж, каковы и жилища и утварь;
- 100 И неотесанный воин, не знавший еще восхищенья

Перед искусствами греков, когда при дележке добычи
Взятого города в ней находил совершенной работы
Кубки, — ломал их, чтоб бляхами конь у него красовался,
Шлем же имел чеканный узор: волчицу, веленьем
Власти смиренную, двух Квиринов под сенью утеса,
С голой фигурою Марса: копьем и щитом угрожая,
Он нависает, врага поразить и низвергнуть готовый.
Кашу тогда подавали в горшке этрусской работы,
Ну, а все серебро — украшало только оружие.
110 Все было в те времена, о чем позавидовать можно:
Храмов величье тогда заметнее было, и голос
Мог быть услышан в ночи по столице, когда наступали
Галлы на нас с берегов Океана, а боги служили
Сами пророками. Так наставлял нас в древние годы
И неизменно был полон заботы о благе латинском
Древний Юпитер из глины, еще не запятнанный златом.
Делались дома столы из собственных местных деревьев
В те времена, и на то шел старый орешник, который
Сломит порывистый Эвр и на землю повалит случайно.
120 Только теперь богачам удовольствия нет от обеда:
Им ни лань не вкусна, ни камбала; мази и розы
Будто воняют для них, если стол их широкий не держит
Крепко слоновою костью с разинувшим пасть леопардом,
Сделанным из клыков, что шлют нам ворота Сиены,
Или же быстрые мавры, иль инды, что мавров смуглее;
Эти клыки в Nabateйских лесах слоны оставляют,
Если они тяжелы для голов. Аппетит возрастает,
Сила желудка растет, а стол на серебряной ножке
То же для них, что кольцо на пальце железное. Страшен
130 Гордый застольник: себя он со мной сопоставит, пожалуй,
Худость мою презирая: ведь нет ни кусочка слоновой
Кости у нас — ни игральных костей, ни фишек хотя бы;
Даже ножей черенки — и те не из бивней слоновых.
Впрочем, от этого нет никогда протухших припасов,
И неплохие у нас за столом нарезаются куры.
Правда, не будет таких мастеров разрезанья, которых

Не одолеть бы самой Трифера ученого лавке,
Где под его руководством и вымя свиное, и зайца,
И кабана, и козу, и скифских птиц, и фламинго,
140 И гетулийскую лань разрезают тупыми ножами,
Так что по всей по Суборе гремит их обед деревянный.
Резальщик наш — новичок: не умеет стащить ни куска он
Козочки или крыла у фламинго; доселе неловкий,
Он лишь умеет украсть незаметный вовсе кусочек.
Кубки без всяких затей, что купили на медные деньги,
Нам не разряженный раб подает, а тепло лишь одетый.
Фригия? Ликия? Нет. Не искали его у торговца,
Денег не стоил больших. Обращайся к нему по-латыни.
Все в одинаковой одежде рабы, коротковолосы, —
150 Только сегодня они причесались, гостям услужая;
Тот вон — сурового сын пастуха, а скотника — этот:
Матери долгое время не видел, он тихо вздыхает,
В хижину тянет его, он грустит по привычным козлятам;
Честный взгляд у раба и открытый характер: такими
Быть бы не худо и тем, что одеты в огненный пурпур;
В баню идет этот раб, не осипший и чуждый разврата
С малых годов, и еще не щиплет под мышками шерстку
И не скрывает огромный свой срам за кувшином для масла.
Он вина тебе даст, разлитого на склонах гористых
160 Местности той, откуда он сам, у подножья которых
В детстве играл он: отчизна одна — у вина и у служки.
Может быть, ждешь ты теперь, что здесь начнут извиваться
На гадитанский манер в хороводе певучем девчонки,
Под одобренье хлопков приседая трепещущим задом?
Видят замужние жены, лежащие рядом с мужьями,
То, о чем стыдно сказать иному в присутствии женщин:
Для богачей это способ будить их вялую похоть,
Точно крапивой. Но все же для женщин гораздо сильнее
Здесь наслажденье: их пол разжигается больше мужского
170 И, созерцая или слыша подобное, — мочится сразу.
Эти забавы совсем не годятся для скромного дома.
Пусть себе слушает треск кастаньет со словами, которых

Голая девка не скажет, в вертепе зловонном укрывшись;
Пусть забавляется звуком похабным и разным искусством
Похоти тот, кто плюется вином на лаконские плиты
Пола: ведь здесь мы легко извиняем богатство; лишь бедным
Стыдно и в кости играть и похабничать стыдно, когда же
Этим займется богач — прослывет и веселым и ловким.
Наша пирушка сегодня нам даст другие забавы:
180 Пенье услышим творца «Илиады» и звучные песни
Первенства пальму делящего с ним родного Марона;
Голос какой эти скажет стихи — не так уже важно.
Нынче же дай себе отдых желанный, оставив заботы,
Все отложивши дела, если можно, на целые сутки.
Мы о процентах ни слова, и пусть не вызовет желчи
Тайна твоя, что жена, выходя на рассвете обычно,
Ночью вернется во влажном белье от любовного пота
(Все в подозрительных складках оно), со сбитой прической,
С ярко горящим лицом и с румяными даже ушами.
190 Ежели что беспокоит тебя, оставь у порога.
Мысли о доме забудь, о рабах, что всё тебе портят,
Но особенно забудь о друзьях своих неблагодарных.
Празднество в эти часы в честь Кибелы пышно справляют,
Зрелища ждут — мановенья платка, и, как на триумфе,
Претор сидит (на коней разорился он); если позволяют
Во всеуслышанье мне говорить при толпах народа,
Я бы сказал, что цирк вместил всю столицу сегодня,
Крик оглушителен: я узнаю о победе «зеленых».
Если бы не было игр, ты увидел бы Рим наш печальным
200 И потрясенным, как в дни поражения консулов в Каннах.
В цирк пусть идет молодежь: об заклад им прилично побиться;
Им-то идет покричать, посидеть с нарядной соседкой,
Наша же кожа в морщинах пусть пьет весеннее солнце,
Тогу откинувши прочь. Теперь тебе можно и в баню
Смело пойти, хоть еще до полудня час остается.
Так и пяти бы ты дней подряд не провел, потому что
Образ жизни такой ведь довольно-таки надоедлив:
Нам удовольствие в том, что с нами бывает не часто.

САТИРА ДВЕНАДЦАТАЯ

Право, Корвин, этот день — рождения дня мне
приятней.
Праздничный дерн ожидает обещанных богу
животных:

С белым овечку руном приведем мы Юноне-царице,
Белую также овцу мы дадим горгоносной Минерве.
Жертва, которую ждет от нас Тарпейский Юпитер,
Резко трясет своей длинной веревкой, готова бодаться,
Это — бодливый телец, уже созревший для храмов,
Для алтаря, окропления вином; не сосет уже вымя
Матери он, он портит дубы вырастающим рогом.

¹⁰ Если бы в доме моем был достаток, любви к тебе равный,
То притащили б вола пожирней пресловутой Гиспуллы,
Грузно-ленивую тушу, вскормленную не по соседству,
Но от умбрийских кровей — с изобильных пастбищ Клитумна,
С шеей, достойной удара слуги подюжее: ведь нынче
К нам возвратился друг, лишь недавно страх претерпевший;
Трепетен он до сих пор, удивляясь, что цел он остался,
Ибо, помимо морских невзгод, избег он ударов
Молнии: тучей сплошной превратилось в густые потемки
Небо, внезапно огонь поразил корабельные рей;

²⁰ Каждый поверить готов, что в него и ударило пламя,
В ужасе тут же поняв, что опасней кораблекрушение,
Чем загоревшийся парус ладьи. Происходит все так же
Страшно, как в случае бурь, поют о которых поэты.
Слушай, какая еще есть опасность, — и ты пожалеешь
Снова его, хотя все остальное — лишь доля того же
Жребия, правда ужасная, впрочем известная многим,

Как это нам говорит и множество досок обетных
В храмах, — недаром известно: Изидой живут живописцы.
Участь такая постигла и нашего друга Катулла.

- 30 Так как средину ладьи уже всю заливало волнами,
Коиx удары и тот и другой борта расшатали,
Так что и кормчий седой своим опытом им не принес бы
Пользы, — Катулл, уступая ветрам, стал выбрасывать вещи
За борт, бобру подражая, который себя превращает
В евнуха, чтоб избежать гибели из-за тестикул:
Так понимает зверек, что струи лишь бобровой нам надо.
«Все, что мое, — бросай!» — говорил Катулл; он готов был
Выкинуть то, что ценнее всего — пурпурные ткани,
Годные стать одеяньем изнеженного Мецената;
- 40 Ткани другие — из шерсти, которой окраску природа
Трав благородных дала, помогал золотиться источник,
Чудный таинственной силой своей, как и воздух бетийский.
Не усомнился Катулл побросать серебро и сосуды —
Дело Парфения рук, целый кубок вместимостью с урну,
Кубок, достойный хоть Фола кентавра, хоть Фуска супруги;
За борт пошли и лохани и множество утвари разной,
Чаши резные, из коиx пивал и Филипп Македонский.
Есть ли на свете другой кто-нибудь, кто бы нынче решился
Жизнь свою предпочесть серебру и богатству — спасенье?
- 50 Не для того, чтобы жить, составляют себе состоянье
Многие; нет, как слепцы, живут состояния ради.
Большую часть самых нужных вещей побросал он, и все же
Легче не стало; тогда он доходит, теснимый нуждою,
Вплоть до того, что, схвативши топор, подрубает и мачту, —
В этом спасенье его: при опасности крайней мы ищем
Средства защиты, корабль облегчая насколько возможно.
Вот и доверь свою жизнь ветрам, полагаясь на мачты
Да на борта: ты от смерти далек на четыре иль на семь
Пальцев, и то лишь тогда, если очень толсты эти доски.
- 60 Сразу теперь запасай вместе с хлебом в плетенке, с пузатой
Флягой надежный топор: он тебе пригодится при буре.
После ж того, когда море уляжется, благоприятной

Станет погода пловцу, и судьба его все одолеет
Ветры и волны пучин; и сучат рукодельницы парки
Лучшую пряжу рукой благосклонной и белую нитку
Тянут тебе, и подул ветерок немногим сильнее
Легкого вздоха, — корабль помаленьку, несчастный, понесся
С помощью только одежд растянутых и сохранивши
Парус один носовой. Утихли и ветры, и с солнцем
70 Выходит надежда на жизнь. Уже видно высокую местность
С острой вершиной, ценимую Юлом дороже Лавина,
Города мачехи: имя свое получило то место
От белоснежной свиньи с удивительным выменем — радость
Трои сынам, — с тридцатью небывалыми в мире сосцами.
Входит и он, наконец, в огражденную мола громадой
Гавань: Тирренский маяк; как плечи округлые, дамбы
В море далеко бегут, оставляя Италию сзади;
Так ли тебя удивит от природы нам данная гавань,
Как этот порт? С разбитой кормой устремляется кормчий
80 К заводи тихой пройти в глубине этой бухты, не страшной
Даже лодчонке из бай. Матросы с обритой макушкой
Рады там поболтать об опасностях и о спасенье.

Ну-ка, идите, рабы, тишину соблюдая, приличье,
Храмы гирляндой увейте, ножи посыпайте мукою,
Сделайте мягкий алтарь украшением зеленого дерна.
Сам я за вами иду — совершить по обряду большую
Жертву, вернувшись домой, где украшены тонко венками
Малые лики богов, что блестят от хрупкого воска,
Милости буду просить у Юпитера нашего, ларам
90 Я фициям воскурю, разноцветных рассыплю фиалок.
Все засверкало кругом: простирает длинные ветки
Дверь, и лампы с утра участвуют в праздничных жертвах.

Брось подозренья, Корвин. У Катулла, в честь возвращенья
Коего столько воздвиг алтарей я, ведь трое малюток,
Трое наследников. Что ж ожидать, чтобы другу такому,
Вовсе ненужному, кто пожертвовал хоть бы большую
Курицу полуслепую: затрата была бы чрезмерна;
Ради чужого отца никто не подаст перепелки.

Если почувствует жар Галлита бездетная или
100 Паций-богач, то таблички «за здоровье» весь портик закроют;
Даже иной лицемер готов обещать гекатомбу,
Раз уж не видно слонов и нельзя их купить по соседству:
Этот не водится зверь на латинской земле и под нашим
Небом; его привезли, получив из страны чернокожих,
Он и пасется с тех пор в рутульских лесах, на полянах
Турна-царя, как Цезарев скот; никому он из честных
Лиц никогда не послужит: ведь предки слонов Ганнибалу
Тирскому только служили, да нашим вождям, да Молоссу;
Предки рутульских слонов носили когорты на спинах,
110 Целый военный отряд или башни, идущие в битву.
Значит, не в Новии здесь, не в Пакувии-Гистре помеха,
Что к алтарям не влекут слоновую кость в приношение
Ларам Галлиты как жертву, одну лишь достойную этих
Самых божеств — и ловцов их наследства достойную также.
Если позволишь заклать, так иной обречет тебе в жертву
Самых красивых рабов, самых крупных и телом дородных,
Либо он даже юнцам иль служанкам наложит повязки
Прямо, как жертве, на лоб, и, если есть дома невеста,
Там Ифигения, что ль, он отдаст алтарям и невесту,
120 Хоть бы не верил в подмен ее тайный трагической ланью.
Я земляка хвалю, предпочту завещанье неверной
Тысяче я кораблей, ибо если болящий избегнет
Смерти, то он уничтожит таблички, попавшись в ловушку
После заслуги такой изумительной, и, вероятно,
Сразу имущество все получит один лишь Пакувий:
Гордо он будет шагать, победивши соперников. Видишь,
Как исключительна польза — принести Микенянку в жертву.
Пусть же Пакувий живет хоть Несторов век, я согласен,
Пусть он богат, как Нерон с грабежей, пусть золота — горы,
130 Пусть, не любя никого, остается никем не любимым.

САТИРА ТРИНАДЦАТАЯ

Всякий дурной пример никогда не бывает по сердцу
Даже виновнику: он наказание сразу же терпит,
Сам осуждая себя, оправдания не видит, хотя бы
Претор пристрастно считал голоса из обманчивой
урны.

Как полагаешь, Кальвин, рассуждают о новых злодействах,
О преступленье, о том, что поправа честность? Но ты ведь
Вовсе не нищий бедняк, чтобы средних размеров потеря
Тяжко легла на тебя: огорченья такие нередко
Видеть случается нам; это случай, повсюду известный,
10 Ставший обычным, одна из многих превратностей судеб.
Громкие жалобы прочь: не должна досада мужчины
Слишком его волновать и мучить хуже, чем рана.
Ты же выносишь едва и ничтожную самую долю
Малых, пустячных невзгод, и кипит и клокочет утроба
Вся у тебя потому, что приятель доверенных денег
Не отдает. Изумляться тебе ль, что несешь за плечами
Шесть десятков, тебе ль, что рожден в консулат Фонтея?
Разве тебе не принес ничего долголетний твой опыт?
Мудрость, которая нам наставленье несет в философских
20 Книгах, победу дает над судьбой, но счастливыми также
Мы полагаем и тех, кто, наученный жизнью, умеет
Жизни невзгоды сносить и ярма не старается сбросить.
Где такой праздничный день, в какой не поймали бы вора,
Не было бы вероломств, обманов, преступно добытой
Прибыли, — денег таких, что берутся мечом или ядом?
Много ли честных людей? Насчитаешь их меньше, чем входов
В Фивы с семью воротами иль устьев обильного Нила.
Время такое теперь, что похуже железного века;

Даже природа сама не нашла для преступного имя
30 И не смогла назвать по какому-нибудь из металлов.
Мы и к богам вопием и к людям взываем так громко,
Будто клиентов толпа выступление Фесидия хвалит
Ради подачки. Скажи, старичок (совсем ты ребенок),
Знаешь ты прелесть в деньгах чужих? Не видишь ты разве,
Что за насмешки в толпе вызывает твоя простоватость,
Ежели всем ты велишь свое слово держать и поверить
В то, что на всех алтарях обогранных и в храмах есть боги?
Некогда жили у нас так первые люди, доколе
Серп земледельца не взял, убегая, Сатурн, диадему
40 Снявший свою, и была еще девочкой малой Юнона,
Власти еще не имел в пещере Идейской Юпитер,
Пиршеств еще никаких не справляли живущие выше
Облак и кубка еще не давал илионский им мальчик
Иль Геркулеса жена; Вулкан не хватался за нектар,
После липарских мехов не вытерши черные руки,
Каждый из древних богов у себя обедал, и столько
Не было их, как теперь; с божествами немногими небо
Легче давило тогда на несчастные плечи Атланта;
Жребий не выпал еще на глубинное скорбное царство,
50 Мрачную область Плутона с его сицилийской супругой;
Не было фурий, камней, колеса, ни коршуном черным
Казни: веселье теней не смущали цари преисподней.
Чести отсутствие странным казалось для этого века:
Было великим грехом, искупления смертью достойным,
Ежели пред стариком не встал бы юнец или мальчик
Пред бородатым любим, хотя бы и знал он, что дома
Больше плодов у него, желудевые кучи обширней:
Чтили тогда старшинство на четыре каких-нибудь года, —
Даже незрелый пушок с сединой равняли почтенной.
60 Нынче же, если твой друг признается в доверенных
деньгах,
Ежели в старой мошне вернет он полностью деньги, —
Честность его — чудеса, что достойны этрусского свитка
И очистительной жертвы овцой, венчанной цветами.

- Только лишь я узнаю превосходного, честного мужа, —
Чудо такое равняю младенцу двутелому, рыбам
Дивным, найденным под плугом, иль самке мула жеребой;
Я беспокоюсь, как будто с дождем стали сыпаться камни
Или, как длинная гроздь, рой пчел опустился на крышу
Храма, как будто река потекла удивительным током
70 К морю и водоворот молока образует собою.
Горе твое, говоришь, что тебя нечестиво нагрели
На десять тысяч? А что, коль другой потерял двести тысяч,
Тайно ссуженные им? А третий — и большую сумму,
Что поместится едва в сундуке, до отказа набитом?
Так ведь легко и удобно презреть свидетелей вышних,
Лишь бы о том не узнал ни один из смертных. Посмотришь,
Как громогласно лжец отпирается, как он уверен:
Солнца лучами божится он твердо, тарпейским перуном,
Грозным Марса копьём, прорицателя киррского луком;
80 Он побожится стрелой и колчаном Охотницы-девы,
Даже трезубцем твоим, Нептун, Эгея родитель;
Лук Геркулеса он вспомнит, прибавит и дротик Минервы, —
Словом, все то, что хранят небеса в оружейной палате;
Если же он и отец, то: «Съесть мне бедную, скажет,
Голову сына, сварив ее в уксусе александрийском!»
Есть и такие, что все полагают случайностью судеб,
Верят, что движется мир без всякого кормчего, смену
Дней и годов оборот производит природа, — и, значит,
Тот или этот алтарь потревожат без всякого страха.
90 (Все же боится иной возмездья вослед преступленью.)
Этот верит в богов, но лжет и так рассуждает:
«Пусть с моим телом поступит Изида, как ей угодно,
Очи мои поразит своим сисстром разгневанным, только б
Мне, хоть слепому, те деньги спасти, от которых отперся.
Стоят чахотки они, и разбитых колен, и вонючих
Ран: да и Ладас бедняк готов на подагру богатства
Ради, коль он чемерицы не пьет, не зовет Архигена.
Что для него эта слава ступней, проворно бегущих,
Что ему скудная ветвь дает олимпийской маслины?

- 100 Как ни велик небожителей гнев, он не скоро наступит:
Если хлопочут они покарать поголовно виновных,
Разве успеть им дойти до меня? Я, быть может, узнаю,
Что божество умолимо: таких оно часто прощает.
Многие делают то же, что я, но судьба их различна:
Этот несет в наказание крест, а другой — диадему». —
Так от боязни жестокой вины он себя ободряет,
Опережая тебя, к священным зовущего храмам;
Мало того: он готов быть влекомым, гонимым к присяге.
Ибо, когда в нехороших делах проявляется дерзость,
110 Многие верят, что совесть чиста. Балаган он играет,
Вроде тех беглых шутов, что Катулл в своих мимах выводит.
Ты же, несчастный, вопишь, как и Стентор сам не сумел бы
Иль как Гомеров Градив: «Ты слышишь ли это, Юпитер?
Ты не подвигнешь уста, когда должен был бы исторгнуть
Божий свой глас, будь мраморный ты, будь и медный? Зачем же
Благочестиво тебе мы кладем, развернувши бумажки,
Ладан на уголь, телят рассеченную печень и сальник
Белой свиньи? Видно, нет никакого различия между
Лицами вышних богов и Вагеллия статуей глупой».
- 120 Выслушай, что тебе может сказать в утешение тот, кто
Киников не прочитал и не знает стоических правил,
Розных обличьем своим (ведь стойки тунику носят),
Кто Эпикура не чтит с его радостью малому саду:
Пусть у известных врачей исцеляются тяжело больные,
Ты же доверь свою жилу хотя б подмастерью Филиппа.
Если ты скажешь, что нет на земле столь гнусного дела,
Я промолчу, не мешая тебе бить в грудь кулаками
И ударять себя по лицу раскрытой ладонью:
Кто потерпел беду, у того запираются двери,
130 Деньги же с большим стенаньем семьи поминаются, с большим
В доме смятением, чем мертвецы: у всех непритворна
Будет при этом печаль, не довольствуясь краем раздранным
Платья и мук ой очей, орошенных насильственной влагой;
Нет, настоящие слезы текут о потерянных деньгах.
Если ж ты видишь, что рынки полны одинаковых жалоб,

- Если, прочтя много раз расписки, и те и другие
Скажут, что сделан подлог и что счет никуда не годится,
Хоть уличает и подпись людей и печать сердолика —
Гемма, какую хранят в шкатулке из кости слоновой, —
140 Что же, простак ты, мнишь, исключенье ты должен составить,
Будто бы сын белой курицы ты, преважная птица,
Мы же простые птенцы, ящ порождение жалких?
Случай твой самый простой, терпеть его надо без желчи;
Есть и похуже дела: нанятого припомни убийцу,
Вспомни поджоги, когда коварно подложена сера,
Чтобы огонь охватил всего раньше двери входные;
Вспомни и тех, кто крадет из храмов древних большие
Чаши со ржавчиной чтимой, богам приношенья народа,
Или венцы, принесенные в храм когда-то царями.
150 Если где этого нет, святотатец найдется помельче:
Он соскоблит позолоченный бок Геркулесу, Нептунов
Лик поскребет, золотые пластинки утащит с Кастора;
Разве смутится привыкший Юпитера целого плавить?
Вспомни и тех, кто делает яд и кто ядом торгует,
Тех, кого надо бы в шкуре быка, зашив с обезьяной, —
В жалкой судьбе неповинной совсем, — утопить в океане.
Это лишь часть преступлений, о коих Галлик, столицы
Страж, узнает от рассвета до самого солнца захода.
Если ты хочешь познать человеческий нрав, тебе хватит
160 Дома хотя б одного: через несколько дней возвратившись,
Ты не посмеешь уже после этого зваться несчастным.
Разве кого удивят зобы у жителей Альп, а в Мерое
Груды у женщин полней, чем самый толстый младенец?
Кто поразится глазам голубым у германцев, прическам
Их белокурым, из влажных кудрей торчащих рогами?
(Это обычно у них и общее всем от природы.)
Против фракийских птиц, налетающих звонкою тучей,
Воин-пигмей со своим выбегает ничтожным оружием;
Вот уж, неравный врагу, он подхвачен кривыми когтями
170 И унесен журавлем свирепым на воздух. Когда бы
Видел ты это на нашей земле, ты бы трясся от смеха;

Там же, где целый отряд не выше единого фута,
Хоть и всегда эти битвы бывают — никто не смеется.

«Разве же нет наказания нарушенной клятве, обману
Низкому?» — Ну, хорошо: вот преступника тотчас же тащат
Цепью тяжелою, нашим судом на казнь обрекают —
Что еще гневу желать? Ведь потеря останется та же:
Деньги врученные целы не будут, а крови немножко
Из безголового тела — какое же в том утешенье?

180 «Но ведь отмишение бывает приятнее благодати жизни».

— Вот рассуждение невежд, у которых, ты видишь, пылает
Сердце без всяких причин иль по поводам самым пустячным:
Как бы там ни был ничтожен предлог, его хватит для гнева.
Так говорить не станет Хрисипп, ни Фалес, незлобивый
Духом, ни старец, сосед душистых склонов Гиметта,
Что не хотел обвинителю дать хоть бы долю цикуты,
Принятой им в заключение суровом; счастливая мудрость
Всякий вскрывает порок и все постепенно ошибки,
Прежде всего научая нас жизни правильной; месть же

190 Есть наслаждение души незначительной, слабой и низкой:

Явствует это хотя б из того, что никто не бывает
Так отомщению рад, как женщины. Что ж, ускользнули
Разве от кары все те, чье сознание гнусного дела
Их постоянно гнетет и бьет их неслышным ударом,
Раз их душа, как палач, бичеванием скрытым терзает?
Денно и ночью носить свидетеля тайного в сердце —
Тяжкая пытка, жесточе гораздо и тех, что Цедиций
Изобретает свирепый, судья Радаманф в преисподней.
Пифия некогда так на вопрос отвечала спартанцу:

200 «Нет, безнаказанным то не останется, что ты задумал, —

Денег, врученных тебе, не вернуть и поддерживать клятвой
Этот обман». Ибо спрашивал он про мнение бога, —
Благостно ли Аполлон посмотрит на этот поступок?
Значит, за страх, не за совесть, он деньги вернул — и подвергся
Каре, святилища храма достойной и истины слова
Божьего, ибо погиб со всею семьей и потомством,
Даже со всей отдаленной родней. Вот каким наказаньям

Может подпасть даже самая мысль о греховном поступке.
Кто замышляет в тиши злодеянье какое — виновен
210 Как бы в поступке. А если попытка исполнена будет?
Он в беспокойстве всегда, за обедом он даже тревожен;
Как у болящего, глотка его пересохла, а пища
Вязнет в зубах у него, и несчастный вино отрыгает;
Старое даже вино, альбанское, стало противно;
Лучшим его угостишь — на лице соберутся морщины
Сплошь, как будто его угощают терпким фалерном.
Если забота ему позволит хоть ночью забыться
И, на кровати вертясь, наконец, успокоится тело,
Тотчас увидит во сне алтари оскорбленного бога,
220 Храм — и тебя, что обманут; и мозг до холодного пота
Сжат у него; твой чудесный, людей превышающий призрак
Страхом смущает его и в вине заставляет сознаться.
Это бывает с людьми, что дрожат и бледнеют при всякой
Молнии, живы едва при первых же грома раскатах,
Будто огонь не случаен, не бешенством ветров он вызван,
Но низвергается в гнев на землю как вышняя кара;
Если гроза ничего не смела, — еще в большей тревоге
Трусят они, что придет после этого вёдра другая.
Кроме того, если бок заболел и уснуть лихорадка
230 Им не дает, представляется им, что ниспослана болезнь
Злым божеством, даже верят они, будто камни и стрелы
Посланы богом. Не смеют они принести по обету
В храм хоть овцу, посулить своим ларам и гребень петуший:
Есть ли больному надежда какая, когда он преступник,
И не достойней ли жертве любой в живых оставаться?
Как беспокоятся все и тревожны бывают злодеи!
Твердости им достаёт, когда приступают к злодейству;
Что нечестиво, что честно, они сознавать начинают,
Лишь преступленье свершив. Но природа их неуклонно
240 К нравам проклятым ведет. Ибо кто же предел преступленьям
Может своим положить? И когда возвращается краска,
Раз уничтожившись, вновь на лицо заглубевшее? Кто же
Где-либо видел людей, что довольны одним лишь постыдным

Делом? И тот, кто тебя обманул, в западню попадется
Тоже, и в мрачной тюрьме попадет его тело на крючья,
Иль на Эгейского моря утес, иль на скалы, где много
Сосланных важных, — и ты эту горькую кару оценишь
Имени злого, и сам, наконец, признаешь, довольный,
Что ни один из богов не глух и не слеп, как Тиресий.

САТИРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Много на свете вещей, Фусцин, что достойны дурной
лишь
Славы, что стойким пятном и на добрые нравы ложится:
Сами родители учат детей и пример подают им.

Если азартная кость мила старику, то наследник
Молокосос уж играет за ним хоть с игрушечной чашкой.

Также родным никому не подаст надежд наилучших

Юноша, уж трюфеля научившийся чистить, приправу

Сделать к грибам, поглощать погруженных в такую подливку

Птичек, что фиги едят, — по примеру отца-ветрогона:

¹⁰ Учит гуляка седой. Едва мальчуган до восьмого

Года дорос и не все у него еще зубы сменились, —

Он, хоть бы ты ему дал бородатых наставников сотни

С разных сторон, пожелает всегда с сервировкой блестящей

Сесть за обед, не отстать бы от самой изысканной кухни.

Вот воспитанье Рутила, внушает ли он снисхожденье

Кроткое к мелкой вине, считая, что души прислуги

Вместе с телами того ж вещества и из той же стихии,

Как и у нас, или учит жестокости, радуясь резким

Взмахам бичей, наслаждаясь их свистом, как пеньем сирены?

²⁰ Как Антифат, Полифем, он хозяин дрожащего дома;

Счастлив он только, когда раскаленным железом наемный

Кат кого-то клеймит за пропажу каких-то полотен.

Что молодежи внушит Рутил этот, лязгом довольный

Цепи, любитель большой и тюрьмы и колодников жженных?

Ты ожидаешь, простак, что не будет развратницей Ларги

Дочь; а ведь ей не сумеь всех любовников матери вспомнить

Сразу и так перечислить подряд, чтоб разиков тридцать

Духа не перевести! Ведь наперсницей матери стала
Девушка рано: теперь под диктовку ее она пишет
30 Крошки-записки, и тот же холуй их к любовнику носит.

Воля природы всегда такова: и скорее и легче
Нас совращает пример пороков домашних, и прямо
В душу нам входят они под влиянием старших. Бывает,
Юноши не обратят на примеры внимания: значит,
Сердце лепил им титан благосклонный искусно из лучшей
Глины. Но чаще ведут молодежь примеры отцов их
Вредные, старых пороков стезя увлекает надолго.

От недостойных вещей воздержись! Основаньем послужит
Хоть бы и то, чтобы наши сыны преступлениям нашим
40 Не подражали: мы все восприимчивы к гадким примерам,
Стыдным, дурным. Катилину найдешь ты во всяком народе,
В каждой стране и под небом любим, — но нигде не увидишь
Брута, нигде не найдешь его старого дяди Катона...
Гнусное слухом и видом пускай не коснется порога
Дома, где дети живут! Подальше, подальше оттуда
Девочек продажных гони, паразитов с полуночной песней!
Мальчику нужно вниманье великое: если задумал
Что-либо стыдное ты, — не забудь про возраст мальчишки:
Пусть твой младенец-сын помешает тебе в преступленье.
50 Если впоследствии он совершит что достойное гнева
Цензора, явит себя твоим сыном, не только похожим
Телом, лицом, но и нравом своим, по отцовскому следу
Станет грешить еще хуже тебя, — ты, конечно, без меры
Будешь его и бранить и честить с пронзительным криком
И, наконец, пригрозишь наследство отнять в завещанье;
Но уже нет у тебя головы и свободы, родитель
Старый, когда ты гресишь, и давно уж безмозглый твой череп
Требует банок себе для изрядного кровопусканья.

Гостя ты ждешь — никому из рабов-то не дашь ты покоя:
60 «Веником пол подмети, начисти до блеска колонны,
Выгони всех пауков с их сухой паутиной отсюда!
Ты перетри серебро, а ты — резную посуду!» —
Так и беснуется голос хозяина грозного с розгой.

Значит, ты, жалкий, дрожишь, что загажен собачьим пометом
Атриум твой и для глаз пришедшего друга противен
Портик, замазанный грязью; однако лишь меркой опилок
Эту домовую грязь мальчишка вычистить может;
Но не заботишься ты, чтоб твой сын видел дом постоянно
Благопристойным, всегда незапятнанным и безупречным.

- 70 Доброе дело — народу, отечеству дать гражданина,
Если его создаешь ты полезным для родины, годным
Для земледельца работ, для военных и мирных занятий.
Больше всего будет значить, каким ты наставишь наукам,
Нравам его. Так и аист птенцов своих змеями кормит,
Ящериц им достает из пустынного места; птенцы же,
Лишь оперившись, начнут находить этих самых животных.
Коршун, оставивши падаль, собак, лошадей и распятых,
К детям спешит и приносит в гнездо этой падали части;
Эту же пищу пожрет и взрослый коршун, добычник
- 80 Самостоятельный, вьющий гнездо свое сам на деревьях.
Но на охоту на коз и на зайцев Юпитера слуги
И благородные птицы летят по ущельям, оттуда
В гнезда добычу неся; и птенцы, едва лишь, подросши,
Вылетят вон из гнезда, уж, гонимые голодом, к той же
Дичи спешат, что, покинув яйцо, клевать научились.
Некий строитель Кретоний в излучине бухты Кайеты,
То в Пренестийских горах, то на Тибура холме высоком
Строил красивые виллы с высоко приподнятой кровлей,
Греческий мрамор, добытый вдали, применяя к постройкам,
- 90 Превосходившим и храм Фортуны и храм Геркулеса,
Так же, как евнух Посид превзошел Капитолии наши.
В этаких виллах живя, состояние уменьшил Кретоний,
Деньги потратил свои; но немалая доля осталась
Прежних богатств; его сын целиком разбазарил, безумец,
Всё, ибо новые виллы из лучшего мрамора строил.

Выпал по жребью иным отец — почитатель субботы:
Лишь к облакам их молитвы идут и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское
Ради завета отцов; они крайнюю плоть обрезают

100 С детства, они презирать приучились обычаи римлян,
Учат, и чтут, и хранят лишь свое иудейское право, —
Что бы им там ни дано в Моисеевом тайном писанье, —
Право указывать путь лишь поклоннику той же святыни
Иль отводить к роднику лишь обрезанных, но не неверных.
Здесь виноват их отец, для которого каждый субботний
День — без забот, огражденный от всяких житейских занятий.

Впрочем, с родителей всё сами юноши перенимают,
Против же собственной воли одна им внушается скупость;
Этот порок обобщает их доблести видимой тенью,
110 Так как по внешности строг и лицом и обличем суровым:
Без колебания хвалят скупого, как дельного, будто
Он человек бережливый, хранитель имущества верный, —
Пуще, чем если бы то же добро стерег змей гесперидский
Или понтийский. А кроме того, о скупом у народа
Мнение ходит, что он — превосходный мастер наживы:
Ведь у таких кузнецов заметно растут состоянья,
Всяческим родом растут всё больше, при вечной работе
Их наковальни, при горне, пылающем бесперерывно.
Стало быть, верят отцы, что скупые счастливы душою;
120 Кто без ума от богатств, кто уверен, что нету примеров
Бедных, довольных судьбой, увещает и юношей также
Этой дорогой идти и держаться отцовского толка.

Есть элементы пороков: отец прививает их детям
И заставляет учиться их быть скупыми на мелочь;
Скоро научит он их ненасытной жажде наживы.
Сам голодая, скупой и рабов животы истязает
Мерой неверной еды: никогда не допустит утраты
Заплесневелых кусков покрытого зеленью хлеба,
Ибо привык сберегать все объедки вчерашние, даже
130 В жаркий сентябрь, до другого обеда бобы сохраняя
Летние, рыбы дешевой остаток, сделав отметку
С краешку, или сома полусъеденного и гнилого;
Пересчитав стебельки, он запрет и порей накрошенный, —
Словом, и нищий с моста отказался б принять угощение.

Много ли толку в богатстве, что скоплено этакой мукой,
Раз несомненное есть безумство и бред очевидный
В нищенской доле влачить свою жизнь ради смерти в богатстве?
А между тем как мощна раздулась до самого края, —
Жадность к монете растет соответственно росту богатства;
140 Тот, кто без денег, и жаждет их меньше. Поэтому строишь
Новую виллу себе, коль деревни одной тебе мало,
Хочется шире границ, представляется большей и лучшей
Нива соседа; ее ты торгуешь, и рошу, и склоны
Гор, где сплошь серебрится оливковых заросль деревьев.
Если ж хозяин земель не сдается на плату любую,
Ночью ты выпустишь скот — коров и волов с утомленной
Шеей, голодных — к соседу на поле зеленых колосьев
И не загонишь домой, пока не поглотятся всходы
Брюхом их лютым, как будто бы все это сжато серпами.
150 Трудно бы было сказать, сколь многим от этого — слезы,
Сделала сколько полей продажными несправедливость.
Слава какая трубит про тебя, что за гнусные толки!
«Что за беда! — говоришь. — Волчьих ягод ценней шелуха мне,
Чем похвала по всему околотку соседей за то, что
Жну я ничтожную горсть своей полбы на крошечном поле».

Ну, уж, конечно, болезней и дряхлости ты не увидишь,
Горя избежнешь, забот — и в конце долголетнюю жизнью
Рок благосклонный тебя наградит, особенно если
Ты завладеешь один такими поместьями, сколько
160 В царство Татия было запахано римским народом.
Да и потом старикам, поседевшим в пунийских сраженьях,
Дикого Пирра-царя и оружие молоссов знававшим,
Даже и тем, из-за множества ран, лишь по два давали
Югера; эта награда за кровь пролитую, за муки
Не представлялась им ниже заслуг или платой ничтожной
Родины неблагодарной: такого клочка им хватало, —
Сыт был отец и вся куча народа в избе, где супруга
Родов ждала и играли ребята — хозяина трое,
Рабский один; а старшим их братьям, вернувшимся с пашни
170 Иль от копания ям, готовился ужин особый,

Сытный: дымилась в горшках уемистых каша из полбы.
Нынче же столько земли не хватило б для нашего сада!
Здесь — преступлений причины; ни столько отрав не варили,
И никакой из пороков людских не явился оружием
Чаще, чем лютая жадность умножить свое состоянье
Выше всех мер. Ибо тот, кто стремится к богатству, желает
Стать богачом поскорей; разве есть уваженье к законам,
Или хоть страх, или стыд у скупого, спешащего к деньгам?

«Будьте довольны избытком своей и своими холмами,

- 180 Дети мои, — так марс и герник говорили когда-то
Или вестинец-старик, — добудем мы плугом довольно
Хлеба к столу: так угодно богам нашим сельским, которых
Милостью, помощью всем нам дарованы были колосья
И внушено отвращенье к дубовому желудю людям.
Что же запретное тот может сделать, кому не обидно
Ноги обуть в саногы для ходьбы по морозу и шкуру
Вывернуть против ветров? А заморский неведомый пурпур
Всякий, какой ни на есть, приведет ко греху и злодейству».
Так наставления младшим давали древние; ныне ж,
- 190 Осень едва миновала, как юношу спящего ночью
Будит крикливый отец: «Возьми, попиши-ка таблички,
Мальчик, не спи, ну-ка тяжбой займись, поучайся законам
Предков иль лестью добудь себе должность центуриона:
Пусть себе Лелий глядит на косматые головы, ноздри
Все в волосах, пусть будет доволен крутыми плечами.
Мавров землянки ломай, сокрушай укрепления бригантов —
И лишь десяткам к шести ты получишь орла дорогого.
Если ж тебе не по праву нести постоянно работу
В лагере, если живот тебе слабит от трубного звука,
- 200 Звуча рогов, то торговлей займись: запасай, что возможно
Перепродать вполонину дороже, но только не брезгуй
Всяким товаром, хотя б и пришлось его прятать за Тибром,
И не считай, что какая-нибудь есть разница между
Кожей сырой и духами: хорош ведь прибыли запах
Будет от вещи любой. Всегда повторяй поговорку
Ту, что и боги могли б сочинить и даже Юпитер:

«Где получил — не спросит никто, но имей непременно».
Няньки-старухи твердят это мальчикам для повторенья,
Учатся девочки так говорить, алфавита не зная».

- 210   Мог бы сказать я любому отцу, что советы такие
Юноше хочет вдолбить: «Пустельга, кто тебя заставляет
Так торопиться? Ручаюсь, учителя будет почище
Твой ученик. Не тревожься: тебя превзойдет он, конечно,
Как Теламона Аякс превзошел, Ахиллес же — Пелея.
Нежных нужно щадить: ведь еще не заполнило мозга
Зрелое гнусное зло; но лишь только сын твой расчешет
Бороду, тронет ее острием наточенной бритвы, —
Он лжесвидетелем будет, продаст за ничтожную сумму
Ложную клятву, держась за алтарь и за ногу Цереры.
- 220   Если невестка вошла в твой дом с смертоносным приданым,
Мертвой ее почитай: ее непременно удавят
Сонную. Кратким путем муж добудет себе, что считаешь
Нужным приобретать ты на суше или на море:
Нет никакого труда совершить большое злодейство.
Скажешь потом: «Никогда не давал я таких поручений,
И не советовал я». Но ты ведь — источник злонравья,
Повод к нему; ибо всякий, внушающий любостяжанье
И воспитавший дурным наставленьем корыстных потомков,
Тот, кто детей научил обманом удвоить наследство, —
- 230   Лошади волю дает и совсем распускает поводья;
Хочешь коней осадить — уж они удержаться не в силах,
Мчатся, тебе не подвластны, намеченный путь оставляя.
Кто согласится настолько грешить, насколько позволишь?
Сами к себе сыновья снисходительней будут гораздо.
Раз ты внушаешь юнцу, что глуп, кто друзей одаряет,
Кто к бедняку снизойдет, приносит близким услугу, —
Этим ты учишь его грабежу, обману, стяжанью
Даже преступным путем богатств, которые любишь
Столько же ты, как любили отечество Деции или,
- 240   Ежели греки не врут, Менекей возлюбил свои Фивы,
В чьих бороздах из змеиных зубов легионы рождаются
Прямо в оружие и враз затевают ужасные битвы,

Словно бы там заодно и трубач поднялся с войсками.
Сам ты увидишь огонь, которого искры ты выбил,
Ярко пылающим, все пожирающим, что попадется:
Нет пощады тебе, несчастный, и в клетке питомец
Лев разорвет жожака дрожащего с громким рычаньем.
Твой гороскоп звездочетам известен, но медленной прялки
Парок не хочет он ждать: ты умрешь, когда нить твоей жизни
250 Не порвана; и сейчас уж ему ты мешаешь, задержка
Всех вожделений; уж мучит его твоя старость оленья.
Живо зови Архигена, купи себе то, что состряпал
Царь Митридат; если хочешь срывать еще новые фиги,
Новых повырастить роз, — запасись непременно лекарством:
Должен его принимать пред едою и царь и родитель.

Славное зрелище я покажу тебе: с ним не сравнятся
Ни театральный спектакль, ни преторов пышных подмостки, —
Только взгляни, чего стоит опасность смертельная — в доме
Деньги растить, где большая казна есть в медной шкатулке.
260 Суммы кладут на хранение пред бдящим Кáстора оком,
После того как мстительный Марс и шлема лишился,
Да и добра не сумел сохранить; значит, можешь оставить
Сцены на зрелищах ты в честь Цереры, Кибелы и Флоры:
Много значительней их — человеческих дел представление.
Разве нас так забавляют прыжки ловкачей-акробатов
Или же тот, кто, канат натянув, на нем же и ходит,
Как забавляешь ты сам, на корикской корме пребывая,
Где и жилище твое, ты — игралище Кора и Австра,
Неисправимый, презренный купец пахучей поклажи,
270 Ты, что доволен доставкой изюмных вин маслянистых
С берега древнего Крита, с Юпитера родины в город?
Тот, по канату ступая хоть шаткой ногой, доставляет
Этой ценой пропитанье себе, прогоняет канатом
Холод и голод, а ты безрассудствуешь ради талантов
Тысяч и множества вилл. Посмотри лишь на гавань и море,
Полное досок и мачт: ведь на море больше народу,
Чем на земле. И флот поплывет, куда б ни манила
Прибыли жажда его: пробежит он по водам карпатским

- И гетулийским, потом, далеко позади оставляя
280 Кальпу, услышит в пучине Геракла шипение солнца.
Многого стоит труда, чтобы ты возвратился оттуда
С туго набитым мешком, похваляясь раздутой мошною,
Тем, что тритонов видал и других океанских чудовищ.
Разным безумьем умы одержимы: того ужасает
Лик Евменид, их огонь — даже в сестриных чистых объятьях;
Этот уверен, быка поразив, что ревет Агамемнон
Или Улисс. Пусть он даже щадит и плащ и рубашку,
Все же опека нужна нагружающему корабельный
Трюм до отказа товаром, от волн отделяясь бортами,
290 Если причиною зол и опасностей этаких служат
Только куски серебра для надписей и для фигурок.
Тучи находят, гроза началась. «Отдавайте причалы! —
Слышен хозяина крик, обладателя хлеба и перца. —
Эта небесная темь, эта туча, что кутает небо,
Нам не грозит: это летний лишь гром». А быть может, несчастный
Этой же ночью утонет, как мачты сломаются, сгинет
В волнах, упрямо держа и левой рукой и зубами
Пояс. Но тот, вожделений кого не насытило злато,
Скрытое в желтых песках у Тага на дне и Пактола,
300 Будет доволен лохмотьем — прикрыть продрогшие чресла,
Скудной едой, как погибнет корабль и он, потерпевший,
Асса станет просить и кормиться картиной крушенья.
То, что добыто с мученьем таким, охраняется с бóльшим
Страхом, заботой: стеречь тяжело состоянье большое.
Слишком богатый Лицин заставляет, расставивши ведра,
Сотню рабов караулить свой дом по ночам, ибо в страхе
Он за янтарь, за колонны фригийские, статуи в доме
И за слоновую кость, черепаху огромную. Бочка
Киника голого не погорит; а сломается — завтра
310 Новый готов будет дом, да и старый свинцом залатают.
Уразумел Александр, увидев в сосуде из глины
Жившего там мудреца, насколько счастливей, кто вовсе
Всеяких желаний лишен, чем тот, кто жаждет вселенной
И на опасность готов соответственно завоеваньям.

Нет богов у тебя, коль есть разум: мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством. «Но все-таки меры какой же
Для состоянья довольно?» Коль спросят меня, я отвечу:
Столько имей, сколько просят и жажда, и голод, и холод,
Сколько тебе, Эпикур, в твоём садике было довольно,
320 Сколько ещё до тебя получали Сократа пенаты.
Мудрость не скажет того, что противно бывает природе.
Если смущает тебя столь суровый пример, ты прибавишь
То, что обычно у нас: копи ты себе состоянье
В меру закона Отона о всадниках перворазрядных.
Если на это ты рот покривишь и поморщишься — что же,
Всадника ценз ты удвой, сделай трижды четыреста тысяч.
Если ж я пазуху все не набил тебе, все ещё просит, —
Значит, тебе никогда ни Креза сокровищ не хватит,
Ни достоянья персидских царей, ни богатства Нарцисса,
330 Коему Клавдий уж так потакал и так подчинялся
Всем приказаньям его, что убил и жену Мессалину.

САТИРА ПЯТНАДЦАТАЯ

руг мой Волузий Вифинский! Известно ведь, что за чудовищ

В глупом Египте чтут: обожают одни крокодилов;
Трепет других вызывает тот ибис, что змей поедает;
Образ сияет золотой почитаемого павиана

Там, где стовратных развалины Фив и где раздаются
Из раздвоенной фигуры Мемнона волшебные звуки;
Здесь поклоняются кошкам, там рыбе речной; города есть
С культом собаки. Никто не почитит лишь богиню Диану.
Лук и порей там нельзя осквернять, укусивши зубами.

- 10 Что за святые народы, в садах у которых рождаются
Этакие божества! Не берут там в пищу животных
С шерстью: зарезать козленка грехом почитают в Египте.
Вот человечину можно там есть. Когда о подобном
Деле Улисс рассказал опешившему Алкиною
После обеда, он, может быть, вызвал и гнев и насмешку,
Как пустомеля и враль. «И никто его в море не сбросит,
Хоть и достоин он сам настоящей свирепой Харибды,
Он, сочинитель и всех лестригонов и диких циклопов!
Право, по мне, вероятней и скал Кианей столкновенья,
- 20 Сцилла и даже мехи, надутые бурями, или
Что Эльпенор и гребцы захрюкали, свиньями ставши
От незаметных ударов прута волшебной Цирцеи.
Верно, считал он феаков народом пустоголовым!»
Так кто-нибудь справедливо сказал бы, оставшийся трезвым,
Или же тот, кто немного еще потянул из коркирской
Урны: свидетелей нет, — разглагольствовал он в одиночку.

Мы же о диве таком поведать хотим, что недавно,

В консульство Юнка, у стен раскаленного Копта случилось, —
О преступление толпы, пострашнее старинных трагедий:

30 Пересмотри их со времени Пирры, — у трагиков вовсе
Не совершает народ никакой преступлений. Послушай,
Чем показало себя одичание нашего века.

Между соседней Тентирой и Омбом доселе пылает
Пламя старинной вражды: их древняя распря бессмертна,
Неизлечимую раной горя, и крайнюю ярость
С той и с другой стороны проявляет толпа, потому что
Местности обе божеств ненавидят соседних, считая
Правильной веру в своих лишь богов. Но случилось,
что праздник

В Омбе справлялся, вожди их врагов порешили придраться
40 К случаю, чтобы другим испортить веселый и светлый
Праздничный день и пиры, когда возле храмов роскошно
У перекрестков накрыты столы и постелено ложе
Денно и ночью, так, что иной раз даже седьмые
Сутки его застают приготовленным. Правда, Египет
Груб, но по роскоши, сколько я сам замечал, не уступит
Эта толпа дикарей пресловутому граду Канопу,
Кроме того, ведь легко одолеть захмелевших соседей:
Их языки заплелись, все шатаются, пляшут мужчины,
Черный играет флейтист, благовонный разносится запах,
50 Всюду цветы, и народ себе лбы украшает венками.

Злоба голодная тут разгорается, страсти бушуют:
Ругань сперва начинает звучать, как сигнал для сраженья,
С криком ужасным потом сшибаются, вместо оружия
Руки пускаются в ход: у немногих не свернуты скулы,
Чуть ли не все повредили носы среди такой свалки.
Скоро уж видны везде и повсюду разбитые лица,
Черт не узнать, из разорванных щек торчат уже кости
Голые, и кулаки измазаны кровью глазною.

Сами ж они почитают игрой это дело и детской
60 Схваткой: у них под ногами совсем не валяется трупов.
Правда, к чему столько тысяч дерутся толпой — и убитых
Нет между ними? Но вот свирепее натиск, и стали

Шарить рукой по земле, поднимать и швыряться камнями —
Самым обычным оружием при бунтах, — хотя не такими
Тяжкими, как поднимал и Турн и Аякс Теламонид
Или каким Диомед бедро раздробил у Энея:
Камни у них таковы, чтобы выдержать правой рукою,
Что уступает деснице героев, — рукой современной.
Наш-то ведь род измелечал еще и при жизни Гомера.

70 Ныне земля производит все мелких да злобных людишек:
Глянет на них кто-нибудь из богов — и смешно и досадно.

От отступленья вернемся к рассказу. После того как
Лагерь один, получив подкрепление, решается взяться
И за оружие, бой начинают, стреляя из луков;
При наступлении тех, что в Тентире живут, по соседству
С пальмовой тенью, бежать пустились поспешно омбиты.
Падает кто-то из них, убегая в крайнем испуге,
И попадает в плен. Разрубают тело на части
Мелкие, чтоб одного мертвеца хватило на многих;
80 И победители съели его, обглодали все кости,
Даже в кипящем котле не сварив, не втыкая на вертел:
Слишком им кажется долгим огня дожидаться, немедля
Труп пожирают сырой, находя наслаждение в этом.
Радостно даже, что эта толпа огня не сквернила,
Что Прометей земле подарил, похитивши с высей
Неба. Стихию поздравить могу, и, наверно, стихия
Рада. Но кто уже смог человеческого мяса отведать,
Тот никогда не едал другого охотней, чем это,
Ибо при зверстве таком не допрашивай, не сомневайся,
90 Первая глотка познала ли вкус, и последний познал ли
Тот, что руками водил по земле — попробовать крови,
После того как все тело уже уничтожено было.

Баски (молва такова), было время, жизнь сохраняли
Пищей такой; но они не пример: у них была крайность
В годы войны, к ним Судьба была зла, доведя

до последней
Страшной нужды при долгой осаде. Ведь самый образчик
Этой ужасной еды, о которой сейчас говорится,

Жалости просто достоин, и те, о которых сказал я,
Всяких наевшихся трав и всяких животных, к чему лишь
100 Ни понуждали мученья пустого желудка, — когда уж
Сами враги сожалели их, бледных, худых, истощенных, —
Жрали от голода тело собратьев, готовые даже
Грызть и свое. Да и кто из людей, из богов отказался б
Их животы извинить, претерпевшие жуткие муки?
Им бы могли простить даже тени тех, кого трупы
Ели несчастные баски. Нас лучше наставят Зенона
Правила: вовсе не все, полагают они, можно делать
Ради спасения жизни. Но стойки разве кантабры,
Да особливо еще в старину, при древнем Метелле?
110 Греков Афины и наши доступны теперь всем народам,
Галлия стала речистой и учит юристов британских,
Даже на Фуле идут разговоры о ритора найме.
Всё ж благородны и баски, и полное есть оправданье
Равному в доблести им, но несчастному больше, Сагунту.
Ну, а Египет жесточе еще алтарей Меотиды,
Если ты даже считаешь правдивым преданье поэтов:
Та уроженка Тавриды, что святопреступную жертву
Изобрела, закалила людей — но большего страха,
Чем умереть под ножом, ее жертва не знала. Какой же
120 Случай египтян подвиг? Что за голод, какое оружие,
Стенам угроза, понудили их на такое злодейство
Гнусное? Что же тогда за ненависть к Нилу была бы,
Коль не разлился бы он при засухе в землях Мемфиса?
Бешенством так никогда не свирепствуют страшные кимвры,
Ни дикари савроматы, ни страшный народ агатирсы;
Так не ярятся бритоны, как эта трусливая сволочь,
Что парусов лоскутки распускает на глиняных лодках
И на вёсло налегает короткое в пестрой посуде.
Этим народам, в сознание которых и голод и злоба
130 Сходны вполне и равны, не найти наказания злодейству,
Нет и достойных им кар. Природа сама утверждает,
Будто дарует она человеку мягчайшее сердце:
Слезы дала она нам, — а что же лучше, чем слезы?

- Значит, она нам велит оплакивать друга, который
В трауре дело ведет малолетнего, что обвиняет
Живого опекуна: его длинные кудри скрывают
Наполовину лицо, увлажненное горькой слезою.
Мы по закону природы вздохнем, повстречав погребенье
Девушки взрослой иль гробик младенца, который не вырос
140 Для похоронных костров. Кто действительно честен и стоит
Тайного факела, как полагается мисту Цереры,
Чуждой не мнит никакую беду: в этом наше отличие
От бессловесных скотов. Потому только мы, — что имеем
Жребий высокий ума и богов голоса различаем,
Мы, что способны к искусствам, могущие им обучаться, —
Чувство впитали в себя, сошедшее с тверди небесной,
Но недоступное тем, кто смотрит не в небо, а в землю.
При сотворении мира творец уделил им дыханье
Жизни — и только, а нам, сверх того, дал душу, с той
целью,
- 150 Дабы взаимно влекло нас просить и оказывать помощь;
Разно живущих — в народ единить; покинувши рощи
Древних людей, оставляя леса — обиталище предков, —
Строить дома, сочетая жилище свое воедино
С крышей другой, чтоб доверье взаимное нам позволяло
Возле порога соседей заснуть; для защиты оружием
Граждан упавших иль тех, что от ран зашатались тяжелых,
Общей трубою сигнал подавать; защищаться совместно
В башнях и общим ключом запираť городские ворота.
Но даже змеи живут согласнее нас и с окраской
160 Схожей другого щадит всякий зверь: разве льва убивает
Лев? Или разве когда кабана находили лесного,
Чтоб издыхал от удара клыков кабана посильнее?
Яростный Индий тигр уживается в длительном мире
С тигром; у диких медведей и то существует согласие,
Людам же мало и тех смертоносных мечей, что куются
На наковальне проклятой, а первый кузнец-то, привыкший
В горне калить сошники да лопаты, уставший отковки
Сох да мотыг, — ведь совсем не умел он меча приготовить.

Что за народ современный: ему недостаточно в злобе
170 Только убить человека, но груди, но руки, но лица
В пищу себе он берет! Ну, что бы подумал об этом
Или куда б убежал, если б только узрел этот ужас,
Ты, Пифагор, воздержаньем известный от мяса животных,
Как от людского, и есть позволявший не всякую овощь

САТИРА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кто преимущества все перечислит, все выгоды, Галлий,
Службы военной? Раз в лагерь приходят для жизни
счастливой,
Пусть под звездой благосклонной меня принимают
ворота

Рекрутом робким: час добрый удачи ведь стоит не меньше,
Чем если б к Марсу пришли мы с письмом от богини Венеры
Или родимой Юноны, песчаный Самос полюбившей.

Прежде всего назовем вообще удобства, из коих
Немаловажно и то, что тебя не посмеет ударить
Штатский: напротив, удар получив, он сам его скроет.

¹⁰ Выбитый зуб показать не осмелится претору либо
Черную шишку, синяк, на лице его битом распухший,
Или подшибленный глаз, что, по мнению врача, безнадежен.

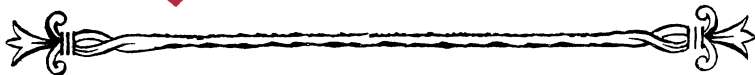
Кто наказания ищет за это, получит бардейца
В судьи себе, и в сапог военный обутые икры
Будут видны на скамьях судейских: обычай Камилла
Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала
Иль далеко от знамен. Справедливейшим будет, конечно,
Центурионов разбор солдатского дела: наказан
Будет обидчик, коль есть законный для жалобы повод.

²⁰ Недружелюбны, однако, манипулы все, и когорта
Вся как один человек показанье дает, что возмездье
Горше гораздо самой обиды. И будет пригоден
Только Вагеллий один с его ослиным упрямством,
Чтоб свои обе ноги подставлять под столько военных
Грубых сапог, на гвоздях без числа. Да и кто же решится
В лагерь пойти, кто настолько Пилад, чтоб забраться за грани

- Вала? Пусть слезы сейчас же подсохнут; зачем беспокоить
Ваших друзей? Все равно им придется просить извиненья.
Скажет судья: «Дай свидетеля», — пусть кто-нибудь, кто побои
- 30 Видел, посмеет сказать: «Я видал», — и его я признаю
Бороду предков достойным носить и длинные кудри.
Мог бы скорей привести ты свидетеля ложного против
Штатского, чем отыскать такого, кто правду сказал бы
Против военных людей или что-нибудь против их чести.
Дальше отметим другие достоинства, прибьль другую
Службы военной: бесчестный сосед у меня отнимает
Дол или поле в поместье отцов и камень священный
Из середины межи вырывает — тот камень, что кашей
Я ежегодно чту и большим пирогом в приношение;
- 40 Или должник не желает вернуть мне занятых денег,
Будто бы подпись руки недействительна, мол, на расписке;
Ждать придется годами, когда-то начнут разбираться
В тяжбах народа всего, да и там ты натерпишься много
Тягот и много отсрочек, — знай ставят скамейки для судей:
Вот уж речистый Цедиций готовится скинуть лацерну.
Вот определяется Фуск, мы готовы — и снова уходим,
Ноги свои волоча по площади рынка песчаной.
Тем же, которые ходят с оружием и перевязь носят,
Время ведения дел предоставят, когда им угодно.
- 50 В тяжбе задержки им нет, и дела их решаются скоро.
Кроме того, у одних лишь военных имеется право
Дать завещанье при жизни отца: ибо все, что добыто
Воинской службы трудом, не включается в список имений,
Принадлежащих всецело отцу. Потому-то Корана,
Спутника знамени, деньги копящего воинской службой,
Ловит уже одряхлевший отец: ведь его выдвигает
Правый почет, получает дары он за труд благородный.
Для самого императора важно, конечно, чтоб всякий
Храбрый вояка был счастлив вполне, чтоб радостны были
- 60 Все и довольны как сбруей коней, так и цепью почетной.

СУЛЬПИЦИЯ

САТИРА

уза, таким же стихом, коим славишь героев и брани,
Мне разреши рассказать в коротких словах мою
повесть.
Я удаляюсь к тебе, чтобы замысел свой мне обдумать
Наедине. Прибегать не хочу ни к размеру Фалека,
Ни к шестистопному ямбу, ни к ямбу с хромою стопою,
Что применил Клазоменский поэт к выражению гнева.
Даже и все те стихи, какими я часто играла,
Римских жен научив впервые с гречанками спорить,

Новые шутки вводя, — совсем я теперь оставляю

- 10 И со стихами, в каких занимаешь ты первое место,
Я обращаюсь к тебе: снизойди к поклонницы просьбам.

О Каллиопа, скажи, что задумал всевышних родитель?

Уж не меняет ли он и землю и предков заветы?

Не отменяет ли он искусства, им данные смертным?

Не заставляет ли нас, бессловесных, лишенных рассудка,

Вновь, как и раньше, когда мы в первом веке явились,

За желудями к земле припадать и за чистой водою?

Иль, сохраняя другим города благосклонно и земли,

Он на изгнание обрек авзонийцев и Ромула внуков?

- 20 Что же? Причины есть две возвышенья великого Рима:

Доблесть его на войне и мудрость в мирное время.

Но эта доблесть в самом государстве и внутренних войнах

На сицилийских морях и в кремлях Карфагена явилась,

И одолела других, и весь мир целиком захватила.

Как победитель потом, что один на ахейской арене

Вяло стоит и свою теряет в бездействии доблесть,

Так же и Рима ослабла рука, перестав напрягаться,

И ослабели бразды его мирные, длинными ставши,

После того как заимствовал он у греков законы

- 30 И покоренными он областями на суше и море

Всюду стал управлять и благоразумно и мягко.

Рим на этом стоял и не мог сохраниться иначе,

Ибо напрасно б сказал Диэспитер лживый супруге,

Как сообщают: «Я власть даровал бесконечную Риму».

Значит, того, кто теперь злополучным властвует Римом,

Вовсе не власть извела, а он бледен от жизни распутной.

Издав указ он, чтоб все науки и все поголовно

Люди ученые вон удалились из города Рима.

Как же нам быть? Мы ушли от людей и покинули греков,

- 40 Чтобы получше снабдить учеными римлян столицу;

Ныне ж, как галлы, мечи на весах оставив, бежали

От Капитолия вспять, смятенные храбрым Камиллом.

Так и у нас, говорят, рассеялись старцы и сами,

Как смертоносную кладь, истребили свои сочиненья.

- И в заблуждение впал Сципион Нумантийский с Ливийским,
Он, чьим наставником был родосский ученый философ;
Как во вторую войну и весь сонм ораторов славных,
Как и маститый Катон, размышлявший божественно-мудро
И неуклонно всегда желавший узнать: при удачах
50 Или в несчастьях должно укрепнуть римское племя?
Видно, в несчастьях: когда, любовью к отчизне влекомо
И домоседкой-женой, оно за оружие бралось,
То собиралось, как рой пчелиный, что, выпустив жала
Желтого тела, на ос поднимается в храме Монеты;
Но наступает лишь мир, как, забыв о бедах минувших,
С маткою пчелы своей в ленивом сне засыпают.
Следственно, длительный мир и тяжел и погибель для римлян.
Так я окончу рассказ. После этого, лучшая муза,
Я бы хотела, чтоб ты, без которой мне жизнь безотраднa,
60 Так же внушила покинуть Рим, как некогда бросил
Лид погибавшую Смирну. Иль что угодно, богиня,
Выдумай ты, наконец, но лишь отврати ты Калена
Прочь от римской стены и приятных сабинских имений.
Кончила я, и меня богиня почтила ответом:
«Брось справедливый свой страх, поклонница наша: тиранна
Ненависть страшная ждет, и наша честь его сгубит.
Мы ведь живем в родниках и в лаврах Нумы, как прежде,
Вместе с Эгерней там смеясь всяким вздорным затеям.
Будь же здорова, прощай! Эта скорбь искупится славой:
70 Римский тебе Аполлон и муз тебе хор в том порука».

АНОНИМ

ЗАВЕЩАНИЕ ПОРОСЕНКА

С им начинается завещание поросенка. Марк Визгуний Хрюкалон, поросенок, составил ниже-
следующее духовное завещание; поелику же собственноручно начертать не мог, с голосу моего писано.

Кухарший-повар промолвил:

— Подойди-ка сюда, доморазрушитель, землеразрыватель, беглый подсвинок: нынче я пресеку твою жизнь.

Хрюкалон-поросенок отвечал:

— Ежели я худое что совершил, либо в чем-нибудь провинился, либо какую ни на есть посудину ногами своими покрушил, то прошу, господин повар, даровать мне жизнь. Пощади молящего.

Кухарций-повар молвил:

— Ступай-ка, малый, и принеси мне из поварни ножик, чтобы мог я пустить кровь такому-растакому поросенку.

И был поросенок слугами схвачен и отведен на убойще за шестнадцать дней до календ месяца Луцерния, когда наливаются почки, в консульство Недосолия и Переперция. И, видя неминуемую свою гибель, попросил отсрочки на малый час и вымолил у повара дозволение составить духовную. Призвал он к себе всю родню, дабы завещать каждому от харчей своих. И молвил так:

Родителю моему Свиносалию-Пожиралию отказываю и завещаю желудей тридцать модиев, и родительнице моей Хавронии-Хрюшке отказываю и завещаю лакедемонского жита сорок модиев, и сестрице моей, при чьем заклании мне уже не придется присутствовать, отказываю и завещаю ячменя тридцать модиев. А из остатков моих оставляю и завещаю: башмачникам — щетину, задирам — макушку, глухим — ушки, стряпчим и болтунам — язык, колбасникам — кишки, мясникам — окорока, женщинам — ляжки, мальчишкам — пузырь, девчонкам — хвостик, кинедам — мышцы, скороходам и охотникам — бабки, разбойникам — копытца. А повару, коего имени и называть не стоит, завещаю пузо и пестик, которые принес с собою в хозяйство; и пусть его от Тебесты до Тергесты на веревке протащат в известное место. И приказываю воздвигнуть мне монумент и на оном золотыми литерами начертать:

МАРК ВИЗГУНИЙ ХРЮКАЛОН ПОРОСЕНОК
ПРОЖИЛ СМХСІХ ЛЕТ С ПОЛОВИНОЙ
ЕЖЕЛИ БЫ ЕЩЕ ПОЛГОДИКА ПРОТЯНУЛ
ТО ВСЮ БЫ ТЫСЯЧУ ОТМАХАЛ

Вас же, отменные особы моей любители и жизни моей почитатели, молю с телом моим хорошо поступить, добрым фаршем из орехов, перца и меда хорошо начинить, дабы имя мое вовеки не забылось.

Господа и родичи мои, при составлении завещания моего присутствовавшие, прошу вас, повелите оное скрепить.

Свиносалий скрепил. Мясон скрепил. Тминношпиг скрепил. Колбасин скрепил. Окорокон скрепил. Сосисон скрепил. Супоросий скрепил.

Сим завершается завещание поросенка.

Комментарии

РИМСКАЯ САТИРА

Создателями сатиры (сатуры) в римской литературе надо считать Луцилия, продолжателями которого были Гораций, Персий и Ювенал, и Варрона, который, следуя по стопам киинического философа Мениппа (III в. до н. э.), положил начало тому виду сатиры, какой получил свое завершение в сатирическом романе («Сатурах») Петрония.

Год рождения Луцилия неизвестен, умер же он в 102 г. до н. э. Луцилий происходил из богатой семьи, принадлежавшей к сословию всадников и жившей в Суэссе Авруннской (в Кампании). Юношей Луцилий переехал в Рим, где подружился со Сципионом Африканским Младшим и занял выдающееся положение в его литературном кружке.

Общественно-политическая борьба, происходившая в Риме во времена Луцилия, нашла свое проявление и в области литературы; особенно ожесточенной борьба была между национальной партией — противниками чрезмерного вторжения в Рим культуры эллинизма — и крайними эллинофилами. Национальная партия считала, что поклонники греческой культуры забывают римское достоинство и колеблют устой римского могущества.

Из всего творчества Луцилия до нас дошли лишь разрозненные отрывки. Сохранился фрагмент, в котором Луцилий осмеивает грекомана Тита Албудия, используя для этого рассказ о том, как претор Муций Сцевола подшутил над Албудием в Афинах:

Греком, Албудий, скорей, чем римлянином иль сабином,
Чем земляком достославных мужей и центурионов,
Понтий каков и Тритан, знаменитые знаменоносцы,
Слыть предпочел ты. И вот я, претор, при встрече в Афинах,
Греческим словом тебя приветствовал, как тебе любо:
«Хайре, о Тит!» И за мной все ликторы, турма, когорта —
«Хайре, о Тит!» И теперь ты враг мой и недруг, Албудий.

В другом отрывке Луцилий осуждает жизнь современного ему Рима:

Ну, а теперь от зари и до ночи, и в праздник и в будни,
Целые дни и народ и сенаторы — все без различья
Топчутся вместе толпой на форуме и не уходят.

Все ремеслу одному и заботе одной отдаются:
 Как бы друг друга надуть, в борьбе коварно сразиться,
 Ловко польстить, представить себя человеком достойным,
 В сети завлечь, — словно все и каждый стали врагами.

Большой интерес представляет собой также фрагмент, в котором Лудий определяет свой идеал доблести:

Доблесть, Албин, состоит в способности верной оценки
 Нашего быта, всего, что в жизни нас окружает.
 Доблесть — всегда сознавать последствия наших поступков,
 Доблесть — всегда разбирать, где честь, где право, где польза,
 Что хорошо и что нет, что гнусно, бесчестно и вредно;
 Доблесть — предел полагать и меру нашим желаниям,
 Доблесть — способность познать настоящую цену богатства,
 Доблесть — то почитать, что действительно чести достойно,
 И неприятелем быть людей и нравов зловредных,
 А покровителем быть людей и нравов достойных,
 Их возвеличивать, их поощрять и делать друзьями;
 Сосредоточивать мысль всегда на пользе отчизны,
 После — на пользе родных, а потом уж на собственной пользе.

Характерны для Лудия и такие темы, в которых он выступает против нелепых суеверий и мифологических вымыслов.

Много, как видно, чудес и вымыслов всяких ужасных
 Есть у Гомера в стихах: Циклоп Полифем в целых двести
 Ростом ступней, а затем — его маленький посох, повыше
 Самой высокой из мачт, на ладье грузовой водруженный.

Ламий ужасных, каких Помпилии Нумы и фавны
 Установили на страх, трепещет он как всемогущих.
 Точно ребята, что все живыми считают статуи
 Медные, чтя за людей, — так эти во бред сновидений
 Верят и сердцем живым наделяют идолов медных.
 Все это — выдумки, вздор, галерея картинная только.

Сохранился фрагмент, в котором Лудий выступает против врага Сципиона, претора Лудия Корнелия Лентула Лупа. Этот фрагмент, касающийся судопроизводства Лупа, интересен не только отношением Лудия к своему противнику, но и использованием в нем философской терминологии.

. . . . . Если это ты сделал,
 Лупу его отдадут, как ответчика, вместе с другими.
 Он не явился? Тогда стихий и начал вместе с ними
 Будет лишен: запретит ему Луп и пламя и воду.
 Явится он — у него и тело и дух, две стихии
 (Тело — земля, а дух — это воздух); и все же последних,
 Коль предпочтет он, стихий лишит его Луп непременно.

Фрагменты, относящиеся к области общественно-политической жизни, настолько малы и неясны, что по ним невозможно представить себе эту

сторону деятельности Луцилия, но, по свидетельствам Горация, Персия, Ювенала и других, он и в этой области был чрезвычайно остроумен, резок и беспощаден.

Особое место в произведениях Луцилия занимали вопросы филологические. Одна из его сатир была посвящена рассуждениям о теории литературы и проблемам правописания.

Язык Луцилия чрезвычайно разнообразен: в его произведениях встречается и живой язык народа, и отделанная «городская» речь, и смешение греческих и латинских слов.

Что касается другого раннего римского сатирика — Марка Теренция Варрона, старшего современника Цицерона и крупнейшего ученого своего времени, — то от его сатир осталось всего несколько мелких фрагментов. Можно, однако, видеть, что содержание сатир Варрона было необычайно разнообразно; в них были использованы и бытовые, и политические, и философские темы. Главной тенденцией сатир Варрона была тенденция моральная: он негодует на упадок нравов, на неумеренную роскошь, на подкупность судей и видит во всем этом забвение старых, добрых нравов.

Первые римские сатирики, в том числе и Гораций, называли свои произведения не сатирами, а беседами, не относя их, таким образом, ни к какому определенному литературному жанру. Но когда содержанием этих бесед стало обличение пороков, а другие темы, которые мы находим еще у Ювенала, исчезли, то и появился термин *сатира* в том значении, какое он имеет в наши дни.

ГОРАЦИЙ

Квинт Гораций Флакк родился в 65 г. до н. э., в южноиталийском городке Вепусии. Он был сыном вольноотпущенника, обладавшего достаточными средствами, чтобы дать сыну образование сначала в Риме, а затем в Афинах, где Гораций занимался философией и литературой.

Произведения Горация, в частности его «эподы», призывавшие римлян к гражданскому миру, обратили на себя внимание видных поэтов — Вергилия и Вария, рекомендовавших молодого поэта другу Октавиана, Мекенату. Это случилось, по всей вероятности, в 38 г. до н. э., а вскоре Мекенат уже пригласил Горация принять участие в поездке в Брундисий, куда он ехал содействовать переговорам Октавиана с Антонием. Эту поездку Гораций описал в пятой сатире первой книги своих «Бесед».

Знакомство, а затем и дружба с Мекенатом обеспечили поэту в достаточной мере независимую жизнь. Гораций поселился в своем имении, откуда лишь по необходимости приезжал в Рим. Никаких государственных должностей он не занимал и даже не соблазнился предложением Августа стать его личным секретарем.

Будучи принят в кружок Мекената, Гораций познакомился со многими видными людьми римского общества, а после смерти Вергилия (в 19 году до н. э.) занял главное место среди римских поэтов. Но это произошло уже тогда, когда Горацием были выпущены в свет «Беседы» (Сатиры), «Эподы» и сборник «Лирических стихотворений» (Од), которые, по его собственным словам в знаменитом «Памятнике», должны были принести ему вечную славу.

Но не лирические стихотворения, несмотря на их высокие поэтические достоинства, составляют главное в творчестве Горация, а его «Послания» и «Беседы», или, как их обычно называют, «Сатиры».

В своих «Беседах» Гораций, в противоположность создателю римской сатиры Луцилию, старательно избегает политической тематики и уделяет большое внимание форме, стремясь придать сатирам характер живого разговора. «Беседы» Горация — это житейско-дидактические сатиры, полные непринужденности. Философские рассуждения автора не выходят за рамки общих моральных тем. Так, в начальной своей сатире он рассуждает о том, почему

Редкий доволен судьбою, считая счастливым другого;

в Сатире третьей он выступает против осуждающих чужие недостатки, дополняя свои рассуждения «беседой» в защиту сатирического жанра вообще. В этой же сатире Гораций осмеивает идеалистическую философию стоиков; он выпучивает стоический парадокс о том, что все проступки равны:

Тем, для которых вины все равны, — нет самим оправданья!
Против них все вопиет: и рассудок, и нравы, и польза —
Мать справедливости, мать правоты — их все осуждает!

Сатира шестая написана на тему об истинном благородстве. Вторая сатира (Книги второй) — на тему об умеренности.

В Сатире третьей (Книги второй) Гораций издевается над утверждением стоиков, будто все люди, кроме них, сумасшедшие.

В сатирах, посвященных бытовым и житейским темам, Гораций достигает подлинного совершенства. Эти сатиры интересны также благодаря использованному в них автобиографическому материалу: сценка о тяжбе (Сатира седьмая), встреча на Священной дороге (Сатира девятая), описание поездки в Брундисий (Сатира пятая).

Не менее интересны сатиры Горация на литературные темы. Такие его произведения, как «Послание к Августу» и «Наука (Искусство) поэзии», дают нам ценные сведения по античным теориям поэтического творчества.

КНИГА ПЕРВАЯ

САТИРА ПЕРВАЯ

42. *Асс* — мелкая монета.

99. . . . *храбрее всех Тиндарид*. . . — Имеется в виду Клитемнестра, сестра Елены, убившая своего мужа Агамемнона.

121. *Криспин* — стоический философ, писавший длиннейшие поучения в стихах.

САТИРА ВТОРАЯ

1. *Мимы* — здесь мимические актрисы-танцовщицы.

17. *Вирильная тога*. — Белая тога, которую надевали юноши при достижении семнадцатилетнего возраста вместо детской тоги, окаймленной пурпурной полосой.

21. ...у Теренция... — в комедии «Самоистязатель».
 Стихи 28 — 134 — перевод Н. С. Гиндбурга.
 29. *Стола* — почетная одежда замужних женщин (матрон).
 30. ...под сводом *воиучим*. — Сводчатые каморки лупанаров освещались чадающими масляными лампами.
 64. *Сулла* — глава римской аристократической партии, бывший диктатором с 82 по 79 г. до н. э.
 91. *Линкей* — один из аргонавтов, обладавший необычайно острым зрением.
 115. *Ромб* — камбала.
 121. *Филодем* — греческий поэт и философ-эпикурец, современник Цидерона.
 126. *Илия* — мать Ромула и Рема.

САТИРА ТРЕТЬЯ

4. *Цезарь* — Октавиан Август, внучатный племянник и приемный сын Юлия Цезаря.
 6. ...с *лиц* и до *яблок*... — с начала и до конца обеда. (Поговорка.)
 8. *Тетрахорд* — буквально: «четырёхструнный», древнейшая форма лиры.
 11. *Утварь Юноны* — корзины, которые носили на голове девушки в процессиях в честь богини Юноны и других богинь.
 13. *Тетрархи* — правители Галатии и Иудеи.
 88. *Календы* — первый день месяца.
 92. *Эвандр* — мифический царь Аркадии.
 127. *Хрисипп* — философ-стоик, преемник основателя стоической школы Зенона.
 137. *Квадрант* — мелкая монета, четверть асса.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

34. *Сено... на рогах...* — Бодливым быкам и коровам рога обвязывали сеном.
 59. «*Когда железные грани...*» — цитата из «Летописи» Энния (240—169 до н. э.).
 89. *Либер* — одно из имен Вакха.

САТИРА ПЯТАЯ

24. ...в *четыре часа*... — считая от восхода солнца, то есть в десятом часу утра.
 25. *Ферония* — итальянская богиня, храм которой был около Анксур.
 35. *Ауфидий* — служил в Риме простым сcribeм (писцом), а затем был назначен префектом в городок Фунды.
 38. ...в *городе*... *Мамурров*... — то есть в *Формиях*, откуда был родом Мамурра, начальник саперов Юлия Цезаря.
 39. *Мурена* — Лидиний Мурена, шурин Медената.

53. *Пицирр* (петух) — один из персонажей итальянской комедии *ателланы*, заимствованной римлянами у осков. *Сармент* — предположительно — слуга Мецената.

64. *Кампанійская болезнь* — наросты на коже. Здесь — петушинный гребень, украшавший Цидирра.

65. *Циклоп* — танец, изображавший циклопа Полифема, влюбленного в нимфу Галатею.

67—68. ...*посвятил ли ларам он цепи свои*... — то есть перестал ли быть рабом.

САТИРА ШЕСТАЯ

1. ...*ликто из лидийцев*... — Меценат вел свой род от этрусков, считавших себя выходцами из Лидии (Малая Азия).

9. *Сервий Туллий* — предпоследний римский царь.

21. *Цензор Аппий*. — Имеется в виду цензор 50 г. до н. э., Аппий Клавдий Пульхр, исключивший из сената многих вольноотпущенников.

24. *Тиллий* — брат Луция Тиллия Кимвра, одного из убийц Юлия Цезаря; был удален Юлием Цезарем из сената, но после его смерти был восстановлен в звании военного трибуна и снова вошел в сенат.

35—36. *Храмам наших богов обещал*. — Имеется в виду присяга сенаторов.

38. *Сир, Дионисий, Дама* — обычные имена рабов.

39. *Калл* — имя палача.

58. ...*на коне сатурейском* — Сатурия, область близ Тарента.

72. ...*сыновья благородные центурионов*... — ирония, так как центурионы (сотники) — низшая командная должность в римском войске.

74. *Иды* — день в середине месяца, в который производились всякого рода платежи.

97. *Ликторов связки и кресла курульные* — знаки достоинства высших должностных лиц.

112. ...*плутовским пробираюсь я цирком*... — Около Большого цирка в Риме собирались гадатели, площадные лекаря и т. п. Тут же по вечерам сбывались и краденые вещи.

116. *Кииф* — небольшой ковш, которым наливали вино из чаши (кратера) в кубки.

119. *Марсий* — сатир, побежденный в музыкальном состязании Аполлоном, который приказал содрать с него кожу. Статуя Марсия стояла на римском форуме около ораторской трибуны, где помещалась и меняльная лавка ростовщика Новия.

131. *Квестор* — высший финансовый чиновник в Риме.

САТИРА СЕДЬМАЯ

В этой сатире изображена «тяжба», или перебранка, между Публием Рупилием, по прозвищу Царь (Рекс), родом из Пренесты, подвергнутому в 43 г. до н. э. проскрипции Октавианом и бежавшим к Бруту, и Персием — сыном азиатского грека и римлянки, торговцем из малоазиатского города Клазомен.

8. ...*на белых конях*... — Белые кони считались самыми резвыми.

19. *Биф, Бакхий* — гладиаторы, которые, победив своих противников, стали сражаться друг с другом и оба пали в этом бою.

30. ...*закукует прохожий кукушкой*. — Плиний в «Естественной истории» (кн. 18, § 249) говорит: «В этот промежуток времени (после 21 марта), в первые же дни хозяин должен наверстать все, что он должен был и не успел закончить до равноденствия. Пусть он знает, что отсюда возник обычай дразнить виноградарей, обрезавших лозы, подражая голосу птицы, которая зовется кукушкой».

32. ...*Италии укусом*. — то есть едким остроумием италийца Рупция.

34. ...с *царями справляться привык*! — Намек на убийство Марком Юнием Брутом Юлия Цезаря, а также на изгнание Луцием Юнием Брутом царя Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.).

САТИРА ВОСЬМАЯ

Эта сатира написана от лица деревянной статуи бога Приапа. Действие происходит на Эсквилинском холме, где на месте кладбища Меценат построил дом и насадил сад.

23. *Палла* — длинная парадная одежда римских жепщин.

САТИРА ДЕВЯТАЯ

1. *Священная дорога* — одна из наиболее красивых улиц Рима, излюбленное место для прогулок.

24. *Виск* — один из сыновей Вибия Виска, друга Августа.

59. *Аристий Фуск* — поэт и филолог, друг Горация.

76. ...*протянул уже ухо!* — Согласно римским законам, истец, в случае неявки ответчика на суд, имел право привести ответчика насильно, взяв в свидетели первого встречного; если этот человек соглашался быть свидетелем, то истец брал его за ухо и произносил: «Помни, что ты мой свидетель в этом деле».

САТИРА ДЕСЯТАЯ

8. *Мимы Лаберия*. — В своих мимах (пьесах) Лаберий не только изображал повседневную жизнь, но и вводил в них откровенные намеки на политические события. Так, в миме, в котором Юлий Цезарь заставил выступить Лаберия (бывшего римским всадником) в качестве актера, он обратился к народу со словами:

Эй вы, квириты, вольность мы свою теряем!

Лаберию же принадлежат слова, так же явно обращенные к Юлию Цезарю

Тому, кто многим страшен, многие страшны.

17. *Обезьяна* — Деметрий, о котором говорится ниже, в стихах 80 и 91.

18. *Каллул* (87—54 до н. э.) и *Кальв* — поэты, принадлежавшие к последователям александрийской школы.

22. *Пифолеонт Родосец*. — Под этим переименованным на греческий лад именем Гораций имеет в виду Марка Отацилия Пифолая, эпиграммы которого против Юлия Цезаря состояли из набора латинских и греческих слов.

24. ...*хиосское вместе с фалернским*. . . — то есть греческое с латинским. Хиосское вино было мягче терпкого фалернского.

26—27. *Мессала Корвин и Педий Попликола* — современные Горацию блюстители чистой латинской речи.

29. *Канусий* — город в Апулии, где говорили и на латинском и на греческом языках.

33. *Кеирин* — имя обожествленного Ромула.

36. *Альпин* — вымышленное имя, под которым подразумевается Фурий Бибакул, писавший эпиграммы на Юлия Цезаря. *Мелнион* — мифический дарь эфипсов.

39. *Тарпа* — Спурий Меций Тарпа, член цензурной коллегии, учрежденной Октавианом.

41. *Фунданий* — автор комедий, выведенный в Сатире восьмой.

43. *Дав* — обычное имя раба. *Хремет* — имя старика в комедиях.

44. *Поллион* — Гай Асиний Поллион, автор трагедий, до нас не дошедших.

47. *Варрон Атацин* — поэт (82—37 до н. э.), эпические поэмы которого до нас не дошли.

54. *Акций* — драматург II в. до н. э. *Энний* — крупнейший латинский поэт (239—169 до н. э.), создатель латинского гекзаметра. Оба эти поэта известны лишь по фрагментам.

66. ...*наш поэт*. . . — Энний.

72. ...*стиль оборачивай чаще*. . . — Римляне и греки писали на дощечках, покрытых воском, при помощи стила — палочки с заостренным концом, другой конец которой был плоским и служил для стирания написанного.

79—81. *Пантилиий, Деметрий, Фанний* — литературные враги Горация.

83. *Валлий* — современный Горацию элегический поэт Гай Валгий Руф.

87. *Фурний* — оратор, консул 17 г. до н. э.

КНИГА ВТОРАЯ

САТИРА ПЕРВАЯ

5. *Требатий* — Гай Требатий Теста, известный юрист, современник Горация, бывший, по словам Цицерона, страстным пловцом.

17. *Сципион* — Сципион Африканский Младший, завоеватель Карфагена (ок. 185—129 до н. э.).

26—27. *Кастор и Поллукс* — Диоскуры — братья-близнецы, рожденные спартанской царницей Ледой от Зевса, принявшего вид лебедя. Поллукс славился как кулачный боец, а Кастор как укротитель коней.

32. *Обетные дощечки*. — Дощечки, на которых описывалась или изображалась перенесенная кем-нибудь опасность и которые вывешивались в храмах.

65. *Лелий* — Гай Лелий Мудрый, друг Сципиона.

67. *Метелл* — Квинт Цецилий Метелл Македонский, противник Сципиона.

68. *Луп* — Луций Корнелий Лентул Луп, консул 156 г. до н. э.

САТИРА ВТОРАЯ

23. *Скар*, морской заяц — рыбы.

35. *Мулла* — рыба краснопородка, или барвена.

113. *Нынче бедняк*... — Имеется в виду межевание 41 г. до н. э. для отвода ветеранам земель, конфискованных по проскрипциям триумвиров. Офелл оказался арендатором собственной земли, отобранной у него и доставшейся ветерану Умбрену.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Эта сатира — диалог между Горацием и последователем стоика Стертиния, Дамасиппом, промотавшим свое наследство.

5. *Сатурналии* — праздник в декабре месяце, во время которого рабы считались свободными.

17. *Брадобрей*. — Гораций издевается над Дамасиппом, советуя ему взять брадобрея, поскольку стойки очень дорожили бородой как признаком мудрости.

19. ...у среднего *Януса*... — Так называлось в Риме место, где совершались денежные сделки.

22. ...хитрый *Сизиф*... — мифический царь Коринфа.

37. *Мост Фабриция* — мост на Тибре в Риме.

54. ...с хвостом и они. — По словам древнего комментатора Горация, Порфириона, эта поговорка происходит от обычая детей потихоньку привязывать сзади хвосты тем, над которыми они хотели посмеяться.

61. *Фуфий* — актер, исполнявший роль Иллиона в трагедии Пакувия (ок. 220—130 до н. э.) «Иллиона».

72. *Протей* — морской бог, быстро принимавший любой образ.

83. *Чемерица* — многолетняя трава, произраставшая в окрестностях греческого города Антикиры, считалась лучшим лекарством против умопомешательства.

87. *Аррий* — современник Цицерона, устроивший роскошный поминальный пир в честь своего отца.

101. *Аристипп* — ученик Сократа.

134. *Орест*. — Имеется в виду миф об Оресте, умертвившем свою мать Клитемнестру за то, что она убила его отца Агамемнона.

185. *Агриппа* — Марк Випсаний Агриппа, приближенный Октавиана.

187. *Атрид* — Агамемнон.

223. *Беллона* — богиня войны.

240. *Сын Эзопа* — Клодий, сын актера Эзопа, получивший от своего отца огромное наследство. *Метелла* — жена Корнелия Лентула, консула 57 г. до н. э.

246. ...мелом или углем? — то есть оправдать или обвинить.

253. *Полемон* — афинский юноша-кутила.

260—271. Пересказ первой сцены из «Евнуха» Теренция.

303. *Алава* — мать мифического царя Фив Пенфея.

САТИРА ПЯТАЯ

Эта сатира пародирует стихи одиннадцатой песни «Одиссеи», где Одиссей (Улисс) спрашивает тень прорицателя Тиресия о своей судьбе.

32—33. ...*прозанья — знатности признак*... — Называть кого-либо по первому имени было знаком почтения со стороны говорящего (ср. Петроний, «Пир у Трималхиона», где рабы называют своего хозяина «Гай»).

62. ...*юный герой*... из Энеева рода... — Октавиан.

САТИРА ШЕСТАЯ

11. *Взыскан Алкидом*... — то есть Геркулесом, которого считали хранителем кладов.

14. ...*сын Майи*... — Меркурий.

19. *Либитина* — богиня смерти.

20. ...*с пешею Музой* — то есть с вдохновительницей «Бесед» (Сатир), близких по языку к разговорной, «пешей» речи.

34. *Колодец* (Путеал) — пораженное молнией и потому, согласно обычаю, обнесенное оградой место на форуме, около которого производились различные сделки.

64. *Боб, Пифагору родной*... — Пифагор запрещал употреблять в пищу не только животных, но и бобы, считая, что в них переселяются души умерших.

САТИРА СЕДЬМАЯ

5. *Пользуйся волей декабрьской*... — Имеется в виду праздник сатурналий (см. примеч. к стиху 5, Сатиры третьей, Книги второй).

15. *Вертумн* — италийский бог всяких перемен. Здесь «Вертумны» вместо «боги».

76—77. ...*претор ударом... жезла*... — одна из формальностей при отпуске раба на волю. Подробно этот ритуал описывается у Персия в Сатире пятой, стих 75 и сл.

79. *Раб, подвластный рабу*... — Рабы могли нанимать себе заместителей, «викариев», исполнявших за них работы.

96—97. *Рутуба и Фувий*. — Имеются в виду изображения этих гладиаторов, нарисованные на афишах.

118. ...*угодишь у меня ты девятым в Сабину!* — Удаление городского раба в деревню было одним из тяжелых наказаний.

САТИРА ВОСЬМАЯ

14. *Гидаспец* — раб из Индии (Гидасп — приток Инда).

16. ...*непричастным морей* — то есть без морской воды, которую при-мешивали к некоторым винам.

20. *Верхним был я...* — Имеется в виду размещение пирующих за столом. На ужине у Насидиена на каждом из трех лож было по три человека. Самым почетным было шестое место (на среднем ложе), где возлежал Мединат.

42. *Мурена* — род морского угря, достигающего огромных размеров.

ПЕРСИЙ

Первым из последователей Горация как сатирика, произведения которых дошли до нас, был Авл Персий Флакк.

Персий родился 4 декабря 34 г. до н. э. в этруском городе Волатерах (Вольтерре) и принадлежал к богатому роду всадников. До двенадцати лет Персий жил в родном городе, а затем переехал в Рим, где стал обучаться у знаменитых в то время наставников — Реммия Палемона, грамматика, философа и поэта, и ритора Вергиния Флава, который, по словам Тацита, «привлекал к себе расположение молодежи красноречием». Но ни Вергиний Флав, ни Палемон не оказали сильного влияния на Персия, который в автобиографической Пятой сатире говорит только об одном своем наставнике, который «сумел... извращенные выправить нравы». Этим наставником был последователь стоической философии Анней Корнут.

Писать Персий начал очень рано, но юношеские произведения поэта после его смерти были уничтожены матерью по совету Корнута, которым, очевидно, руководили политические соображения, так как среди этих произведений были стихи, направленные против Нерона. Писал Персий мало и медленно; даже небольшая книга сатир не была им окончательно отделана. Умер Персий в 62 г. до н. э.

До нас дошли все шесть сатир, написанных Персием. Особый интерес представляет Сатира первая, в которой он, как и в своем прологе, рассуждает на литературные темы. Персий восстает против страсти к стихотворству, которая вошла в моду уже во времена Горация, а при Нероне приняла уродливые формы, обратившись к затхлым и безжизненным мифологическим сюжетам. Персий высмеивает нелепые и бездарные подражания старинному эпосу, стремление к внешним эффектам и риторическим украшениям. Восстает Персий и против лести поэтам-патрициям, которые дарят клиентам, слушающим их бездарные произведения, поношенные плащи и лицемерно требуют, чтобы им сказали правду об их стихах. Сам Персий стремится писать подобно Луцилию, который «бичевал столицу, Мудия, Лупа», и не боится, как и создатель римской сатиры, «обломать о них себе зубы»; готов он следовать и «хитроумному Флакку» (Горацию), но не желает потакать вкусам читателей, смеющихся над пустяками и не выносящих серьезной поэзии.

Остальные пять сатир Персия написаны на разные темы нравственного характера в духе стоической философии: Сатира вторая — на тему о молитве; Сатира третья направлена против уродливой системы воспитания римской молодежи; в Сатире четвертой Персий рассуждает о самопознании и излагает диалог Платона «Первый Алкивиад». Основная мысль этой сатиры выражена в ее последнем стихе:

Внутрь себя углубись и познай, как бедна твоя утварь.

Сатиры пятая и шестая написаны Персием в форме посланий — к руководителю Корнуту и к поэту и другу Цесию Бассу. В послании к Корнуту проводится мысль, что истинная свобода заключается в усвоении и проведении в жизнь основ стоической философии. Это послание интересно автобиографическими сведениями и характеристикой самого Корнута. Тема послания к Бассу — разумное пользование богатством.

Всему сборнику сатир предпослан пролог, написанный «хромыми ямбами» (Гипнонактовым стихом) и носящий ярко выраженный сатирический характер.

Несмотря на несовершенство сатир Персия, в древности они пользовались несомненным успехом; об этом свидетельствует, с одной стороны, то, что они дошли до нас во многих списках, а с другой — указания таких знатоков и ценителей, как Квинтилиан, который заявляет, что «Персий заслужил большую и истинную славу, хотя всего одной книгой». Марциал, обращаясь к Пуденту, говорит:

Книжкам нашим, Пудент дорогой, их куча мешает:
 До пресыщения их надоедает читать.
 Редкое нравится нам: так первая овощь вкуснее,
 Так же дорожке для нас розы бывают зимой;
 Так набивает себе любовница хищная цену
 Спесью: открытая дверь не привлечет молодежь.
 Часто мы больше считаемся с Персия книгой одною,
 Чем с «Амазонидой» всей, Марса бесцветным трудом.

Персий считал себя продолжателем Луцилия и Горация. Однако его сатиры сильно отличаются от ранних сатир Горация и от тех сатир Луцилия, какие носили политический характер. Все сатиры Персия, не исключая даже и первой, в которой он обрушивается на страсть к стихотворству, представляют собой в основном морально-дидактические рассуждения. И хотя Персий не достигает высот ювеналовской сатиры, он гораздо искреннее и смелее обличает современных ему римлян, чем другие писатели-философы. Давая отрицательную характеристику этим последним, Энгельс в работе «Бруно Бауэр и раннее христианство» положительно отзывается о Персии: «Только очень редкие из философов, как Персий, поражали, по крайней мере, бичом сатиры своих выродившихся современников» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 607, 1933 г.).

САТИРА ПЕРВАЯ

4. *Полидамант и троянки*. — Под Полидамантом и троянками подразумеваются римляне. Мудрость и строгие суждения героя «Илиады» Полидаманта вошли у римлян в поговорку.

12. *...хочутун с селезенкою дерзкой*. — Селезенка считалась в древности органом, от которого зависит смех.

32. *Лиловая хлена* — накидка, употребление которой вместо тоги считалось признаком изнеженности и распушенности.

42. *Кедр*. — Имеется в виду кедровое масло (кедрец), которым предохраняли ценные книги от червоточины.

50. *Чемерица* — см. примеч. к стиху 83 Сатиры третьей, Книги второй Горация.

52. ... *на ложах лимонных*. — на ложах из ценного, «лимонного», дерева из семейства кипарисовых.

72. *Палими* — сельский праздник в честь богини Палес, во время которого прыгали через горящее сено.

74. *Квинтий* — Луций Квинтий Цинциннат (V век до н. э.), удалившийся после победы над вольсками в свое поместье. Он был снова призван к власти в качестве диктатора во время похода против эвков. Легенду о вызове Квинтия в Рим рассказывает Тит Ливий.

77. *Акций* (170 — ок. 86 до н. э.) и *Пакувий* (ок. 220—132 до н. э.) — драматурги, пользовавшиеся в свое время большой славой; во времена Персия считались устаревшими.

87. *Ромул* — здесь потомок Ромула, римлянин.

88. ... *потерпевший кораблекрушение*. — Потерпевшие бедствие моряки просили подаяние,нося небольшую картину с изображением постигшего их несчастья.

109—110. *Собачья буква* — буква «р» («ррр»), напоминающая рычанье собаки.

113. *Парочку змей нарисуй*. — Изображение на стене двух змей указывало на то, что эту стену и место около нее запрещено осквернять.

124. *Славный старец* — Аристофан.

127. *Крепиды* — греческие сандалии.

129. *Италийский эдил* — должностное лицо маленького городка.

131. *Счетные доски* (абаки) — служившие для математических вычислений и геометрических чертежей, делались из полированного мрамора или другого гладкого материала и посыпались песком.

134. *Эдикт* — здесь театральная афиша.

САТИРА ВТОРАЯ

25. *Сера священная*. — Подразумевается молния; по утверждению Вергилия («Энеида», 2, 698) и других римских писателей, после удара молнии распространяется запах серы.

26. ... *велем овечьих кишок*. — По внутренностям животных производили гадания; специалистами по этой части были этрусские жрецы.

33. *Перст непристойный* — средний палец, которым делались непристойные жесты против дурного глаза и т. п.

72. ... *Мессалы великого племя* — Луций Аврелий Котта Мессалин, сын Марка Валерия Мессалы Корвина.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Начало сатиры прекрасно иллюстрируется словами Авла Геллия в его «Аттических ночах», где философ Кальвисий Тавр, сравнивая отношение к философам в древних Афинах с отношением к ним в императорском Риме, говорит: «А теперь стоит поглядеть, как сами философы бегут к дверям богачей обучать молодых людей и сидят там и ждут чуть ли не до полудня, пока ученики хорошенько не проснутся после ночной попойки».

4. ...*тень-то у пятого знака* — на солнечных часах, то есть время близится к полудню.

5. *Пес неистовый* — созвездье Большого Пса.

7. *Спутник один говорит*. — Имеется в виду один из учителей молодого патрона.

10. ...*ощеный двухцветный пергамент*. — Пергамент, делавшийся из кожи, очищали от волос и одну его сторону красили в желтый цвет, а другую оставляли белой.

11. *Свиток бумаги* — папирус.

27. ...*в тускской твоей родословной*. — Многие римские знатные фамилии вели свой род из Этрурии.

29. *Трабея* — парадная одежда римских всадников, которую они надевали во время «смотра всадников», производимого цензором.

39. ...*стон из меди быка сицилийца*. — Сицилийский тиран Фаларид (VI в. до н. э.) казнил людей, сжигая их внутри медного быка.

40. *Меч* — «Дамоклов меч».

44. ...*глаза натирал себе маслом*. — Ученики натирали глаза маслом, чтобы они казались большими.

45—46. ...*высокопарных слов Катона*. — Имеются в виду школьные декламации, одной из тем которых была предсмертная речь Катона Утического.

48—49. «*Шестерка*», «*сучка*» — термины игры в кости.

52—53. ...*ученье портика мудрою* — так называемый Расписной портик в Афинах, где преподавал Зенон, основатель стоического (от слова «стоя» — портик) учения.

56. ...*развела самосские веточки буква*. — Имеется в виду греческая буква Υ. Разветвления ее названы самосскими потому, что эта буква служила символическим знаком в учении Пифагора, родившегося на острове Самосе. Веточки этой буквы как бы указывают на два пути — к добродетели и к пороку.

63. *Чемерица* — здесь лекарство.

68. ...*мету обонуть всего легче*. — Метá — столб в римском цирке, обгибать который на колеснице было трудно и опасно.

74—75. *Умбрийцы, марсы* — клиенты из разных областей Италии.

104. *Алом* — ароматическое растение, из которого готовили дорожный бальзам.

106. ...*шапки надев, вчерашние взяли кеирыты*. — Имеются в виду рабы покойного, получившие вольную по завещанию. После получения вольной рабы надевали особую шапку.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

1—2. ...*наставник... от глотка... цикуты погибший* — Сократ.

3. *Перикла великого детка* — Алкивиад.

21. *Старуха Бавкида* — персонаж известного мифа о Филемоне и Бавкиде, рассказанного в «Метаморфозах» Овидия.

27. ...*да и гению гадок* — то есть своему собственному гению-хранителю.

28. ...*повесив ярмо на распутье...* — В день сельского праздника Компиталий на перекрестках у часовен вешали, в знак прекращения труда, ярмо и другие части упряжи.

САТИРА ПЯТАЯ

30. *Пурпур*. — Имеется в виду одежда с красной полосой. Такую одежду — «претексту» — носили дети до пятнадцати лет. Она считалась священной.

31. *Булла* — шарик, который дети носили на шее, а по достижении юношеского возраста вешали на изображения ларов.

57. *Поле* — Марсово поле в Риме, где занимались гимнастическими упражнениями.

64. *Зерна Клеанфа* — основы стоической философии.

74. *Публием можно стать из трибы Велинской* — то есть получить права гражданства.

74—75. ... *полбу затхлую даром иметь*. — Имеется в виду получение дарового хлеба из государственных амбаров.

75—76. ... *квиритов делает лишь поворот*. — При отпущении на волю хозяин, дававший рабу вольную, являлся к претору и, объявляя раба свободным, поворачивал его, а ликтор претора касался его прутом.

77. *Дама* — имя раба.

78—79. ... *обернется Марком твой Дама*. — Имена Марк и Публий носили только римские граждане.

100—101. ... *не умея на иужной зарубке стрелку поставить* — то есть не умея правильно взвесить дозу лекарства.

112. *Меркурьева слюна*. — Меркурий считался богом корысти и барышей.

145. *Цикута* — здесь лекарство от болезни печени.

161—174. Сцена разговора молодого Херестрата с рабом Давом о гетере Хрисиде; взята из комедии Менаандра, которому следовал Теренций в комедии «Евнух».

177. *В тоге белёной*. — Искатели государственных должностей носили тогу, натертую мелом.

185. *Яйца надтреснутые*. — Римские жрецы гадали на птичьих яйцах, кладя их на огонь и наблюдая, где на них покажется влага; если яйцо трескалось, это считалось зловещим признаком.

191. *Греки* — то есть греческие философы.

САТИРА ШЕСТАЯ

2. *Плектр* — палочка, которой играли на струнных инструментах.

4. *Фидя* — общее обозначение струнного инструмента (лиры, кифары и т. п.).

9. *«Ауны, о граждане, порт»*... — стих из «Летописи» римского поэта Энния.

29. ... *с кормы его боги*... — На корме кораблей ставили изображения богов-хранителей.

33. ... *изображенный среди волн* — см. примеч. к стиху 88 Сатиры первой.

43. ... *увитое лавром посланье*... — послание сенату о победе.

44. *Цезарь* — Калигула (37—41 н. э.).

45—46. ... *Цезония всем объявила торг*... — Имеется в виду празднование императором Калигулой триумфа после похода против германцев. Так как этот поход был неудачным и не было доспехов, необходимых для триум-

фального шествия, жена Калигулы Цезония решила воспользоваться старыми доспехами и другими принадлежностями триумфов, на поставку которых объявила торги.

47. *Рены* — жители берегов Рейна.

56. *Маний-наследник*. — Под именем Маниев подразумевали потомков захудалой и обнищавшей знати древней Ариции, которые просили подаяние у Вирбиева холма.

61. ...*на бегу*... — Имеется в виду бег с факелами, род эстафетного бега.

74. *Попа* — помощник жреца.

77. ...*на высоком... помосте*. — При продаже рабов их выставляли для обозрения на особом помосте — «катасте».

80. ...*твоего завершитель сорита* — или «кучи». Персий имеет в виду известный из логики вопрос о том, какое количество зерен составляет «кучу».

СЕНЕКА

САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

Автором памфлета на смерть предшественника Нерона, императора Клавдия, считается, согласно античной традиции и, в частности, свидетельству историка Диона Кассия, воспитатель молодого Нерона, философ Луций Анней Сенека. Его литературная деятельность была чрезвычайно разнообразна: он писал естественно-научные произведения, философские трактаты, эпиграммы и трагедии, поэтому вполне возможно, что ему принадлежит и сатира на смерть Клавдия, в которой он мог вдоволь поиздеваться над ученым и слабовольным императором, отправившим его в долголетнюю ссылку на остров Корсику, и доставить удовольствие юному Нерону.

Стр. 111. ...*за три дня до октябрьских ид...* — 13 октября (54 г. н. э.).

Стр. 113. ...*увидеть в тогах*... — то есть римскими гражданами. Уравнение провинциалов-иностранцев в правах с римскими гражданами вызывало недовольство сенаторских кругов.

Стр. 114 и сл. — курсивом набраны переводы греческих текстов.

Стр. 115. ...*для его «Историй»*. — Имеются в виду исторические труды Клавдия. ...*как и подобало галлу, он взял Рим* — намек на взятие и разрушение Рима галлами в 390 г. до н. э.

Стр. 116. ...*царство дальнее царя тройного* — остров Эриффея, где Геркулес убил великана Гериона — чудовище из трех сросшихся вместе тел — и угнал его стадо. ...*летушишь, петух, на своем навозе*. — Игра слов: «петух» и «галл» (как называет Сенека Клавдия) по-латыни *gallus*.

Стр. 117. ...*в Афинах это дозволено наполовину*. — В Афинах допускались браки со сводными сестрами.

Стр. 119. *Город*. — Имеется в виду Рим. *Мессала Корвин* — покровитель поэта Тибулла; будучи назначен начальником (префектом) города Рима, он через неделю отказался от этой должности.

ПЕТРОНИЙ

Время написания «Сатур» Петрония — принципат Нерона. Прямых свидетельств о том, кто был сам Петроний Арбитр, не имеется; но можно предполагать, что это тот самый Гай Петроний, о котором рассказывает историк Тацит («Летопись», кн. 16, гл. 18—20): «День он посвящал сну, ночь — делам и жизненным наслаждениям. Других приводит к славе усердие, его же привела бездеятельность; он не считался гулякою и мотом, но отличался утонченной роскошью».

Позднейшие латинские авторы называют автора «Сатур» то Петронием, то Арбитром, то Петронием Арбитром.

То, что дошло до нас от произведения Петрония, составляет лишь ничтожную долю из написанного им. Эти отрывки «Сатур» Петрония относятся к книгам 15-й и 16-й. Каков был объем всего произведения Петрония, неизвестно. Фрагменты не имеют ни начала, ни конца, во многих случаях разрознены; единственно цельный эпизод представляет собою отрывок, получивший название «Пир у Трималхиона».

«Сатур» Петрония интересны и как литературное произведение и как документ, рисующий быт и нравы римского общества времен Нерона.

В дошедших до нас отрывках рассказ ведется от лица Энколпия — человека, получившего, несомненно, хорошее литературное образование, но ставшего вором, убийцей и распутником. Остальные действующие лица — бродячий поэт Эвмолп, ритор Агамемнон и другие — по своему моральному облику нисколько не выше Энколпия. Исключение составляет, пожалуй, один Трималхион — центральная фигура главного эпизода фрагментов — «Пира у Трималхиона».

Трималхион, как показывает уже самое его имя — «втроене отвратительный», должен, казалось, быть самой непривлекательной фигурой у Петрония, но этот вольноотпущенник, земли которого, как говорит один из его сотрапезников, «коршуну не облететь», изображен вовсе не таким отвратительным, как многие другие действующие лица. Он добродушен, гостеприимен, щедр, не злобен, легко прощает проступки рабов, не скрывает своего подневольного постыдного прошлого. Словом, по существу Трималхион не столько отвратителен, сколько смешон.

Петроний ставит себе в заслугу простое и правдивое описание народных нравов — «того, что делает народ». И действительно, в эпизоде «Пир у Трималхиона» мы видим мастерское изображение представителей той среды, из которой вышел сам Трималхион.

Одной из интереснейших подробностей «Сатур» Петрония является введение в них вставных рассказов, взятых автором из устного латинского творчества, подобно сказке об Амуре и Психее, искусно обработанной Апулеем в его «Метаморфозах» («Золотом осле»). Некоторые из этих рассказов имеются и в эпизоде «Пир у Трималхиона».

Богатый материал дают «Сатур» Петрония и для изучения разговорного латинского языка. Сознательно подчеркивая особенности народного говора, Петроний, однако, не впадает в карикатуру, а воссоздает подлинную речь различных слоев населения Италии.

Умение дать настоящую сатиру на нравы определенных слоев римского общества времен Нерона, пусть и не такую резко обличительную, какую дает Ювенал, искусство создавать типические образы, вроде разбо-

гатевого вольноотпущенника Трималхиона, напыщенного ритор Агамемнона, метко очерченных штрихами женщины и т. д., все это дает нам право считать Петрония одним из крупнейших римских сатириков, помогающих изучать жизнь римского рабовладельческого общества и понять те его стороны, которые без Петрониевых «Сатур» остались бы совершенно неосвещенными.

Стр. 126. ...с кадуцеем в руках — то есть с жезлом Меркурия, которого Трималхион считал своим покровителем. ...первая борода. — Впервые сбритые с подбородка волосы посвящались богам.

Стр. 127. Триклиний — столовая, называемая так по большому столу — триклинию (буквально: трехложную), за которым возлежали с трех сторон. Гости всходили на ложе с задней его стороны и ложились лицом к столу, опершись на локоть. С открытой стороны стола подавались кушанья. Одно из мест называлось «консульским», или «преторским». Триклиний у Трималхиона был очень большой: на каждом ложе помещалось по шесть человек.

Стр. 128. Соли — небольшие животные из семейства грызунов.

Стр. 131. Эсседарий — гладиатор, сражавшийся на колеснице.

Стр. 132. ...стащил у инкубона шапку. — Инкубон (домовой, или гном) должен был указать место, где спрятан клад, тому, кто завладеет его шапкой.

Стр. 133. «Таким ли вы знали Улисса?» — ставшее поговоркой восклицание Лаокоона из «Энеиды» Вергилия. ...две стены сразу мажут — соответствует поговорке «двух маток сосут».

Стр. 135. Дионис. . . — будь свободным — игра слов: в подлиннике «Либер» — одно из имен Диониса и «либер» — свободный. Дальше, говоря об отце, Трималхион продолжает ту же игру слов.

Стр. 137. Эдил. — В обязанности выборных эдилов входило наблюдение за порядком, за общественными зданиями и за правильностью мер и весов. Морра — игра, в которой один из игроков быстро разжимает несколько пальцев руки, а другой должен не задумываясь сказать, сколько пальцев разжато. Курия — заседание совета декурионов (городской совет).

Стр. 138. Лаписта — хозяин и учитель гладиаторов. Женищина-эсседария — см. примеч. к стр. 131.

Стр. 139. Бестиарий — бойцы с дикими зверями на арене цирка. Терциарий — гладиатор, вступавший в бой на смену побежденного гладиатора.

Стр. 141. Пенфеево рагу. — Мифический противник Вакха, фиванский царь Пенфей, был растерзан вакханками на куски, отчего рагу и стало называться «Пенфеевым блюдом».

Стр. 147. Пиэта — богиня благочестия.

Стр. 149. Двадцатина — двадцатая часть выкупных денег, которую отпускаемый на волю раб вносил в казну.

Стр. 150. Гомеристы — актеры, изображавшие сцены из мифов о Троянской войне.

Стр. 153. Щечка, щечка, сколько нас? — Детская игра, в которой водившему завязывали глаза и ударили по щеке, а он должен был угадать, сколькими пальцами его ударяют. Севир — член коллегии шести, ведавшей культом Августа.

Стр. 158. . . ллядит, как Венера. — Венера изображалась косой.

Стр. 159. Лацерна — плащ с капюшоном.

Стр. 160. *«Зеленый»*. — Имеется в виду наездник цирковой партии «зеленых».

Стр. 162. *Любую лекурию Рима*. — Имеются в виду лекурии (сословия) мелких государственных служащих — ликторов, писцов, глашатаев.

Стр. 165. *Сонаследник Цезаря*. — Богатые люди, оберегая своих прямых наследников от произвола императора, завещали ему часть своего имущества.

ЮВЕНАЛ

Дедим Юний Ювенал родился в Аквине, древнем городе вольсков в Ладии. Хотя никаких прямых данных о годе рождения Ювенала из его произведений установить нельзя, однако, по указаниям двух его древних биографий, время жизни его приходится на 60—140 гг. н. э., тематика же его сатир касается главным образом времен правления Домициана (81—96 н. э.). По некоторым намекам в его сатирах можно судить, что происхождения он был незнатного. Однако родители Ювенала были люди достаточно состоятельные, чтобы дать ему риторическое образование.

Дошедший до нас сборник сатир Ювенала, несомненно, представляет собой не простой свод его произведений, а книгу, в которой отдельные части распределены по возможности систематически. Это очень хорошо видно по Сатире первой, являющейся не только отдельным, самостоятельным произведением, но и введением ко всем остальным сатирам, в которых Ювенал излагает свое писательское credo. По мнению Ювенала, поэзия должна иметь своим источником жизнь, а не выдуманную, безжизненную тематику. Жизнь во всех ее проявлениях — вот истинная основа поэзии и особенно поэзии сатирической:

Все, что ни делают люди, — желания, страх, наслажденья,
Радости, гнев и раздор, — все это начинка для книжки.

Сатира вторая направлена против лицемеров, которые, прикрываясь личиной блюстителей прав и выдавая себя за философов-моралистов, предаются самым гнусным порокам. В этой сатире Ювенал трижды намекает на Домициана, принявшего звание «непременного цензора». В Сатире третьей Ювенал говорит о трудности жизни в Риме.

Сатиры четвертая и пятая посвящены гастрономическим темам. Сатира четвертая состоит из двух отдельных частей. Начинается она с изображения распутного обжоры Криспина, но затем Ювенал как бы забывает об этом и посредством нескольких вставных стихов (28—36) переходит к Домициану. Тема Сатиры пятой использована во многих эпиграммах Марциала, а также в одном из писем Плиния Младшего, но ни тот, ни другой не дают такой грандиозной сатирической картины, какую мы находим у Ювенала.

Сатира шестая — самая яркая и сильная из всех сатир Ювенала. В ней поэт обличает пороки женщин высшего римского общества.

Сатира седьмая изображает тяжелое положение римской интеллигенции, вся надежда которой, как говорит Ювенал в начале сатиры, — только на Цезаря. Поэты, историки, юристы, учителя красноречия и словесности — все терпят нужду. Заниматься поэзией могут спокойно только люди материально обеспеченные.

Сатиры восьмая, десятая, одиннадцатая, тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая носят по преимуществу характер общих моральных рассуждений. Наряду с этим в Сатире десятой Ювеналом дана яркая картина народного гнева против временщика императора Тиберия — Сеяна.

Сатира двенадцатая — послание другу с выражением радостных чувств по случаю его возвращения из опасного морского путешествия; Сатира шестнадцатая говорит о преимуществах военной службы. Сатира девятая в настоящем сборнике не помещена.

Ювенал создал подлинно обличительную сатиру. Ни Гораций, ни Персий никогда не доходили до той силы обличения, какой достиг Ювенал.

Но Ювенал не только негодует и не только обличает Рим. Он ищет выхода из того страшного положения, которое губит римское государство.

Нечего будет прибавить потомству к этаким нравам
 Нашим: такие дела и желанья у внуков пребудут.
 Всякий порок до предела дошел...

Но выхода он не находит. И все же, несмотря на то, что Ювенал не признавал необходимости и неизбежности коренной реформы Римского государства, присущие сатирику наблюдательность и незаурядный ум привели его к ценным для истории общественной мысли выводам. Это было отмечено превосходно знавшим и ценившим Ювенала Марксом, который в своей работе «Финансовое положение Франции» (1861 г.) писал: «Современная Франция дала нам ключ к тем местам из сатир Ювенала, где внезапно приобретенное богатство рассматривается как преступление против народа» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 266, 1933 г.).

САТИРА ПЕРВАЯ

4. *Топаты* — комедии на латинские сюжеты. Актеры в них были одеты в римскую тогу, в отличие от комедий на греческие сюжеты («паллиаты»), в которых актеры играли в греческих плащах, или «паллиях». Во времена Ювенала эти комедии писались не для представления на сцене, а для декламаций.

40. *Унция* — двенадцатая часть наследства.

44. ...*перед жертвенником лугудунским*. — Светоний в биографии Калигулы говорит, что Калигула устраивал в Лугудуне (Лионе) состязания в красноречии, причем тем, «которые всего менее угодили публике, приказывали стирать написанное губкой или языком, под угрозой, в случае послушания, быть битыми розгой или брошенными в реку».

106. *Пурпур широкий* — кайма на одежде сенаторов.

111. ...*с ногой набеленной*. — Рабам, выводимым на продажу, красили ногу белой краской.

116. *Согласье*. — Имеется в виду храм богини Согласия, на крыше которого было гнездо аиста.

128. *Аполлон-юриисконсульт* — статуя Аполлона на форуме Августа, где разбирались тяжбы.

171. ...*на Фламиньевой или Латинской*. — На первой из этих дорог была могила пантомима Париса, на второй — императора Домициана.

САТИРА ВТОРАЯ

15. *Волосы бреют короче бровей.* — Стойки носили длинные бороды, а волосы на голове сбривали.

Архимал — старший жрец богини Кибелы, кастрат, руководивший ритуалом радений в ее честь.

28. *Триумвиры* — Октавиан, Антоний и Лепид, которые прибегли в 43 г. до н. э. к проскрипциям, по примеру Суллы.

29. *Соблазнитель* — Домициан, сожительствовавший со своей племянницей Юлией.

30. ...*Законы суровые*... — закон о развратниках, изданный Августом и восстановленный Домицианом.

95. *Приап* — сосуд особой формы, по имени бога Приапа.

121. *Гаруспик* — гадатель по внутренностям животных.

148. ...*кто устраивал сам* — император Нерон.

САТИРА ТРЕТЬЯ

33. ...*ведут под копы* — то есть на аукцион, который обозначался воткнутым в землю копыем.

79. *Тот, кто на крыльях летал* — Дедал.

93—94. *Таида, Дорида* — персонажи греческой комедии. Женские роли исполнялись мужчинами.

117. *Крылатая кляча* — Пегас, родившийся из крови Горгоны Медузы, убитой Персеем.

137—138. ...*идейской богини гостеприимцев* — Публий Корнелий Сципион Назика.

163. ...*жwirитам пришлось выселяться*... — намек на удаление плебеев на Священную гору в 494 г. до н. э.

174. *Эксодий* — заключительная пьеса спектакля. Здесь имеются в виду народные комедии-ателланы, в числе масок которых были разные чудовища.

240. *Либурна* — род крытых носилок (лектики).

283—285. *Алая накидка; ледный светильник* — атрибуты императора.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

12. ...*правов судья*... — Имеется в виду Домициан, «непременный цензор» с конца 85 г. н. э.

46. *Первосвященник* — главный понтифик — звание, которое Домициан принял осенью 81 г. н. э.

76—113. *Пегас, Крисп, Ацилий* и др. — исторические лица, приближенные Домициана.

117. ...*у телег арицийских*... — У городка Аридии на Аппиевой дороге постоянно толпились нищие.

122. *Пегма* — особая машина, при помощи которой подкидывали и бросали на арену осужденных на смерть.

141. *Цирцейский мыс* — мыс на побережье Ладия.

САТИРА ПЯТАЯ

31. *Союзные войны*. — Имеются в виду восстания итальянских общин против римлян в 90-х гг. до н. э.

89. *Миципсы* — нумидийский народ в Северной Африке. Миципсы натирали себе тело сезамовым маслом, которое они привозили из Нумидии.

98. *Лена ловец* — то есть гонящийся за наследствами.

133. *Четыреста тысяч* (400 000 сестерциев) — имущественный ценз всадников.

138. Пародия на слова Дидоны в «Энеиде» Вергилия (4, 328).

САТИРА ШЕСТАЯ

8. ...*воробей бездыханный*. — Имеется в виду ручной воробей возлюбленной поэта Катулла — Лесбии.

38. ...*закон... что Юлием издан* — закон императора Августа, изданный в 18 г. до н. э. и дополненный законом 9 г. н. э., который давал преимущества лицам, имеющим детей.

44. ...*в ларе... Латина*. — Имеется в виду эпизод из комической пантомимы.

48. *Тарпейский храм* — на Капитолийском холме. Одна часть этого храма была посвящена Юноне, покровительнице брака.

50. *Церера* — богиня, считавшаяся идеалом женской чистоты.

59. *В гротах, в горах* — то есть местах, которые избирали для любовных свиданий Марс и Юпитер.

70. *Тирс* — ритуальный жезл в культе Вакха. *Акк* — имя актера.

81. *Мирмиллон* — гладиатор в галльском вооружении.

115. *Равные богам* — императоры.

146. *Вольный* — раб, получивший вольную, вольноотпущенник.

155. *Мурра* — плавиковый шпат.

205. *Дакские* и *Германик* — монеты с изображением императоров Траяна и Домициана.

216. *Ланиста* — см. примеч. к стр. 138, «Пир у Трималхиона» Петрония.

246. *Эндромид* — теплый плащ, который накидывался после гимнастических упражнений. *Церома* — мазь, которой натирались борцы, чтобы сделать тело скользким.

265. *Лепид*, *Метелл*, *Фабий* — представители старинной римской знати.

267. *Азил* — имя гладиатора.

376. *Хранитель лоз* — Приап.

392. ...*при вскрытии агнца*. — Зарезав ягненка или другое жертвенное животное, гарусники гадали по его печени.

427. *Секстарий* — 0,55 литра.

483. *Поперечные строчки* — то есть итоги расходов в отчетах рабов.

494. *Псека* — имя рабыни.

513. *Полумужик* — жрец Кибелы, кастрат.

526. *Гордою поле царя*. — Марсово поле в Риме считалось родовым участком царя Тарквиния Гордого.

533. ...в плешивой толпе... — Имеются в виду поклонники богини Изиды.

538. *Змей* — атрибут богини Изиды.

582—583. ...пространство между столбами... — Имеется в виду место на арене цирка, где обычно сидели астрологи.

587. *Этрусский старик* — жрец, символически зарывавший в землю молнию.

603—604. *Понтифики* и *салии* — члены видных жреческих коллегий. *Скаври* — патрицианское фамильное имя.

САТИРА СЕДЬМАЯ

16. *Галлия* (Галатия) — область Малой Азии, ставшая в 25 г. до н. э. римской провинцией.

25. *Отевой супруг Венеры* — Вулкан.

28. ...плющ...и точнее изображение. — *Плющ* — символ бессмертия. Изображения — бюсты писателей, украшавшие общественные библиотеки.

68. *Рутул* — герой 7-й книги «Энеиды» Вергилия.

89. *Золотое кольцо* — знак сословия всадников; его носили и войсковые трибуны.

114. «*Красный*». — Имеется в виду наездник цирковой партии «красных».

115. *Вот уж уселись вожжи*... — пародия на спор Аякса с Одиссеем из-за оружия Ахиллеса.

123. *Праиматики* — судебные консультанты.

174. *Тессера* — жетон на получение ларового хлеба из казенных складов.

176. *Хрисоон* и *Поллион* — современные Ювеналу музыканты.

182. *Нумидийские колонны* — из нумидийского (алжирского) мрамора.

205. ...видели вы бедняком... — Имеется в виду Сократ.

САТИРА ВОСЬМАЯ

2. ...предков портреты... — Имеются в виду пострадавшие от времени бюсты или восковые маски знатных предков в атриях римских домов. В дальнейших стихах перечислены знатнейшие римские фамилии.

16. *С кожей* ...пемзой *катинской натертой*. — Богатые римляне полировали себе кожу пемзой.

21. ...будь иль *Коссом*... — то есть будь нравственно так же благороден, как были благородны представители древних родов.

29. ...обретя *Озириса*. — Во время празднеств в честь богини Изиды одной из ритуальных церемоний было «отыскивание» ее супруга Озириса.

51. *Орлы* — значки легионов.

53. *Герма* — скульптурное изображение головы, устанавливавшееся на высокой подставке.

136. *Прутья*. — Служители высших римских должностных лиц (ликторы) носили связки прутьев со вложенными в них (вне городской черты Рима) топорами.

167—168. ...к *холщовым вывескам*... — то есть к *лупанарам*.

191. ...*смотрят босых*... — Актеры мимов играли на сцене без специальной обуви, которую носили актеры в трагедиях.

209. *Секунтор* — гладиатор, вооруженный шлемом, мечом и щитом, сражавшийся с «ретирием», вооруженным лишь сетью и трезубцем.

213. ...*не хватил одной обезьяны*... — Отцеубийц сажали в мешок с собакой, петухом, змеей и обезьяной и топили в море.

218. *Супруга спартанка* — Гермиона, дочь Менелая и Елены, бывшая замужем сначала за Неоптолемом, а потом за Орестом.

226. *Венок из петрушки* — награда на Немейских играх в Греции, полученная Нероном.

228. *Сирма* — костюм трагического актера.

235. *Факелы*. — Имеются в виду так называемые «живые факелы» Нерона (см. стих 155 Сатиры первой).

237. ...*новый, незнатный*... человек из *Арпина* — Цидерон.

253. *Знатный товарищ героя* — Квинт Лутаций Катул, бывший консулом вместе с Марием в 102 г. и удостоенный вместе с ним триумфа в 102 г. до н. э.

259. *Трабеля* — почетная одежда.

260. *Прутьев пучки* — ликторские связки (см. примеч. к стиху 136). ... был сыном *служанки*. — Имеется в виду дарь Сервий Туллий.

261. *Консула*... *сыновья* — сыновья Юния Брута, первого консула Рима после изгнания царя Тарквиния Гордого. Их преступление было открыто рабом Виндицием.

263. *Гораций Коклес*; *Муций Сцевола* — легендарные герои Рима. *Дева* — Клелия, заложница, бежавшая из лагеря Порсены, переплыв Тибр.

273. ...*от подлого сброда*. — Согласно легенде, первые соратники Ромула были пастухи, бродяги и преступники.

САТИРА ДЕСЯТАЯ

10. *Пной, полаялся на силу*... — Имеется в виду кротонский атлет Милон (VI в. до н. э.), пытавшийся расщепить полурасколотый дубовый пень и погибший от напавших на него диких зверей, так как не мог высвободить рук, зажатых этим пнем.

33. *Претекста* — сенаторская тога; *трибунал* — эстрада для должностных лиц.

50. ...*в бараньей стране*... — на родине Демокрита, в городе Абдерах, в Беотии.

55. ...*набожно воском*... *залепляя*. — Имеются в виду просьбы (или благодарения) богам, написанные на воощенных табличках, которые прикреплялись к их статуям.

65. ...*побелив быка*. — Если нельзя было достать для принесения в жертву совершенно белого быка, то пятна темной шерсти замазывали мелом.

109. ...*того, кто посмел*... — Подразумевается Юлий Цезарь.

115. *Квинкватрии* — пятидневный праздник в конце марта в честь Минервы, покровительницы учителей и учеников.

116. ...*ассом одним*... — Имеется в виду ученик, вносящий первую плату за учение.

122. *«О счастливый Рим!..»* — стих Цицерона, приведенный как образчик его нескладных поэтических произведений.

171. *Кирпичные стены столицы* — Вавилон.

177. *Мидиец* — Ксеркс.

249. ...*на правой руке*... — Римляне на пальцах левой руки отсчитывали единицы и десятки, а на пальцах правой — сотни и тысячи.

257. ...*обреченный судьбой на плач* — Лаэрт, отец Одиссея.

333. *Мессалина* — жена императора Клавдия; в 47 г. н. э. юридически оформила свою связь с Гаем Силием еще при жизни Клавдия.

САТИРА ОДИННАДЦАТАЯ

63. ...*к звездам восхищен*... — Согласно мифам, Гераклес был сожжен на костре, а Эней убит на реке Нумиции; и тот и другой были обоженные.

92. ...*цензора*... *опасался* — намек на взаимные обвинения цензоров Ливия Салинатора и Клавдия Нерона в 204 г. до н. э.

96. ...*изголовье*... *кровати*. — Брачное ложе у римлян было украшено головою осла, животного, посвященного богине Весте, охранительнице домашнего очага.

193. ...*празднество*... *в честь Кибелы* — справлялось в апреле. Завершающие праздник состязания открывались по взмаху платка распорядителя.

САТИРА ДВЕНАДЦАТАЯ

28. ...*Изидой живут живописцы*. — Моряки, спасшиеся после кораблекрушения, заказывали живописцам небольшие картины с изображением гибнущего корабля и вешали эти картины в храме богини Изиды.

81. *Матросы с обритой макушкой*... — Спасшиеся после кораблекрушения моряки обривали себе голову.

106. *Цезарев скот* — слоны.

127. *Микенянка* — Ифигения.

САТИРА ТРИНАДЦАТАЯ

44. *Геркулеса жена* — богиня Геба.

50. *Сицилийская супруга* — дочь Цереры Прозерпина, похищенная Плутоном на лугах Сицилии.

62. *Этрусские свитки* — записи жрецов о чудесных событиях.

80. *Охотница-дева* — Диана.

93. *Систр* — металлическая погремушка, употреблявшаяся в обрядах культа Изиды.

113. *Гомеров Градив* — Марс (Арей), раненный героем «Илиады» Диомедом.

157. *Галлик* — городской префект при императоре Домициане.

САТИРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

81. *Юпитера слуги* — орлы.

164. *Югер* — 0,25 га.

180—181. *Марсы, герники, вестинцы* — названия италийских племен.

192. *Тяжба* — примерный урок по изучению права.

241. ...из змеиных зубов. — Имеется в виду миф о посеянных Кадмом драконовых зубах и выросших из них войнах.

284—285. *Того ужасает лик Евменид*. — Имеется в виду миф об Оресте.

286. *Этот уверен...* — Имеется в виду Аякс, который, не получив оружия Ахиллеса (отданного Улиссу), обезумел от обиды и стал убивать быков и баранов, принимая их за греческих вождей.

308—309. *Бочка киника* — глиняная бочка Дмогена.

326. *Трижды четыреста тысяч* (1 200 000 сестерциев) — сенаторский ценз во времена Империи.

САТИРА ПЯТНАДЦАТАЯ

6. ...волшебные звуки. — Колоссальная статуя Аменхотепа III, именовавшаяся в древности Мемноном (сыном Зари), каждое утро издавала певучий звук, производимый теплым воздухом, выходящим из трещин в статуе.

96. ...при долгой осаде. — Речь идет о городе басков Калагурры, осажденном римскими войсками в 72 г. до н. э.

110. *Греков Афины и наши* (то есть Рим) — греческая и римская культуры.

141. *Мист Цереры* — участник Элевсинских мистерий в древней Греции.

САТИРА ШЕСТНАДЦАТАЯ

6. ...песчаный Самос. — На острове Самосе было древнее святилище богини Геры (Юноны).

37. *Камень священный* — камень, посвященный богу границ Термину.

СУЛЬПИЦИЯ

САТИРА

В 1498 г. в Венеции было издано небольшое стихотворение, написанное дактилическим гекзаметром и озаглавленное: «Стихи Сульпиции, жившей во время Домициана, найденные недавно Георгием Мерулой Александрийцем вместе с другими сочинениями».

Стихотворение Сульпиции написано по поводу эдикта императора Домициана об изгнании всех философов из Рима и Италии.

Это стихотворение, неизвестное до конца XV века, возбудило живой интерес филологов. Новый образец римской сатиры и то, что автором ее является портесса, открывали интересную страницу истории римской литературы, знакомя нас с обличительным произведением, написанным, очевидно, еще при жизни Домициана.

А Н О Н И М

ЗАВЕЩАНИЕ ПОРОСЕНКА

К сатирическим произведениям римской литературы следует отнести и пародии на язык законодательства, о существовании которых известно уже по упоминанию Луцилием шуточного закона о порядке пира. Одна из таких пародий включена Плавтом в комедию «Об ослах». До нас дошла из этого рода произведений очень забавная анонимная пародия на завещание, относящаяся к III или к IV веку н. э.

Содержание

ГОРАЦИЙ

САТИРЫ

Перевод М. Дмитриева

Книга первая

<i>Сатира первая</i>	7
<i>Сатира вторая</i>	12
<i>Сатира третья</i>	16
<i>Сатира четвертая</i>	21
<i>Сатира пятая</i>	26
<i>Сатира шестая</i>	30
<i>Сатира седьмая</i>	34
<i>Сатира восьмая</i>	36
<i>Сатира девятая</i>	38
<i>Сатира десятая</i>	41

Книга вторая

<i>Сатира первая</i>	44
<i>Сатира вторая</i>	48
<i>Сатира третья</i>	53
<i>Сатира четвертая</i>	65
<i>Сатира пятая</i>	69
<i>Сатира шестая</i>	74
<i>Сатира седьмая</i>	78
<i>Сатира восьмая</i>	83

ПЕРСИЙ

САТИРЫ

Перевод Ф. Петровского

<i>Пролог . . . . .</i>	<i>87</i>
<i>Сатира первая . . . . .</i>	<i>89</i>
<i>Сатира вторая . . . . .</i>	<i>93</i>
<i>Сатира третья . . . . .</i>	<i>96</i>
<i>Сатира четвертая . . . . .</i>	<i>100</i>
<i>Сатира пятая . . . . .</i>	<i>102</i>
<i>Сатира шестая . . . . .</i>	<i>108</i>

✱

СЕНЕКА

САТИРА НА СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

Перевод Ф. Петровского

<i>Сатира на смерть императора Клавдия . . .</i>	<i>111</i>
--	------------

✱

ПЕТРОНИЙ

ПИР У ТРИМАЛХИОНА

Перевод Б. Ярхо

<i>Пир у Трималхиона . . . . .</i>	<i>124</i>
------------------------------------	------------

✱

ЮВЕНАЛ

САТИРЫ

Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского

<i>Сатира первая . . . . .</i>	<i>168</i>
<i>Сатира вторая . . . . .</i>	<i>174</i>
<i>Сатира третья . . . . .</i>	<i>179</i>
<i>Сатира четвертая . . . . .</i>	<i>189</i>
<i>Сатира пятая . . . . .</i>	<i>194</i>
<i>Сатира шестая . . . . .</i>	<i>200</i>
<i>Сатира седьмая . . . . .</i>	<i>219</i>
<i>Сатира восьмая . . . . .</i>	<i>226</i>
<i>Сатира десятая . . . . .</i>	<i>234</i>

<i>Сатира одиннадцатая</i>	245
<i>Сатира двенадцатая</i>	251
<i>Сатира тринадцатая</i>	255
<i>Сатира четырнадцатая</i>	263
<i>Сатира пятнадцатая</i>	273
<i>Сатира шестнадцатая</i>	279

СУЛЬПИЦИЯ

САТИРА

Перевод Ф. Петровского

<i>Сатира</i>	281
-------------------------	-----

АНОНИМ

ЗАВЕЩАНИЕ ПОРОСЕНКА

Перевод Б. Ярхо

<i>Завещание поросенка</i>	284
Комментарии Ф. Петровского	289

Римская сатира
Сборник

Редактор Р. Похлебкин

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор Г. Каупина

Корректор Р. Гольденберг

*

Сдано в набор 27/X 1956 г. Подписано к печати 24/I 1957 г. Бумага 70×108 ¹/₁₆,—20 печатных листов, 27,4 условно-печатных листов, 15,57 учетно-издательских листов. Тираж 25 000. Заказ № 257. Цена 12 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
21-я типография им. Ивана Федорова.
Ленинград, Звенигородская, 11.

РИМСКАЯ
САТИРА

ГОРАЦИЙ

ПЕРСИЙ

СЕНЕКА

ПЕТРОНИЙ

ЮВЕНАЛ

СУЛЬПИЦИЯ

АНОНИМ

ГОСЛИТИЗДАТ
1957

РИМСКАЯ САТИРА

РИМСКАЯ
САТИРА

ГОРАЦИЙ

ПЕРСИЙ

СЕНЕКА

ПЕТРОНИЙ

ЮВЕНАЛ

СУЛЬПИЦИЯ

АНОНИМ

РИМСКАЯ САТИРА

